

КОЛЛЕКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

ДВЕ ДИАНЫ

Александр Дюма

Две Дианы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10729053

Александр Дюма Две Дианы: Арт-Бизнес-Центр; Москва; 2015

ISBN 978-5-4444-8432-6

Аннотация

Франция, май 1551 года. Габриэль – сирота. Так утверждает его кормилица, но так ли на самом деле? Достигнув совершеннолетия и получив право носить шпагу, юноша получает ответ и на главный вопрос – кем были его родители.

Открытие не стало большой неожиданностью для смышленного нормандца, выросшего под сенью графского замка в деревушке Монтгомери. Но судьба его отца так и осталась тайной. Однажды граф Монтгомери вышел из дома, да так и не вернулся обратно. Исчез. Друзья, родственники, даже сам король Франции предпринимали всяческие розыски. Всё тщетно. Похоже, граф пал жертвой какого-то предательства, и, похоже, враги его были очень ловки или очень влиятельны. Отныне долг Габриэля Монтгомери – отомстить за отца или спасти его. Но действовать нужно тайно.

Роман Александра Дюма, как и все лучшие его книги, ярок, динамичен, густонаселен и насыщен историческими событиями – Генрих II, Диана де Пуатье, Екатерина Медичи, Мария Стюарт,

герцог де Гиз, Нострадамус, осада Сен-Кантена, штурм Кале, Амбуазский заговор, секрет Мартен-Герра, начало Религиозных войн. Читателей ждет встреча с эпохой Возрождения, полной красоты, загадок, страстей и неразрешимых противоречий.

Содержание

Об авторе	7
Часть первая	11
I. Графский сын и королевская дочь	11
II. Новобрачная с куклой	24
III. В лагере	35
IV. Фаворитка короля	51
V. В покоях королевских детей	59
VI. Диана де Кастро	63
VII. «Отче наш» господина коннетабля	72
VIII. Удачная карусель	82
IX. Как можно пройти мимо своей судьбы, не узнав ее	91
X. Элегия во время комедии	97
XI. Мир или война?	114
XII. Мошенник вдвойне	121
XIII. Вершина блаженства	128
XIV. Диана де Пуатье	138
XV. Екатерина Медичи	149
XVI. Возлюбленный или брат?	158
XVII. Гороскоп	167
XVIII. Выбор кокетки	181
XIX. Как Генрих II еще при жизни отца начал принимать его наследство	189

XX. О пользе дружбы	193
XXI. Как ревность иной раз уравнивала сословия еще до французской революции	200
XXII. Диана предает прошлое	211
XXIII. Бесполезная жертва	219
XXIV. О том, что пятна крови никогда не отмыть до конца	227
Конец ознакомительного фрагмента.	230

Александр Дюма

Две Дианы

© Арго А., перевод на русский язык, наследники,
2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия,
2015

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

«Это не человек, а сила природы», – говорил о Дюма историк Жюль Мишле. Эти слова подтверждали все, кто лично знал автора «Трех мушкетеров». Человек, обладающий огромной сердечной теплотой и неугасимой энергией, Дюма был неистощим. Он, словно вулкан, исторгал на-гора одновременно по несколько романов, пьес, журнальных статей, между делами встречаясь с друзьями и актрисами, вечерами закатывая лукулловы пиры, на которых сам участвовал в роли повара, запросто засучив рукава и нацепив фартук (одна из последних книг Дюма – огромная «Кулинарная энциклопедия»).

Александр Дави де Ла Пайетри Дюма (такова была полная фамилия будущего писателя) родился в живописном городке Виллер-Котре, находившемся к северу от Парижа близ Суассона. Родителями его были: прославленный наполеоновский генерал Тома-Александр Дюма и дочь трактирщика Мари-Луиза Лабурэ.

Детство юного Александра прошло без особых забот и тревог. Он рос как трава на ветру, в праздности и свободе. Его образованием пыталась заниматься мать, однако непоседливый ребенок, быстро прочитавший Библию и трактат по мифологии, беспечно заявил, что теперь он знает обо всем на свете, и переключился на занятия фехтованием,

уроки танцев и охоту, убегая в лес, когда вздумается.

Однажды, открыв для себя театр, Дюма моментально решил стать драматургом. Заявив матери, что он запросто завоюет Париж, Францию и весь мир своим пером, Дюма отправляется в столицу и, благодаря некоторым связям и каллиграфическому почерку, устраивается писцом к герцогу Орлеанскому.

После нескольких попыток написать оригинальное произведение для театра к Александру наконец приходит успех: к постановке была принята его драма «Генрих III и его двор» – одна из первых французских пьес в жанре романтизма. Пьеса Дюма была воспринята с триумфом.

Молодой драматург быстро учится. Он посещает театры и много читает: мемуары, хроники, исторические исследования, произведения классиков. Увлечение историей наталкивает Дюма на мысль стать местным Вальтером Скоттом, описав, по примеру прославленного шотландца, в романизированной форме всю средневековую историю Франции. Сказано – сделано. Первой исторической книгой Дюма стал роман «Изабелла Баварская» (1835). Окрыленный успехом на новом поприще прославленный драматург переключается на набирающий популярность вид газетной публикации больших произведений. Так называемые романы-фельетоны – захватывающие истории с продолжением в следующем номере. В этом жанре Дюма быстро достиг такого мастерства, что его стали именовать королем романа-фельетона, начи-

ная копировать и продолжать его творения. С раннего утра летних дней 1844 года вся Франция становилась в очередь в газетные киоски, чтобы купить новую порцию «Трех мушкетеров» и узнать, какая участь ждет ужасную интриганку Миледи и останется ли в живых четверка верных друзей, затеявших опасную игру с кардиналом. Следом за «Мушкетерами» Дюма выпускает новые шедевры – потрясающую историю мести «Граф Монте-Кристо» и средневековый роман плаща и шпаги «Королева Марго». Читатели требуют еще и еще, а писатель и не думает останавливаться. «Двадцать лет спустя», «Шевалье де Мезон-Руж (Кавалер Красного замка)», «Графиня де Монсоро», «Ожерелье королевы». Большинство из этих прославленных романов Дюма написал в соавторстве с историком и литератором Огюстом Маке.

Наряду с литературной деятельностью Дюма много путешествовал. Он объездил практически всю Европу, два года провел в России (1858–1859), посетив Петербург, остров Валаам, Москву, Царицын, Закавказье. Кроме того, Дюма принимал участие в Июльской революции 1830 года и помогал Гарибальди в борьбе за объединенную Италию.

Известие о первых поражениях во время Франко-прусской войны Дюма воспринял как личное горе. Он тяжело заболел и, уже будучи полупарализованным, переехал жить в Пюи, в дом сына (тоже писателя и драматурга). Здесь 5 декабря 1870 года Александр Дюма-отец скончался. В 2002 году его прах был перенесен в парижский Пантеон – усыпаль-

ницу великих людей Франции.

В. Матющенко

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ДЮМА-ОТЦА

«Три мушкетера» (Les Trois Mousquetaires, 1844)

«Двадцать лет спустя» (Vingt ans apres, 1845)

«Королева Марго» (La Reine Margot, 1845)

«Графиня де Монсоро» (La Dame de Monsoreau, 1846)

«Граф Монте-Кристо» (Le Comte de Monte-Cristo, 1845–1846)

«Две Дианы» (Les Deux Diane, 1846–1847)

«Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» (Le Vicomte de Bragelonne, ou Dix ans plus tard, 1847)

Часть первая

I. Графский сын и королевская дочь

Случилось это 5 мая 1551 года. Восемнадцатилетний юноша и женщина лет сорока вышли из скромного сельского домика и неторопливо зашагали по улице деревушки, именуемой Монтгомери.

Молодой человек являл собою великолепный нормандский тип: каштановые волосы, синие глаза, белые зубы, яркие губы. Свежесть и бархатистость его кожи придавали некоторую изнеженность, чуть ли не женственность, его красоте. Сложен он был, впрочем, на диво: крепок в меру и гибок, как тростник. Одежда его была проста, но изящна. На нем ловко сидел камзол темно-лилового сукна, расшитый шелком того же цвета; из такого же сукна и с такою же отделкой были его рейтузы; высокие черные сапоги, какие обычно носили пажи и оруженосцы, поднимались выше колен; бархатный берет, сдвинутый набок, оттенял его высокий лоб, на котором лежала не только печать спокойствия, но и душевной твердости.

Верховая лошадь, которую он вел за собою на поводу, скидывала по временам голову и, раздувая ноздри, ржала.

Женщина по своему виду принадлежала если не к кре-

стьянскому сословию, то, вероятно, к промежуточному слою между крестьянами и буржуа. Юноша несколько раз просил ее опереться на его руку, однако она всякий раз отказывалась, словно по своему положению считала себя недостойной такой чести.

Пока они шли по улице, ведущей к замку, который величаво вздымался над скромной деревушкой, нетрудно было заметить, что не только молодежь и взрослые, но и старики низко кланялись проходившему мимо них юноше. Каждый словно признавал в нем господина и повелителя. А ведь этот молодой человек, как мы сейчас увидим, сам не знал, кто он такой.

Выйдя за околицу, они свернули на дорогу или, вернее, на тропинку, круто ведущую в гору. Идти по ней рядом было просто невозможно, а поэтому – впрочем, только после некоторых колебаний и настойчивых просьб молодого человека – женщина пошла впереди.

Юноша молча двинулся за ней. На его задумчивом лице лежала тень какой-то тяжелой заботы.

Красив и грозен был замок, куда направлялись эти два путника, столь различные по возрасту и положению. Потребовалось четыре века и десять поколений, чтобы вся эта каменная громада сама стала господствовать над горою. Как и все строения той эпохи, замок графов Монтгомери отнюдь не представлял собой единого архитектурного ансамбля. Он переходил от отца к сыну, и каждый владелец, исходя из сво-

их прихотей или потребностей, что-нибудь добавлял к этому исполинскому нагромождению камней. Квадратная башня, главная цитадель замка, сооружена была еще при герцогах Нормандских. Затем к суровой твердыне стали присоединяться башенки с изящными зубцами, с резными оконницами, и вся эта резьба по камню с годами плодилась и умножалась. Наконец, длинная галерея с готическими окнами, построенная в конце царствования Людовика XII и в начале правления Франциска I, завершила собою многовековое нагромождение.

Но вот путники наши подошли к главным воротам.

Странная вещь! Вот уже пятнадцать лет у этого великолепного замка не было владельца. Старый управляющий все еще взимал арендную плату, а слуги, уже постаревшие, все еще поддерживали порядок в замке, каждое утро отпирая ворота, словно в ожидании прихода хозяина, и каждый вечер их запирая, словно хозяин отложил свое возвращение до утра.

Управляющий принял обоих посетителей с тем дружелюбием, с каким относились все к этой женщине, и с тем почтением, какое все, по-видимому, питали к этому юноше.

– Господин Элио, – обратилась к нему женщина, – не позволите ли вы нам войти в замок? Мне нужно кое-что сказать господину Габриэлю, – показала она на юношу, – а сказать ему это я могу только в парадном зале.

– Какие могут быть разговоры, госпожа Алоиза! Конеч-

но, входите, – сказал Элио, – и где угодно скажите молодому господину все, что у вас на сердце.

Они миновали караульную, прошли по галерее и вошли наконец в парадный зал.

Он был обставлен точно так же, как и в тот день, когда его покинул последний владелец. Но в этот зал, где некогда собиралась вся нормандская знать, уже пятнадцать лет никто не входил, кроме слуг.

Вот в него-то и вошел не без волнения Габриэль (читатель, надеемся, не забыл, что так назвала женщина молодого человека). Однако впечатление, произведенное на него мрачными стенами, величественным балдахинном, глубокими оконницами, не смогло отвлечь его мысли от основной цели, приведшей его сюда, и, едва только за ними затворилась дверь, он сказал:

– Ну, добрая моя кормилица, хотя ты, кажется, и взволнована сильнее меня, теперь отступать уже некуда: придется тебе рассказать то, о чем обещала. Говори без страха, а главное – не медли. Хватит колебаться, да и мне не след ждать. Когда я спрашивал тебя, какое имя вправе я носить, из какой семьи я вышел, кто мой отец, ты отвечала мне: «Габриэль, я скажу вам это все в день, когда вам исполнится восемнадцать лет. Тогда вы станете совершеннолетним и будете иметь право носить шпагу». И вот сегодня, пятого мая тысяча пятьсот пятьдесят первого года, мне исполнилось восемнадцать лет и я потребовал от тебя соблюдения слова, но ты

с ужасающей торжественностью ответила: «Не в скромном доме вдовы бедного конюшего должна я открыть вам глаза на то, кто вы такой, а в парадном зале замка графов Монтгомери!» И вот мы взобрались на гору, перешагнули порог замка родовитых графов и теперь находимся в парадном зале. Говори же!

– Садитесь, Габриэль. Вы ведь позволите мне еще раз называть вас так?

Юноша в порыве глубокой признательности сжал ее руки.

– Не садитесь ни на этот стул, ни на это кресло, – продолжала она.

– Куда же мне сесть, кормилица? – удивился юноша.

– Под этот балдахин, – произнесла Алоиза с какой-то особой торжественностью.

Юноша повиновался.

Алоиза кивнула ему:

– Теперь выслушайте меня.

– Но и ты сядь, – попросил Габриэль.

– Вы позволяете?

– Ты что, издеваешься надо мной, кормилица?

Алоиза присела на ступенях у ног молодого человека, и он бросил на нее внимательный взгляд, полный благожелательности и любопытства.

– Габриэль, – начала кормилица, решившись наконец заговорить, – вам едва минуло шесть лет, когда вы потеряли отца. В тот же год я овдовела. Я выкормила вас: ваша мать

умерла, произведя вас на свет, а я, ее молочная сестра, с того же дня полюбила вас, как родное дитя. Вдова посвятила свою жизнь сироте.

– Дорогая Алоиза, – воскликнул юноша, – клянусь тебе, не всякая мать сделала бы для своего ребенка то, что сделала ты для меня!

– Впрочем, – продолжала кормилица, – не я одна заботилась о вас. Господин Жаме де Круазик, досточтимый капеллан этого замка, недавно почивший в бозе, старательно обучал вас грамоте и наукам, и никто, по его словам, не может вас упрекнуть по части чтения, письма и знакомства с историей прошлого... Ангерран Лориан, близкий друг моего покойного мужа, научил вас ездить верхом и владеть оружием, копьем и шпагой – словом, всем рыцарским искусствам, и уже два года назад в Алансоне на состязаниях по случаю коронации нашего государя Генриха Второго вы доказали, что хорошо восприняли уроки Ангеррана. Я же, бедная невежда, могла только любить вас и учить страху Божьему. И ныне, восемнадцати лет от роду, вы – благочестивый христианин, ученый господин, мастер в ратном деле, и я надеюсь, что с помощью Божьей вы будете достойны ваших предков, монсеньор Габриэль де Лорж, граф де Монтгомери.

Габриэль порывисто вскочил:

– Я – граф де Монтгомери! – Затем горделиво улыбнулся: – Что ж, я так и думал, я почти догадывался об этом. Знаешь, Алоиза, этими своими детскими мечтами я как-то поде-

лился с маленькой Дианой... Но почему ты сидишь у ног моих, Алоиза? Встань, обними меня, святая женщина. Неужели ты перестанешь теперь смотреть на меня как на свое дитя только потому, что я наследник рода Монтгомери? Наследник Монтгомери! – с невольной гордостью повторил он, обнимая свою кормилицу. – Наследник Монтгомери! Стало быть, я ношу одно из самых древних и самых громких имен Франции... Одною из армий Вильгельма Завоевателя командовал Роже Монтгомери; один из Крестовых походов на свои средства совершил Гильом Монтгомери... Нас связывают родственные узы с королевскими домами Шотландии и Франции, и меня будут называть своим родичем знатнейшие лорды Лондона и знаменитейшие представители парижской знати! Наконец, мой родитель...

Тут юноша оборвал свою речь, словно наткнувшись на препятствие. Но тотчас же снова заговорил:

– Увы, несмотря на все это, Алоиза, я одинок в этом мире. Я, отпрыск стольких царственных предков, – бедный сирота, лишенный отца! А моя мать! Умерла и она! О, расскажи мне про них, чтобы я знал, какие они были! Начни с отца. Как погиб он? Расскажи мне об этом.

Алоиза ничего не ответила. Габриэль изумленно взглянул на нее.

– Я спрашиваю тебя, кормилица, как погиб мой отец? – повторил он.

– Монсеньор! Это знает, быть может, один лишь Господь

Бог. Граф Жак де Монтгомери однажды ушел из своего особняка в Париже и не вернулся обратно. Друзья и родственники тщетно разыскивали его. Он исчез, монсеньор. Король Франциск Первый велел нарядить следствие, но оно ни к чему не привело. Если он пал жертвой какого-то предательства, то его враги были очень ловки или очень влиятельны. Отца у вас нет, монсеньор, а между тем в часовне вашего замка недостает гробницы Жака Монтгомери: ни живым, ни мертвым его нигде не нашли.

– Оттого что его не искал родной сын! – воскликнул Габриэль. – Ах, кормилица, отчего ты так долго молчала? Не потому ли, что на мне лежал долг отомстить за отца... или спасти его?

– Нет, но только потому, что я должна была спасти вас самого, монсеньор. Выслушайте меня. Знаете ли вы, каковы были последние слова моего мужа, славного Перро Травиньи, для которого ваш дом был святыней? «Жена, – сказал он мне за несколько мгновений до того, как испустил дух, – не жди моих похорон, закрой мне только глаза и сейчас же уезжай из Парижа с ребенком. Поселись в Монтгомери, но не в замке, а в доме, который нам пожалован монсеньором. Там ты воспитаешь наследника наших господ, не делая из этого тайны, но ничего и не разглашая! Наши земляки будут его любить и не предадут. Главное – скрыть его происхождение от него самого, иначе он покажется в свете и тем самым погубит себя. Пусть он знает только, что принадлежит

к благородному сословию. Затем, когда он вырастет и станет осторожным, рассудительным, доблестным и честным человеком – словом, когда исполнится ему восемнадцать лет, назови ему имя его и род, Алоиза. Тогда он сам рассудит, что должен и что может сделать. Но до тех пор будь настороже: страшная вражда, неискоренимая ненависть преследовали бы его, если бы его обнаружили! Тот, кто настиг и сразил орла, не пощадит и его племени». Сказав так, он умер, монсеньор, а я, послушная его завету, взяла вас, бедного шестилетнего сиротку, лишь мельком видевшего своего родителя, и увезла сюда. Тут уже знали об исчезновении графа и подозревали, что страшные и безжалостные враги грозят каждому, кто носит его имя. Здешние жители увидели вас и, конечно, узнали, но по молчаливому согласию никто не расспрашивал меня, никто не удивлялся моему молчанию. Спустя некоторое время мой единственный сын, ваш молочный брат, умер от горячки. Господу, видно, угодно было, чтобы я принадлежала всецело вам. Все делали вид, будто верят, что остались в живых не вы, а мой сын. Но вы стали походить – и по облику и по характеру – на своего отца. В вас пробуждались задатки льва. Всем было ясно, что вам суждено быть властелином. Дань самыми лучшими фруктами, десятинная подать с урожая поступали в мой дом без всяких просьб. Лучшую лошадь из табуна всегда предоставляли вам. Господин Жаме, Ангерран и все слуги замка видели в вас своего законного властелина. Все в поведении ва-

шем изобличало доблесть, размах, отвагу... И вот наконец вы, невредимый, вошли в тот возраст, когда мне позволено было довериться вашему здравому смыслу и благоразумию. Но вы, обычно такой сдержанный и осмотрительный, сразу заговорили об открытой мести!

– О мести – да, но не об открытой. Как ты думаешь, Алоиза, враги моего несчастного отца еще живы?

– Не знаю, монсеньор. Однако лучше рассчитывать на то, что живы. И если вы, допустим, явитесь ко двору под своим блистательным именем, но без друзей, без союзников и даже без личных заслуг, что же произойдет? Те, кому вы ненавистны, тут же заметят ваше появление, а вы-то их не заметите. Они нанесут вам удар, а вы так и не узнаете, откуда он исходит, и не только останется не отомщенным ваш отец, но и вы погибнете, монсеньор.

– Поэтому-то я и жалею, Алоиза, что у меня нет времени приобрести друзей и чуточку славы. Эх, если бы я знал об этом два года назад! Но все равно! Это лишь отсрочка, и я возьму потерянное время. Теперь мне всего лишь понадобится шагнуть вдвое быстрее. Я поеду в Париж, Алоиза, и, не скрывая, что я Монтгомери, промолчу, что мой отец – граф Жак. Впрочем, я могу назваться виконтом д'Эксмесом, Алоиза, то есть не прятаться, но и не привлекать к себе внимания. Затем я обращусь к... К чьей бы помощи обратиться мне при дворе? Может, к коннетаблю Монморанси, к этому жестокому богохульнику? Нет, и я понимаю, отчего

ты нахмурилась, Алоиза... К маршалу де Сент-Андре? Он недостаточно молод и не очень-то предприимчив... Не лучше ли к Франциску де Гизу? Да, это лучше всего. При Монмеди, Сен-Дизье, в Болонье он уже показал, на что способен. К нему-то я и отправлюсь, под его начальством заслужу свои шпоры, под его знаменами завоюю себе имя.

– Позвольте мне, монсеньор, еще сказать вам, – заметила Алоиза, – что честный и верный Элио имел время отложить немалые деньги для наследника своих господ. Вы сможете жить по-королевски, монсеньор, а молодые ваши вассалы, которых вы обучали военному делу, обязаны и рады будут по-настоящему воевать под вашим началом. Вы имеете полное право призвать их к оружию, вы это знаете, монсеньор.

– И мы воспользуемся этим правом, Алоиза, мы им воспользуемся!

– Угодно ли будет монсеньору теперь же принять всех своих дворовых, слуг, вассалов, которые хотят поклониться вам?

– Повременим еще, моя добрая Алоиза. Лучше вели Мартен-Герру оседлать лошадь. Мне надо съездить кое-куда поблизости.

– Не в сторону ли Вимутье? – лукаво улыбнулась Алоиза.

– Может быть. Разве не должен я навестить и поблагодарить старого Анггерана?

– И вместе с тем повидать маленькую Диану?

– Но ведь она моя женушка, – засмеялся Габриэль, – и

я уже три года – иначе говоря, когда мне было пятнадцать, а ей девять лет – являюсь ее мужем.

Алоиза задумалась.

– Монсеньор, – проговорила она, – если бы я не знала, как возвышенны и глубоки ваши чувства, я воздержалась бы от совета, который осмелюсь вам дать сейчас. Но что для других игра, то для вас дело нешуточное. Не забывайте, монсеньор, что происхождение Дианы неизвестно. Однажды жена Ангеррана, в ту пору находившаяся с ним в Фонтенбло в свите своего господина, графа Вимутье, застала, вернувшись домой, младенца в колыбельке и увидела тяжелый кошель с золотом на столе. В кошеле найдены были кроме золота половинка резного кольца и листок бумаги с одним только словом: «Диана». Берта, жена Ангеррана, была бездетна и с радостью принялась ухаживать за малюткой. Но по возвращении в Вимутье она умерла, и как я, женщина, воспитала мальчика-сиротку, так и он, ее муж, воспитал девочку-сиротку. Одинаковые заботы легли на меня и на Ангеррана, и мы вместе справлялись с ними; я старалась научить Диану добру и благочестию, Ангерран же учил вас наукам и ловкости. Вполне понятно, что вы познакомились с Дианой и привязались к ней. Однако вы – граф де Монтгомери, а за Дианой никто еще не являлся со второй половинкой золотого кольца. Будьте осмотрительны, монсеньор. Я знаю, что Диана – всего лишь двенадцатилетний ребенок, но она вырастет и станет красавицей, а при таком нраве, как у вас, шутить ни

с чем нельзя, повторяю. Берегитесь! Может, она так и проживет свой век подкидышем, а вы слишком знатный вельможа, чтобы жениться на ней.

– Но я ведь собираюсь уехать, кормилица, покинуть и тебя и Диану, – задумчиво возразил Габриэль.

– Это верно. Простите старой своей Алоизе ее чрезмерные опасения и поезжайте навестить эту кроткую и милую девочку. Но помните, что здесь вас с нетерпением ждут.

– Обними меня еще раз, Алоиза. Называй меня всегда своим сыном, и благодарю тебя тысячу раз, дорогая моя кормилица. – Будьте и вы тысячекрат благословенны, сын мой и господин!

Мартен-Герр уже поджидал Габриэля у ворот. Одно мгновение – и оба они вскочили на коней.

II. Новобрачная с куклой

Габриэль направился знакомыми тропами, чтобы поскорее добраться до места. И все же он замедлял иногда бег своего коня. Впрочем, аллюр благородного животного зависел, пожалуй, от хода мыслей его хозяина. В самом деле, самые разнообразные чувства – радость и печаль, восторг и уныние – сменяли друг друга в сердце юноши. Когда он чувствовал себя графом де Монтгомери, огонь загорался в его глазах, и он прищпоривал скакуна, словно пьянея от бьющего ему в лицо обжигающего ветра. Затем он вдруг спохватывался: «Мой отец убит и не отомщен» – и отпускал поводья. Но тут же вспоминал, что он будет сражаться, что страшным и грозным станет его имя, что он воздаст по чести своим врагам, – и опять пускался вскачь, как бы уже летя навстречу славе. Однако стоило ему подумать, что для этого предстоит расстаться с маленькой Дианой, как он снова впадал в уныние и постепенно переходил с галопа на медленный шаг, будто пытаясь этим отсрочить мучительный миг разлуки. И все-таки он вернется, отыскав недругов своего отца и родителей Дианы! И Габриэль несясь вперед так же стремительно, как и его надежды. Когда он приехал, радость окончательно восторжествовала над грустными мыслями.

За изгородью, окружавшей фруктовый сад старого Ангеррана, Габриэль увидел сквозь листву деревьев белое платье

Дианы. Привязав лошадь к ивовому пню, он перескочил через изгородь и, сияя от радости, упал к ногам девочки.

Но Диана залилась слезами.

– Что случилось? – воскликнул Габриэль. – Что нас так жестоко огорчило? Не побранил ли нас Ангерран за то, что мы разорвали свое платье или не выучили молитвы? Не улетел ли наш снегирь? Говори, Диана! Верный твой рыцарь, готовый утешить тебя, стоит перед тобой!

– Увы, Габриэль, ты ошибаешься, тебе не быть больше моим рыцарем, – отозвалась Диана, – и потому-то я и плачу.

Габриэль подумал, что Ангерран назвал Диане его настоящее имя и поэтому она, наверно, хочет его испытать. И он ответил:

– Разве может что-нибудь заставить меня отказаться от того титула, который ты предоставила мне и который я ношу с такой радостью и гордостью? Погляди – я у твоих ног!

Но Диана, казалось, не понимала его слов и, заплакав еще сильнее, уткнулась прямо в грудь юноши.

– Габриэль! Габриэль! Нам нельзя будет отныне видеться.

– Кто же нам помешает? – весело спросил он.

Она подняла свою белокурую красивую головку и, взглянув на него синими, полными слез глазами, с важностью заявила:

– Долг! – и глубоко вздохнула.

На ее красивом лице застыла такая уморительная гримаска, что восхищенный Габриэль, все еще находившийся во

власти своих мыслей, невольно рассмеялся и, обхватив ладонями чистый лоб ребенка, поцеловал его несколько раз. Но Диана поспешно отстранилась от него:

– Нет, мой друг, довольно таких бесед. О боже мой! Мы не можем теперь говорить, как прежде!

«Что за сказки наплел ей Ангерран?» – подумал Габриэль, ничего не понимая, и вслух прибавил:

– Так ты меня разлюбила, Диана?

– Разлюбить тебя! – воскликнула она. – Как ты можешь говорить такие вещи, Габриэль? Разве ты не друг моего детства, не мой брат на всю жизнь? Разве ты не был добр и нежен со мной? Кто носил меня на руках, когда я уставала? Кто помогал мне учить уроки? Ты, ты! Кто для меня придумывал множество игр? Кто собирал мне чудесные букеты на лугах? Кто находил гнезда щеглят в лесах? Все ты, все ты! Я никогда тебя не забуду! Но, несмотря на все это, увы, мы должны расстаться, и расстаться навеки.

– Да почему же? Не наказывают же тебя в самом деле за то, что ты нарочно выпустила пса Филакса на птичий двор?

– Нет, совсем по другой причине.

– Тогда скажи наконец, почему?

Она встала, безжизненно опустила руки и, низко наклонив голову, прошептала:

– Потому что я жена другого.

Габриэль уже не смеялся, и странное волнение сжало его сердце. Он тревожно спросил:

– Что это значит, Диана?

– Меня уже не Дианой зовут, – ответила она. – Меня зовут герцогиней де Кастро, так как имя моего мужа – Орацио Фарнезе, герцог де Кастро.

И двенадцатилетняя девочка невольно улыбнулась сквозь слезы, произнося «моего мужа». Ей была, конечно, лестна мысль: «я – герцогиня», но, взглянув на Габриэля, она снова ощутила всю силу своего горя.

Он стоял перед нею бледный, растерянный.

– Что это? Игра? Сон? – проронил он.

– Нет, бедный мой друг, это грустная действительность, – ответила она. – Разве не встретился ты по дороге с Ангерраном? Он отправился в Монтгомери полчаса назад.

– Я ехал окольными тропами. Но продолжай.

– Как мог ты, Габриэль, не приезжать сюда целых четыре дня! Так никогда не бывало, понимаешь, и отсюда все наше несчастье. Вчера утром я проснулась немного позже обычного, торопливо оделась, помолилась и собиралась сойти вниз, когда услышала шум у ворот дома. Оказалось, это подъехали в сопровождении конюших, пажей, оруженосцев блестящие всадники, а за кавалькадой следовала золоченая карета и вся ослепительно блестела. Пока я с любопытством разглядывала кортеж, дивясь, что он остановился перед нашим бедным домом, в дверь постучал Антуан и передал мне просьбу Ангеррана немедленно спуститься. Я испугалась, не знаю почему, но послушаться не осмелилась. Когда я вошла в залу, там

уже толпились все эти пышно разодетые господа, которых я раньше видела из окна. Тогда я покраснела и от страха задрожала. Понимаешь, Габриэль?

– Понимаю, – с горечью ответил Габриэль. – Но рассказывай дальше. Эта история становится и в самом деле интересной.

– При моем появлении, – продолжала Диана, – один из самых роскошных вельмож подошел ко мне и, предложив мне руку в перчатке, подвел меня к другому дворянину, тоже богато одетому, и, поклонившись ему, сказал:

«Монсеньор герцог де Кастро, я имею честь представить вам вашу супругу. Сударыня, – обратился он ко мне, – перед вами господин Орацио Фарнезе, герцог де Кастро, ваш супруг».

Герцог с улыбкой поклонился мне. А я, вся в слезах, в полном замешательстве, кинулась в объятия к Ангеррану, которого заметила в углу.

«Ангерран, Ангерран! Этот принц – не супруг мой, у меня нет другого мужа, кроме Габриэля. Ангерран, умоляю, скажи это всем этим господам».

Тот, кто представил меня герцогу, нахмурился.

«Что за ребячество?» – строго спросил он Ангеррана.

«Пустое, монсеньор! Это и вправду ребячество», – побледнел Ангерран и, повернувшись в мою сторону, шепнул мне: «Вы в своем уме, Диана? Это что еще за бунт? Отказывать в повиновении родителям, которые вас нашли и воз-

вращают к себе?»

«Где же мои родители? – крикнула я. – Я желаю сама поговорить с ними».

– Мы явились от их имени, сударыня, – ответил суровый вельможа. – Здесь я – их представитель. Если вы не верите мне, вот приказ за подписью короля Генриха Второго, нашего государя. Читайте.

Он показал мне пергамент с красной печатью, и я прочитала вверху страницы: «Мы, Божьей милостью, Генрих Второй», а внизу королевскую подпись: «Генрих». Я была ослеплена, ошеломлена, уничтожена. Голова кружилась, мысли путались. Мои родители представились мне! Имя короля! А тебя не было со мною, Габриэль!

– Но мне сдается, что мое присутствие не так уж вам было необходимо.

– Ах! Будь ты здесь, Габриэль, я бы еще сопротивлялась. А без тебя... Когда тот важный дворянин произнес: «Ну, мы и то уж замешкались. Госпожа Левистон, я вверяю вашему попечению герцогиню де Кастро, мы ждем вас, чтобы отправиться в часовню». Голос его прозвучал так резко и властно, что я позволила увести себя. Габриэль, прости меня, я была уничтожена, растеряна, в голове – ни единой мысли...

– Отчего же? Все это так понятно, – саркастически усмехнулся Габриэль.

– Меня увели в мою комнату, – продолжала Диана. – Там эта госпожа Левистон с помощью двух или трех женщин из-

влекла из большого сундука белое шелковое платье. Затем, как ни стыдно мне было, они меня раздели и снова одели. Я еле осмеливалась переступать ногами в этом роскошном наряде. Затем они подвесили мне жемчужные серьги, надели жемчужное ожерелье, и слезы мои катились по жемчугам. Наконец мы спустились вниз. Тот вельможа с грубым голо-сом опять предложил мне руку и повел меня к носилкам, украшенным золотом и атласом, в которых мне пришлось усестся на подушки. Герцог де Кастро ехал верхом подле дворец, и так мы медленно поднялись к часовне замка Вимуте. Священник уже стоял у алтаря. Я не знаю, какие слова произносились вокруг, какие слова мне подсказывали. Будто во сне, я почувствовала, как герцог надел мне кольцо на палец. Затем спустя двадцать минут, а может, двадцать лет, не знаю, свежий воздух пахнул мне в лицо. Мы вышли из часовни. Меня называли герцогиней. Я оказалась замужем. Понимаешь, Габриэль? Замужем!..

В ответ Габриэль только дико захохотал.

– Знаешь, Габриэль, – продолжала Диана, – я до того обезумела, что только дома пришла в себя и решилась взглянуть впервые на мужа, которого мне только что навязали эти незнакомцы. До этой минуты я хоть и смотрела украдкой на него, но не видела. Ах, Габриэль, он совсем не так хорош, как ты! Во-первых, он среднего роста и менее изящен в богатой своей одежде, чем ты в простом камзоле. Во-вторых, он настолько груб и надменен, насколько ты учтив и любезен.

Обменявшись несколькими словами с тем, который назвал себя представителем короля, герцог подошел ко мне и, взяв меня за руку, сказал с лукавой усмешкой:

«Герцогиня, простите меня, долг велит мне теперь же расстаться с вами. Вы, должно быть, знаете, что мы воюем с Испанией, и мой полк не может дольше обходиться без меня. Надеюсь, вскоре я свижусь с вами при дворе, куда вы отправитесь на этой же неделе. Я прошу вас принять от меня несколько подарков. До скорого свидания, герцогиня!»

Сказав это, он бесцеремонно поцеловал меня в лоб, и я даже укололась об его длинную бороду. А затем все эти господа и дамы с поклонами удалились и оставили меня наконец одну с Ангерраном. Он понял не намного больше, чем я, во всем, что произошло. Ему дали прочитать пергамент, в котором, по-видимому, содержалось повеление короля обвенчать меня с герцогом де Кастро. Вот и все. Ну а сверх того Ангерран сообщил мне еще одну грустную новость: эта самая госпожа Левистон, которая меня одевала и которая живет в Кане, приедет за мною на этих днях и отвезет меня ко двору. Вот вся моя страшная и горестная история, Габриэль. Ах, забыла рассказать: вернувшись к себе, я увидела в большой коробке – угадай-ка что? Никогда не угадаешь! Великолепную куклу с полным бельевым набором и тремя платьями – белым шелковым, пунцовым атласным и зеленым парчовым, – все это для куклы! Я была обижена, Габриэль. Таковы подарки моего мужа! Он обходился со мной, как с маленькой

девчонкой!.. Кстати, кукле всего больше идет пунцовое платье. Башмачки ее тоже очаровательны, но это неприличный подарок, потому что не ребенок же я больше, в самом деле!

– Нет, вы ребенок, Диана, – ответил Габриэль. Его гнев незаметно уступил место печали. – Вы настоящий ребенок. Я не сержусь на вас: ведь вам всего лишь двенадцать лет. Сердиться на вас было бы просто несправедливо и глупо. Я вижу только, что совершил нелепую ошибку, привязавшись так пылко и глубоко к юному и легкомысленному существу... Однако повторяю: я на вас не в обиде. Но будь вы сильнее, найди вы в себе силу воли, чтоб воспротивиться несправедливому приказу, сумей вы добиться хотя бы небольшой отсрочки, Диана, мы были бы счастливы, потому что вновь обрели своих родителей, а они, по-видимому, знатного рода. Я тоже, Диана, собирался посвятить вас в большую тайну; лишь сегодня она открылась мне. Но теперь это излишне. Я опоздал... Я предвижу, что всю жизнь буду вспоминать вас, Диана, и что моя юношеская любовь будет всегда гореть в моем сердце. Вы же, Диана, в блеске двора, в шуме празднеств быстро потеряете из виду того, кто так любил вас в дни вашей безвестности.

– Никогда! – воскликнула Диана. – Послушай, Габриэль, теперь, когда ты здесь, когда ты можешь поддержать мое мужество и помочь мне, хочешь, я откажусь ехать с ними и не поддамся ни на какие просьбы, ни на какие уговоры, а навсегда останусь с тобой?

– Спасибо, дорогая Диана, но отныне перед Богом и людьми ты принадлежишь другому. Мы должны покорствовать своему долгу и своей судьбе. Каждый из нас пойдет своей дорогой: ты – ко двору и к его утехам, а я – в стан бойцов. Только бы дал мне Бог когда-нибудь свидеться с тобой!

– Да, Габриэль, мы свидимся, я буду тебя вечно любить! – воскликнула Диана, со слезами на глазах обнимая юношу.

Но в этот миг на смежной аллее показался Ангерран, а следом за ним госпожа Левистон.

– Вот она, сударыня, – сказал Ангерран, указывая на Диану. – А, это вы, Габриэль! – произнес он, заметив молодого графа. – Я поехал в Монтгомери повидаться с вами, но встретил карету госпожи Левистон, и мне пришлось вернуться.

– Герцогиня, – обратилась к Диане госпожа Левистон, – король дал знать моему мужу, что ему не терпится увидеть вас и чтобы я ускорила наш отъезд. Мы отправимся в путь через час, если вам угодно.

Диана взглянула на Габриэля.

– Мужайтесь! – горячо шепнул он ей на ухо.

Диана, всхлипывая, быстро убежала к себе.

Через час, когда в карету уже вносили вещи, она вновь появилась в саду, одетая в дорожный костюм. У госпожи Левистон, следовавшей за нею, как тень, она попросила позволения в последний раз пройтись по саду, где провела в играх двенадцать таких беззаботных и таких счастливых лет. Габ-

риэль и Ангерран пошли следом за нею. Диана остановилась перед кустом белых роз, посаженных ею и Габриэлем в прошлом году, сорвала две розы, одну приколола к своему платью, другую протянула Габриэлю. Юноша почувствовал, как в этот миг в его руку скользнул конвертик. Он быстро спрятал его. Потом, распрощавшись с аллеями, рощами, цветами, Диана наконец подошла к карете и пожалала руки слугам и поселянам, которые все знали и любили ее. Бедная девочка не могла выговорить ни слова, она только дружески кивала головой провожающим. Затем поцеловала Ангеррана и Габриэля, нимало не смущаясь присутствием госпожи Левистон. К ней даже вернулся голос, когда на последние слова ее друга: «Прощай!» – она возразила: «Нет, до свидания!»

Наконец она села в карету и, сделав гримаску, которая так шла к ее детскому лицу, спросила госпожу Левистон:

– А вы не забыли уложить наверх мою большую куклу?

Карета умчалась.

Габриэль открыл полученный от Дианы конвертик: там оказалась прядь ее красивых пепельных волос, которые он так любил целовать.

Месяц спустя Габриэль приехал в Париж и явился во дворец Гизов, где представился герцогу Франциску де Гизу под именем виконта д'Эксмес.

III. В лагере

– Да, господа, – говорил окружавшим его офицерам герцог де Гиз, входя в свою палатку, – да, сегодня вечером, двадцать четвертого апреля тысяча пятьсот пятьдесят седьмого года, вернувшись на неаполитанскую территорию и овладев Кампли, мы приступаем к осаде Чивителлы. Первого мая, взяв Чивителлу, мы раскинем лагерь перед Аквиллой. Десятого мая мы будем в Арпино, а двадцатого – в Капуе, где заночуем, подобно Ганнибалу. Первого июня, господа, я намерен дать вам возможность увидеть Неаполь, если будет угодно Господу Богу.

– И папе, брат мой, – заметил герцог Омальский. – Если я не ошибаюсь, его святейшество после всех посулов помочь нам своими солдатами до сих пор предоставляет нас самим себе, а наша армия едва ли настолько сильна, чтобы так углубляться в чужую страну.

– Павел Четвертый не может оставить нас без поддержки, – возразил Франциск, – он слишком заинтересован в успехе нашего оружия... Какая прекрасная ночь, господа! Прозрачна и светла... Господин маркиз д'Эльбеф, – продолжал он, – что слышно про обозы с провиантом и снарядами из Асколи, обещанные нам? Надеюсь, сюда-то они наконец придут?

– Да, я слышал об этом разговоре еще в Риме, монсеньор,

но с тех пор – увы!..

– Простая задержка, только и всего, – перебил его герцог де Гиз, – и, в конце концов, мы еще не совсем обнищали. Взятие Кампли несколько пополнило наши запасы, и, если бы я через час заглянул в шатер каждого из вас, уверен, я увидел бы хороший ужин на столе. Идите же лакомиться, господа, я не задерживаю вас. Завтра на рассвете я приглашу вас, и мы сообща обсудим, с какого боку надгрызть этот сладкий пирог, Чивителлу. А до тех пор вы свободны, господа. Хорошего вам аппетита и покойной ночи!

Герцог, смеясь, проводил офицеров до выхода из палатки, но когда ковер за последним из них опустился и Франциск де Гиз остался один, его мужественное лицо сразу обмякло и приняло озабоченное выражение. Усевшись за стол и обхватив голову руками, он прошептал в тревоге:

– Неужели мне было бы лучше отказаться от всякого честолюбия, остаться всего лишь полководцем Генриха Второго и ограничиться возвращением Милана и освобождением Сиены? Вот я в этом Неаполитанском королевстве, на престол которого влекли меня мои мечты. Да, я здесь, но без союзников, почти без провианта, а все старшие офицеры армии, в первую очередь мой брат, – люди пассивные, ограниченные... И самое страшное – что они начинают поддаваться унынию...

В это мгновение герцог де Гиз услышал за спиною чьи-то шаги. Он быстро обернулся, разгневавшись на дерзкого на-

рушителя, но, увидев его, не только не прикрикнул, а протянул ему руку.

– Уж вы-то, дорогой мой Габриэль, никогда не поколеблетесь пойти вперед только потому, что слишком мало хлеба и слишком много врагов, – сказал герцог. – Недаром вы последним вышли из Меца и первым вошли в Валенцу и в Кампли! Но с чем вы пришли? Есть новости?

– Да, монсеньор, прибыл гонец из Франции, – ответил Габриэль, – и привез письмо, как мне кажется, от вашего distinguished брата, монсеньора кардинала Лотарингского. Вести его сюда?

– Нет, пусть он вам передаст все письма, а вы мне их, пожалуйста, принесите сами.

Габриэль, поклонившись, вышел и вскоре вернулся с письмом, на печати которого красовался герб Лотарингского дома.

Наш старый друг Габриэль почти не изменился за истекшие шесть лет. Только черты лица его стали тверже, решительнее. Было видно, что теперь он сам знает себе цену. В остальном же он остался прежним: все тот же чистый и спокойный лоб, тот же прямой и честный взгляд и, скажем заранее, то же юное, полное порывистой мечты сердце. Впрочем, и шел-то ему ведь только двадцать пятый год.

Герцогу де Гизу было тридцать семь лет. И хотя по природе своей был он великодушен и широк, душа его уже успела разочароваться во многом, чего еще не изведал Габриэль; от

несбывшихся желаний, угасших страстей, бесплодных битв глаза у него впали, волосы на висках поредели. Он прекрасно видел рыцарский и верный характер Габриэля, и потому-то неодолимая симпатия невольно влекла опытного мужа к доверчивому молодому человеку.

Он принял письмо своего брата из рук Габриэля и, прежде чем распечатать его, сказал:

– Вот что, виконт д’Эксмес. Мой секретарь Эрве де Телэн, хорошо вам известный, пал под стенами Валенцы; мой брат герцог Омальский – всего лишь храбрый, но неспособный солдат; мне нужна правая рука, нужен помощник, которому бы я мог довериться, Габриэль. И вот с того дня, как вы явились ко мне в Париж – кажется, лет пять или шесть назад, – я имел возможность убедиться, что вы наделены незаурядным умом и, что еще лучше, преданным сердцем. И хотя вас никто мне не рекомендовал, вы все же полюбились мне с первого взгляда. Я взял вас с собой оборонять Мец, и если этой обороне суждено стать одной из прекрасных страниц в моей биографии, то я не забываю, что исходу этого славного дела немало содействовали ваше неизменное присутствие духа и постоянно бодрствующий ум. Годом позже вы снова одержали со мной победу при Ренти, и если бы не этот осел Монморанси, правильно окрещенный... Впрочем, я собирался не ругать моего врага, а похвалить своего друга и славного соратника, виконта Габриэля д’Эксмеса. Я должен вам сказать, Габриэль, что при любых обстоятельствах, а особенно с тех

пор, как мы в Италии, мне были крайне ценны ваша помощь, ваши советы и ваша дружба, и мне решительно не в чем вас упрекнуть, разве лишь в том, что вы слишком сдержанны, слишком таитесь от своего полководца. Есть, несомненно, в основе вашей жизни какое-то чувство, какая-то идея, которые вы скрываете от меня, Габриэль. Ну что ж, вы это мне когда-нибудь еще откроете. Существенно лишь то, что у вас в жизни есть цель. И, видит бог, есть в жизни цель и у меня. Если пожелаете, мы соединим наши судьбы, вы станете помогать мне, а я вам. Если вам для ваших предприятий понадобится влиятельный покровитель, обращайтесь ко мне. Согласны?

– О, монсеньор, – ответил Габриэль, – я ваш душой и телом! Моим первым желанием было получить возможность поверить в себя самого и внушить эту веру другим. И вот я проникся некоторым доверием к себе, и вы удостоили меня уважения... Итак, моя цель покамест достигнута. Возможно, в будущем у меня появится иная цель, и тогда, раз уж вы благоволили предложить мне такой великолепный союз, я прибегну к вашей помощи... Вы же до тех пор можете быть уверены, что я ваш на жизнь и на смерть.

– В добрый час, Per Vasso¹, как говорят эти пьянчуги кардиналы. Будь спокоен, Габриэль: Франциск Лотарингский, герцог де Гиз, в любом деле горячо поддержит тебя в твоей любви или в твоей ненависти. Ведь нами втайне движет либо

¹ Слава богу! (лат.)

то, либо другое из этих чувств, верно же?

– Но, возможно, и то и другое, монсеньор.

– Ах, вот как? Но если так переполнена душа, как не излить ее перед другом?

– Беда моя в том, монсеньор, что я почти знаю, кого люблю, и совсем не знаю, кого ненавижу.

– Правда? А вдруг у нас общие враги? Не замешался ли в их среду этот старый распутник Монморанси?

– Вполне возможно, монсеньор, и если мои подозрения основательны... Однако сейчас не обо мне идет речь, а о вас и о великих ваших замыслах. Чем могу я быть полезен вам, монсеньор?

– Прежде всего тем, что ты прочтешь мне письмо моего брата, кардинала Лотарингского.

Распечатав и развернув письмо, Габриэль взглянул на него и возвратил бумагу герцогу:

– Простите, монсеньор, письмо написано особым шифром, я не сумею его прочитать.

– Ах, вон оно что!.. Значит, письмо это особенное, к нему нужна решетка... Подождите, Габриэль.

Он отпер железный резной ларец, достал из него лист бумаги с расположенными в определенном порядке прорезями и, наложив его на письмо кардинала, сказал Габриэлю:

– Возьмите теперь и читайте!

Тот, казалось, колебался. Тогда Франциск взял его за руку, пожал и повторил, доверчиво глядя на молодого челове-

ка:

– Читайте же, мой друг.

Виконт д'Эксмес прочитал вслух:

– «Господин мой, высокочтимый и знаменитый брат (когда же смогу я называть вас коротко “государь”)...»

Габриэль опять приостановился, а герцог улыбнулся:

– Вы удивлены, Габриэль, но, надеюсь, ни в чем не заподозрили меня. Да сохранит Господь корону и жизнь государю нашему Генриху Второму. Но трон французский – не единственный на свете. Раз уж случай привел нас к полной откровенности, то я не хочу ничего таить от вас и посвящу вас, Габриэль, во все мои замыслы и мечты.

Герцог встал и принялся расхаживать по шатру.

– Наш род, породнившийся со столькими королевскими домами, может, по-моему, притязать на самые высокие посты в государстве. Но притязать – это еще ничего не значит... Я же хочу добиться... Наша сестра – королева Шотландии; наша племянница Мария Стюарт помолвлена с дофином Франциском; наш внучатый племянник герцог Лотарингский – будущий зять короля... Итак, мы вправе притязать на Прованс и на Неаполь. Удовлетворимся временно Неаполем. Разве эта корона не больше к лицу французу, чем испанцу? Для чего я прибыл в Италию? Для того, чтобы взять ее. Мы в родстве с герцогом Феррарским, в свойстве с Караффа, племянниками папы. Павел Четвертый стар; мой брат кардинал Лотарингский наследует ему. Неаполи-

танский трон шатается, я взойду на него. Вот отчего, свидетель Бог, оставил я позади себя Сиену и Милан и сделал бросок к Аbruццо. Это была великолепная мечта, но очень боюсь, что она пока останется только мечтою. Вспомните, Габриэль, у меня не было и двенадцати тысяч солдат, когда я перешел Альпы. Но семь тысяч солдат обещал мне герцог Феррарский, а Павел Четвертый и Караффа похвалялись, что под их влиянием восстанет могущественная партия в Неаполитанском королевстве. Они сами обязались помочь мне людьми, деньгами, снабжением – и не прислали ни единой души, ни единого фургона, ни единого эку. Мои офицеры колеблются, мое войско ропщет. Но все равно, я дойду до конца! Только крайняя необходимость заставит меня покинуть эту землю обетованную, которую я попираю, и если я покину ее, то еще вернусь сюда, еще вернусь!

Герцог топнул ногою о землю, словно для того, чтобы вступить во владение ею. Его глаза сверкали. Он был великолепен.

– Монсеньор, – воскликнул Габриэль, – как я горжусь теперь тем, что смог принять участие в столь славных начинаниях!

– А сейчас, – улыбнулся герцог, – получив от меня двойной ключ к этому письму моего брата, вы сможете, полагаю, прочесть его и понять. Итак, я вас слушаю.

– «Государь!..» На этом слове я остановился, – заметил Габриэль. – «Должен сообщить вам две дурные вести и одну

хорошую. Хорошая состоит в том, что бракосочетание нашей племянницы Марии Стюарт с дофином окончательно назначено на двадцатое следующего месяца и будет торжественно отпраздновано в Париже. Первая дурная новость получена сегодня из Англии. Туда прибыл Филипп Второй Испанский и повседневно уговаривает супругу свою, королеву Марию Тюдор, которая слепо ему повинуется, объявить войну Франции. Никто не сомневается, что это ему удастся вопреки интересам и воле английского народа. Уже говорят об армии, якобы сосредоточенной на границе Нидерландов под командованием герцога Филибера-Эммануила Савойского. В этом случае, дражайший брат мой, при том недостатке людей, какой мы тут испытываем, король Генрих Второй вынужден будет отозвать вас из Италии, и тогда планы наши относительно этой страны придется отложить... Но, в конце концов, поймите, Франциск, что лучше отсрочить на время, чем потерять навсегда. Опрометчивость и чрезмерный риск недопустимы. Сестра наша королева Шотландская будет напрасно грозить Англии разрывом; поверьте, что Мария Английская, безумно влюбленная в своего молодого супруга, не посчитается с такими угрозами, и действуйте сообразно с этим!»

– Телом Христовым клянусь, – перебил чтение герцог де Гиз, ударив с размаху по столу кулаком, – брат мой совершенно прав! Это хитрая лисица с отличным нюхом. Да, смиренница Мария, несомненно, даст себя увлечь законному су-

пругу, и я, конечно, скорее откажусь от всех королевских тронов на свете, чем ослушаюсь короля, когда он потребует от меня обратно солдат при таких трудных обстоятельствах. Итак, моя проклятая экспедиция натолкнулась на новое препятствие. Скажите откровенно, Габриэль, вы находите ее безнадежной?

– Я не хотел бы, монсеньор, чтобы вы отнесли меня к числу унывающих, но все же, если вы требуете от меня откровенности...

– Я понимаю вас, Габриэль, и разделяю ваше мнение. Премудро, что те великие дела, о которых мы только что говорили, на этот раз не свершатся. Но клянусь, это лишь отложенная игра, и в каком бы месте ни нанесли удар Филиппу Второму, это будет и ударом по его Неаполю. Но продолжайте, Габриэль. Если не изменяет мне память, нам предстоит узнать еще одну дурную новость.

Габриэль стал читать:

– «Другая неприятность, которую я должен вам сообщить, касается только наших семейных интересов, но тем не менее она весьма значительна. У нас, однако, есть еще время ее предотвратить. Поэтому-то я и тороплюсь уведомить вас о ней. Вам следует знать, что со времени вашего отъезда господин коннетабль Монморанси, разумеется, все так же неприязненно и озлобленно относится к нам. Он, по своему обыкновению, не перестает ревновать государя к нам и оскорбительно высказывается по поводу милостей, оказыва-

емых престолом нашему дому. Предстоящее венчание нашей дорогой племянницы Марии с дофином не может, конечно, привести его в доброе расположение духа. Равновесие между домами Гизов и Монморанси, поддержание которого король считает одной из задач своей политики, сильно нарушено этим браком в нашу пользу, и старый коннетабль громко требует противовеса. Такой противовес найден коннетаблем: им явился бы брак его сына Франциска с...»

Молодой граф не дочитал фразу. Голос у него пресекся, лицо побелело.

– Ну? Что с вами, Габриэль? – спросил герцог. – Как вы вдруг побледнели! Что случилось?

– Ничего, монсеньор, решительно ничего, легкая усталость, нечто вроде головокружения... Все уже прошло... С вашего разрешения, я продолжаю, монсеньор. На чем я остановился? Ах да, кардинал говорил, кажется, что существует средство... Нет, дальше... Вот, нашел:

«...явился бы брак его сына Франциска с герцогиней Дианой де Кастро, узаконенной дочерью короля и Дианы де Пуатье. Вы помните, брат мой, что Диана де Кастро на тринадцатом году жизни потеряла мужа, герцога Орацио Фарнезе, который через полгода после женитьбы был убит при осаде Эдена, и провела эти пять лет в парижском монастыре Святых Дев. Король, по просьбе коннетабля, призвал ее снова ко двору. Она – чудо красоты, брат мой. Эта удивительная женщина сразу же покорила сердца, и в первую очередь ро-

дательское. Король, еще раньше подаривший ей герцогство Шательро, только что сделал ее герцогиней Ангулемской. Не прошло двух недель, как она здесь, а ее влияние на короля уже ни для кого не секрет. Дело дошло до того, что герцогиня де Валантинуа, почему-то не пожелавшая официально считаться ее матерью, в настоящее время, кажется, взревновала короля к новой восходящей звезде. Коннетаблю, следовательно, было бы крайне выгодно ввести в дом столь влиятельную родственницу. А вы прекрасно знаете, что Диане де Пуатье трудно в чем-либо отказать этому старому волоките. Король, со своей стороны, не прочь умерить слишком сильное влияние, приобретенное нами. Таким образом, весьма вероятно, что этот проклятый брак будет заключен...»

– Вот опять голос вам изменяет, Габриэль, – остановил его герцог. – Отдохните, друг мой, и дайте мне самому дочитать письмо. Оно меня чрезвычайно заинтересовало. Ведь это и вправду дало бы коннетаблю опасное преимущество перед нами. Но, насколько я знаю, этот болван Франциск женат на одной из девиц де Фиен. Дайте-ка мне письмо, Габриэль.

– Право же, я себя прекрасно чувствую, – поспешил уверить его Габриэль, успевший прочесть несколько следующих строк, – и мне совсем не трудно дочитать письмо!.. До конца осталось совсем немного.

«...весьма вероятно, что этот проклятый брак будет заключен. Но есть одно обстоятельство, которое нам на руку. Молодой Монморанси состоит в негласном браке с деви-

цей де Фиен. Предварительно необходим развод, невозможный без согласия папы. Франциск отправился в Рим, чтобы выхлопотать разрешение. Поэтому ваша задача, дражайший мой брат, опередить его и воспользоваться вашим влиянием на его святейшество, дабы добиться отклонения ходатайства о разводе, несмотря на то, что оно будет поддержано, предупреждаю вас, королем. Я же, со своей стороны, буду действовать со всею присущей мне энергией. В заключение моллю Господа, дорогой мой брат, о даровании вам счастливой и долгой жизни».

– Ну, ничего еще не потеряно, – заметил герцог де Гиз, когда Габриэль дочитал до конца письмо кардинала. – Отказывая мне в солдатах, папа может подарить мне, по крайней мере, буллу.

– Вы, стало быть, надеетесь, что его святейшество не даст развода Франциску де Монморанси с Жанной де Фиен и воспротивится будущему браку? – Голос у Габриэля дрогнул.

– Надеюсь. Но до чего же вы взволнованы, мой друг! Вы бесценный человек: как страстно вы входите в наши интересы!.. Я тоже – можете не сомневаться – весь к вашим услугам, Габриэль. И вот что: поговорим-ка немного о вас. Исход этой кампании мне совершенно ясен. Думаю, что вам вряд ли удастся прибавить в ней новые подвиги. А поэтому не начать ли мне теперь же возмещать вам свой долг, чтобы он не слишком меня тяготил, мой друг? В чем я могу вам помочь? Говорите же, будьте откровенны.

– О, монсеньор, вы слишком добры, – смутился Габриэль, – и я не знаю...

– Вот уже пять лет вы храбро сражаетесь в моей армии, – сказал герцог, – а ни разу не приняли от меня ни одного дене. У вас должна быть нужда в деньгах, черт возьми! Деньги надобны всем. Я вам предлагаю их не в дар и не в долг, а как возмещение ваших расходов. Бросьте со мною чиниться, и хотя, как вы знаете, мы весьма стеснены...

– Да, я знаю, монсеньор, что вашим великим замыслом недостает иной раз мелких сумм, а я столь мало нуждаюсь в деньгах, что сам собирался вам предложить несколько тысяч экую для нужд армии...

– В таком случае, я их принимаю, ибо они, признаться, не лишние. Но неужели для вас решительно ничего нельзя сделать, о вы, не ведающий желаний молодой человек? Не нужны ли вам титулы, например?

– Благодарствуйте, монсеньор, в них у меня тоже нет недостатка, и, как я уже вам сказал, цель моих устремлений – не внешний блеск, а только слава! И так как вы полагаете, что здесь я многого не добьюсь и едва ли еще смогу быть вам полезным, то я бы с превеликой радостью отвез королю в Париж, к свадьбе вашей августейшей племянницы, завоеванные вами в Ломбардии и в Аbruццо знамена. И вы бы меня совершенно осчастливили, если бы сооблаговолили засвидетельствовать перед всем двором в сопроводительном письме на имя государя, что некоторые из этих знамен были захва-

чены лично мною, притом не без риска!..

– Что ж, это сделать нетрудно и вдобавок это будет справедливо, – сказал герцог де Гиз. – Мне, правда, жаль расстаться с вами, но, если во Фландрии вспыхнет война, разлука наша будет непродолжительна. Ведь ваше место там, где сражаются! Когда же вы хотите ехать, Габриэль, чтобы вовремя доставить королю эти свадебные подарки?

– Чем раньше, тем лучше, монсеньор, если свадьба назначена на двадцатое мая.

– Это верно. Так поезжайте завтра, Габриэль, вам и то придется спешить. Идите спать, мой друг, а я тем временем напишу для вас рекомендательное письмо королю и ответ брату, который вы ему передадите, на словах же скажите, что я надеюсь уладить дело с папой.

– Возможно, монсеньор, – сказал Габриэль, – что мое присутствие в Париже будет способствовать желательному для вас исходу этого дела. Таким образом, и отъезд мой послужит вам на пользу.

– Вечная таинственность, виконт д'Эксмес! Но с вами к ней привыкаешь. Прощайте! Желаю вам спокойно провести последнюю ночь в моем лагере.

– Завтра утром я приду за письмами и вашим напутствием, монсеньор. Я оставляю у вас моих людей. Разрешите мне только взять с собой двоих из них, а также моего оруженосца Мартен-Герра – такого провожатого мне достаточно. Он предан мне и храбр, на всем белом свете он боится только

двух вещей: своей жены и своей тени.

– Как так? – рассмеялся герцог.

– Монсеньор, Мартен-Герр сбежал из дому – дом его близ Риэ, в Артиге, – спасаясь от своей жены. Он ее обожал, но она его частенько поколачивала. Еще до обороны Меца он поступил ко мне на службу. Но его жена или сам дьявол время от времени является ему под видом двойника и начинает его мучить. Да, вдруг он видит рядом с собою другого Мартен-Герра, свой собственный образ, похожий на него как две капли воды, и это приводит его в ужас. А вообще говоря, пули для него ничего не значат и он мог бы один пойти на штурм редута и захватить его. Он дважды спас мне жизнь.

– Возьмите же с собой этого доблестного трусишку, Габриэль. Завтра на рассвете будьте готовы.

Ранним утром Габриэль был уже на ногах: он провел в мечтах бессонную ночь; явился за последними наставлениями к герцогу де Гизу и 26 апреля в шесть часов утра отбыл в Рим, а оттуда в Париж в сопровождении Мартен-Герра и двух слуг.

IV. Фаворитка короля

20 мая. Париж. Лувр. Комната ее светлости, вдовы великого сенешаля де Брезе, герцогини де Валантинуа, называемой обычно Дианой де Пуатье. На дворцовых часах пробилло девять. Госпожа Диана, вся в белом, кокетливо прилегла на покрытый черным бархатом диван. Рядом с ней на стуле сидел король Генрих II.

Комната Дианы де Пуатье блистала несказанной роскошью. Живопись на полотнах Приматиччио изображала различные охотничьи эпизоды, главной героиней которых была, разумеется, Диана, богиня охоты и лесов. На золоченых расписанных медальонах и панно повсюду виднелись соединенные гербы Франциска I и Генриха II. Бесконечные и разнообразные эмблемы Дианы – Луны, множество девизов, по большей части начертанных по-латыни, делали честь изобретательности декораторов. А что стоили восхитительные арабески, обрамлявшие эмблемы и девизы, или изящные предметы мебелировки!

Диана была одета в белый пеньюар из необычно тонкой и прозрачной ткани. Воспроизвести же ее удивительную красоту и совершенство форм было бы не под силу даже самому Жану Гужону. Что касается возраста, то его у нее не было. В этом отношении, как и во многих других, она была подобна бессмертным богиням. Рядом с нею казались морщинисты-

ми и старыми самые свежие и юные красавицы.

Она была достойна любви двух королей, которых одного за другим обворожила. «Воля женщины – Божья воля», – говорит французская поговорка, и Диана была в течение двадцати двух лет единственной возлюбленной Генриха II.

Генрих был смугл, черноволос, чернобород и обладал, по словам современников, обаятельной внешностью. Наряд его был на редкость богат: атласный зеленый кафтан с белыми прорезями, отделанный золотыми вышивками; берет с белым пером, блиставший жемчугом и алмазами; двойная золотая цепь с подвешенным к ней медальоном ордена Святого Михаила; шпага работы Бенвенуто; белый воротник из венецианского кружева и, наконец, бархатный, усеянный золотыми лилиями плащ, изящно ниспадавший с его плеч.

Но, рассматривая короля и его фаворитку, не пора ли нам их послушать?

Генрих, держа пергамент в руке, читал вслух любовные стихи, чередуя чтение с мимическими паузами:

Ротик милый, ротик малый,
Как шиповник светло-алый,
Расцветающий в бору
Поутру.
Ты душистый, ты цветущий,
Как малина в темной куще,
И нежнее во сто крат,
Чем прозрачные росинки,

Что, повиснув на кувшинке,
Нас прохладою дарят...

– Как же зовут любезного поэта? – спросил Генрих, окончив чтение.

– Его зовут Реми Белло, государь, и он, если не ошибаюсь, обещает стать соперником Ронсара. Ну что ж, оцениваете ли вы, как я, этот любовный сонет в пятьсот эю?

– Твой подопечный получит их, моя прекрасная Диана.

– Но и старых певцов нельзя забывать. Я обещала, государь, от вашего имени пенсию Ронсару, королю поэтов. Подписали ли вы о ней указ? Ну разумеется. В таком случае, у меня еще только одна просьба к вам: отдайте вакантный пост рекульского аббата своему библиотекарю, Меллену де Сен-Желе, нашему французскому Овидию.

– Овидий будет аббатом, очаровательный мой меценат.

– Ах, как вы счастливы, государь, что можете по своему усмотрению располагать столькими должностями и бенефициями! Если бы мне только на час вашу власть!

– Разве она не всегда в твоих руках, неблагодарная?

– Вот как, государь?.. Вы сказали, что ваша власть всегда в моем распоряжении? Не искушайте меня, государь. Предупреждаю вас, что я воспользовалась бы ею для уплаты большого долга Филиберу Делорму. Он ссылается на то, что мой замок в Анэ закончен. Это будет славнейший памятник вашего царствования, государь!

– Что ж, Диана, возьми для своего Филибера Делорма те деньги, что будут получены от продажи должности пиккардийского губернатора.

– Эта должность, кажется, стоит двести тысяч ливров? О, тогда я смогу еще купить жемчужное ожерелье, которое мне предлагали. Его мне очень бы хотелось надеть сегодня на свадьбе вашего возлюбленного сына Франциска. Сто тысяч Филиберу, сто тысяч за ожерелье – вот и ушло пиккардийское губернаторство!

– Тем более что ты ровно вдвое преувеличила его стоимость.

– Как! Оно стоит всего лишь сто тысяч ливров? Ну что ж, решение очень простое – я отказываюсь от ожерелья.

– Полно, – засмеялся король, – у нас есть где-то три или четыре свободные концессии, которыми можно будет оплатить это ожерелье, Диана.

– О, государь, нет щедрее короля, чем вы, и нет человека, которого бы я сильнее любила!

– Да? Ты и вправду любишь меня не меньше, чем я тебя, Диана?

– Вы сомневаетесь?

– Сомневаюсь потому, что боготворю тебя! Как ты хороша, Диана! Как я люблю тебя! Часами... нет, годами мог бы я так любоваться тобою, забыв о Франции, обо всем на свете.

– Даже о торжестве бракосочетания монсеньора дофина? – спросила, рассмеявшись, Диана. – А между тем оно со-

стоитя сегодня, через два часа. Сейчас пробьет десять.

– Десять! – воскликнул Генрих. – А у меня назначено свидание на этот час!

– Свидание, государь? Уж не с дамой ли?

– С дамой.

– И, должно быть, красивой?

– Да, Диана, очень красивой.

– Значит, не с королевой?

– Какая ты злая! Екатерина Медичи красива на свой лад, красива строгой, холодной, но подлинной красотой. Однако я ожидаю не ее. Ты не догадываешься кого?

– Нет, государь.

– Другую Диану, живое воспоминание о весне нашей любви, нашу дочь, нашу дорогую дочурку.

– Вы во всеуслышание и слишком часто твердите об этом, государь, – нахмурившись, потупилась Диана. – Между тем условлено было, что герцогиня де Кастро будет считаться дочерью другой особы.

– Так оно и будет, – уверил Диану король, – но ведь ты обожаешь нашу дочь, разве не так?

– Я обожаю ее за то, что вы ее любите.

– О да, очень люблю... Она так обаятельна, так умна и добра. А кроме того, она мне напоминает мои молодые годы, то время, когда я полюбил тебя... Не больше, конечно, чем ныне, но все же... до преступления... – Король внезапно впал в мрачную задумчивость. Затем поднял голову. – Этот

Монтгомери! Ведь не любили же вы его, Диана? Вы не любили его?

– Что за вопрос! – презрительно усмехнулась фаворитка. – Двадцать лет спустя все та же ревность!

– Да, я ревновал, ревную и буду ревновать всегда тебя, Диана. Ну да, ты не любила его. Но он-то любил тебя, несчастный.

– О боже, государь, вы всегда прислушивались к наветам, которыми меня осыпают протестанты! Это не подобает католическому королю. Во всяком случае, если даже я и дорога была этому человеку, мое сердце ни на миг не переставало принадлежать вам, а граф Монтгомери давно мертв.

– Да, мертв, – глухо произнес король.

– Не будем же омрачать такими воспоминаниями день, который должен стать светлым праздником, – продолжала Диана. – Вы видели Франциска и Марию? Они все еще влюблены друг в друга, эти дети? Наконец-то их терпение будет удовлетворено. Через два часа они, радостные и счастливые, будут принадлежать друг другу.

– Да, – согласился король, – и если кто в ярости, так это мой старый Монморанси. Впрочем, и ярость коннетабля тем более обоснованна, что наша Диана, боюсь, не достанется его сыну.

– Но ведь этот брак вы сами ему обещали как возмещение?

– Обещал, но госпоже де Кастро, кажется, это не по ду-

ше...

– Что может быть не по душе ребенку, восемнадцатилетней девушке, только что вышедшей из стен монастыря?

– Именно для того, чтобы объяснить мне это, она и поджидает меня сейчас.

– Так идите же к ней, государь. А я пока переоденусь...

– После венчания мы свидимся на карусели. Я еще преломлю копьё в вашу честь. Я хочу, чтобы вы были королевой турнира.

– Королевой? А другая?

– Есть только одна, и ты это знаешь, Диана. До свидания.

– До свидания, государь, и ради бога, не будьте безрассудно смелы на турнире. Вы иногда пугаете меня!

– Игры эти не опасны... До свидания, дорогая Диана, – распрощался король и вышел.

В ту же минуту в противоположной стене отворилась прикрытая ковром дверца.

– Ну и наболтались же вы сегодня, гром и молния! – прорычал коннетабль Монморанси, входя в комнату.

– Друг мой, – ответила, поднявшись, Диана, – вы видели, что еще и десяти не было, еще не наступил час, который я вам назначила, а я уже делала все, чтобы удалить его. Я томилась не меньше вашего, поверьте...

– Не меньше моего! Ну нет, смерть и ад! И если вы, моя милая, воображаете, будто ваша беседа была весьма поучительна и забавна... Впрочем, что это за новость? Отказать

моему сыну Франциску в руке вашей дочери Дианы после того, как этот союз был мне торжественно обещан! Клянусь терновым венцом, можно подумать, что эта внебрачная дочь оказала бы великую честь дому Монморанси, соблаговоллив с ним породниться! Их брак должен состояться! Слышите, Диана? Об этом позаботитесь вы! Ведь это единственное средство, позволяющее восстановить равновесие сил между нами и Гизами, дьявол их задави! А поэтому, Диана, наперекор королю, наперекор папе я желаю, чтобы это было так!

– Но, друг мой...

– Говорю же вам, – крикнул коннетабль, – что я этого желаю, как бог свят!

– Так оно и будет, мой друг, – поспешила уверить его перепуганная Диана.

V. В покоях королевских детей

Вернувшись к себе, король не застал своей дочери. Дежурный камер-лакей доложил, что герцогиня Диана, не дождавшись Его Величества, проследовала в покои королевских детей и попросила дать знать, как только государь вернется.

– Хорошо, – сказал Генрих, – я сам навещу ее. Не надо меня провожать, я пойду один.

Он пересек большую залу, пошел длинным коридором; затем, открыв тихо дверь, остановился и чуть отодвинул портьеру. Детский смех и выкрики заглушили шум его шагов, и он, будучи незамечен, мог полюбоваться необыкновенно живописной картиной.

Обаятельная и юная невеста Мария Стюарт стояла у окна. Рядом с ней – Диана де Кастро, принцесса Елизавета и принцесса Маргарита. Все трое, тараторя без умолку, то поправляли складку на ее костюме, то завивали локон в прическе – словом, придавали туалету невесты ту законченность, какую умеют ему придавать только женщины. В другом конце комнаты братья Карл, Генрих и самый младший, Франциск, с воплями и хохотом изо всех сил налегали на дверь, которую тщетно пытался распахнуть дофин Франциск, молодой жених; шалуны хотели во что бы то ни стало помешать ему увидеть невесту. Жак Амио, наставник принцев, чинно беседовал в углу с гувернантками принцесс – с госпожою де

Кони и леди Ленокс.

Таким образом, здесь, в королевских апартаментах, можно было увидеть всех тех людей, которым суждено будет сыграть свою роль в истории Франции ближайших десятилетий, полных бедствий, страстей и славы: дофина – будущего Франциска II; Елизавету – будущую супругу Филиппа II и королеву Испанскую; Карла – впоследствии Карла IX; Генриха – впоследствии Генриха III; Маргариту Валуа, которой предстояло стать королевой и супругой Генриха IV; Франциска – будущего герцога Алансонского, Анжуйского и Бранбургского и Марию Стюарт, которую ждали две королевские короны и под занавес – мученический венец.

Знаменитый переводчик Плутарха наблюдал печальным и в то же время проникновенным взором за играми этих детей, точно всматривался в грядущие судьбы Франции.

– Нет, нет, Франциск не войдет, – неистово, дико кричал Карл-Максимилиан, в недалеком будущем – главный виновник Варфоломеевской ночи.

И ему с помощью братьев удалось задвинуть засов и на чисто лишить возможности дофина войти в комнату, а тот, настолько щедушный, что ему не под силу было справиться даже с тремя детьми, только топал ногами да хныкал за дверью.

– Бедный Франциск! Как они его мучают! – заметила Мария Стюарт.

– Не шевелитесь, госпожа дофина, иначе я не справлюсь с

этой булавкой, – засмеялась маленькая лукавая Маргарита.

– Вот сделаем это, – сказала неженка Елизавета, – и я впусти беднягу Франциска наперекор этим бесенятам. Не могу смотреть на его мучения!

– Да, ты понимаешь меня, Елизавета, – вздохнула Мария Стюарт.

Ничто не могло быть восхитительнее этих четырех красавиц, столь разных между собою и столь совершенных: Диана – олицетворенная чистота и кротость; Елизавета – величавость и нежность; Мария Стюарт – чарующая томность; Маргарита – сама ветреность. Тронутый и восхищенный, король глядел и не мог наглядеться на это волнующее зрелище.

Наконец он решился переступить порог.

– Король! – закричали дети в один голос и подбежали к отцу.

Только Мария Стюарт немного отстала от других, незаметно отодвинула засов, и дофин стремительно ворвался в комнату. Теперь младшее поколение семьи было в полном сборе.

– Здравствуйте, дети, – приветствовал их король, – очень рад, что вы все здоровы и веселы. Бедный мой Франциск, оказывается, тебя не хотели впускать! Ну ничего, скоро сможешь видеться со своей маленькой женою сколько угодно и когда угодно. Так вы, дети, крепко любите друг друга?

– О да, государь, я люблю Марию! – страстно выпалил дофин и поцеловал руку будущей своей жене.

– Монсеньор, – строго заметила леди Ленокс, – дамам не целуют рук на глазах у всех, особенно в присутствии Его Величества. Что подумает государь о госпоже Марии и об ее воспитательнице?

– Но ведь эта рука моя, – ответил дофин.

– Еще не ваша, монсеньор, – возразила гувернантка, – и я намерена исполнить свой долг до конца.

– Успокойся, – шепнула Мария жениху, уже начинавшему сердиться, – когда она отвернется, я опять протяну тебе руку.

Король посмеивался про себя.

– Вы очень строги, миледи... Впрочем, вы правы, – тут же спохватился он. – А вы, мессир Амио, довольны ли своими учениками? Слушайте, господа, своего ученого наставника, он состоит в близких отношениях с великими мужами древности... Ну, дети, мне хотелось повидать вас до торжества, и я рад, что это мне удалось. Теперь, Диана, я весь к вашим услугам. Пойдем, дитя мое.

Диана низко поклонилась отцу и последовала за ним.

VI. Диана де Кастро

Диане де Кастро, которую мы видели девочкой, было теперь около восемнадцати лет. Природа сдержала все свои обещания, придав ее красоте строгую и обаятельную законченность форм. В изящных, благородных чертах ее лица сквозила первозданная чистота. По характеру и уму она осталась все тем же ребенком, каким мы ее знали. Ей еще не исполнилось и тринадцати лет, когда герцог де Кастро, которого она в день венчания видела в первый и последний раз, был убит при осаде Эдена. На время траура король поместил юную вдову в парижский монастырь Святых Дев, и там она обрела столько тепла и участия, ей так понравился этот образ жизни, что она попросила отца позволить ей хоть на время остаться в обществе добрых монахинь и своих подруг. Нельзя было не исполнить столь благочестивого желания, и Генрих вызвал Диану из монастыря только месяц назад, когда коннетабль Монморанси, опасаясь растущего влияния Гизов на дела государства, испросил для своего сына руку дочери короля и его фаворитки.

В течение месяца, проведенного при дворе, Диана быстро снискала всеобщий почет и поклонение, «ибо, – говорит Брантом в “Книге о знаменитых женщинах”, – она была очень добра и никому не делала зла, имея великое, возвышенное сердце и весьма благородную, чуткую и добродетель-

ную душу». В ней не было никакой злобности, никакой резкости. Так, однажды, когда кто-то сказал в ее присутствии, что французская принцесса крови должна быть отважна и что робость ее слишком отдает монастырем, она в несколько дней научилась верховой езде и не уступала ни одному наезднику в смелости и изяществе. С той поры она стала ездить с королем на охоту, и Генрих все больше и больше поддавался обаянию милой девушки, без всякой задней мысли старавшейся угождать ему и предупреждать его малейшие желания. Диане было разрешено навещать отца в любое время, и он всегда бывал ей рад.

– Итак, я слушаю вас, девочка моя, – сказал Генрих. – Вот бьет одиннадцать. Венчание в Сен-Жермен д’Оксерруа назначено только на двенадцать. Могу вам, стало быть, уделить целых полчаса, и как жаль, что не более! Минуты, которые я провожу подле вас, – лучшие в моей жизни.

– О государь, вы такой снисходительный отец!

– Нет, я просто очень вас люблю, дитя мое, и от всего сердца хотел бы сделать для вас что-нибудь приятное. И чтобы доказать это, Диана, я уведомляю вас прежде всего о двух ваших просьбах. Добрая сестра Моника, так любившая и оберегавшая вас в монастыре Святых Дев, только что назначена настоятельницей монастыря в Сен-Кантене.

– Ах, как я вам благодарна, государь!

– Что до славного Антуана, любимого вашего слуги в Вимутье, то ему назначена хорошая пожизненная пенсия из на-

шей казны. Очень жалею, Диана, что нет больше в живых сьера Ангеррана. Нам бы хотелось по-королевски засвидетельствовать нашу признательность этому достойному человеку, столь хорошо воспитавшему нашу дорогую дочь Диану. Но вы потеряли его, кажется, в прошлом году, и он даже не оставил наследников.

– Государь, право, вы слишком великодушны и добры!

– Кроме того, Диана, вот грамоты, наделяющие вас титулом герцогини Ангулемской. Но все это не составляет и четвертой доли того, что я желал бы сделать для вас. Я ведь замечаю, что вы иной раз печальны и задумчивы. Об этом-то я и хочу с вами побеседовать, хочу вас утешить или унять вашу боль. Скажи мне, деточка, неужели ты не чувствуешь себя счастливой?

– Ах, государь, разве могла бы я чувствовать себя иначе при такой вашей любви, при таких благодеяниях? Одного я только желаю: чтобы настоящее, столь полное радостей, длилось без конца.

– Диана, – серьезно сказал Генрих, – вы знаете, что я взял вас из монастыря, чтобы выдать замуж за Франциска Монморанси. Это прекрасная партия, Диана, и к тому же, не скрою, выгодная для интересов моего престола, а между тем она вам как будто не по душе. Вы мне должны, по крайней мере, объяснить причины вашего отказа. Он огорчает меня.

– Я их не скрою от вас, отец. Прежде всего, – смущенно протянула Диана, – меня уверяют, будто Франциск Монмо-

ранси уже женат; будто он негласно обвенчан с одной из дам королевы, девицей де Фиен.

– Что верно, то верно, – ответил король, – но тайный брак, заключенный без согласия коннетабля и моего, не имеет законной силы, и если папа разрешит развод, то вы не сможете, Диана, быть взыскательнее его святейшества. Итак, если это единственное ваше возражение...

– Нет, есть и другое, отец.

– Послушаем же какое.

– Возражение состоит, отец, в том, что... что я люблю другого, – всхлипнула Диана и, совсем смутившись, бросилась на шею королю.

– Вы любите, Диана? – удивился Генрих. – Как же зовут этого счастливца?

– Габриэль, государь!

– Габриэль... А дальше? – улыбнулся король.

– Я не знаю, как дальше, отец...

– Как же так, Диана? Помилосердствуйте, объяснитесь.

– Сейчас я вам все расскажу. Это любовь моего детства. Я с Габриэлем виделась каждый день. Он был очень мил, храбр, красив, образован, нежен! Он называл меня своей маленькой женошкой. Ах, государь, не смейтесь, это было глубокое и святое чувство, первое, какое запечатлелось в моем сердце! И все же я позволила обвенчать себя с герцогом Фарнезе, государь, и все оттого, что не признавала, что делаю; оттого, что меня к этому принудили, а я послушалась, как

маленькая девочка. Затем я увидела, почувствовала, поняла, в какой измене повинна я перед Габриэлем. Бедный Габриэль! Расставаясь со мною, он не плакал, но какое страдание застыло в его взоре! Все это оживало в моей памяти, когда, ведя затворническую жизнь в монастыре, я начинала вспоминать свои детские годы. Так я дважды пережила дни, проведенные мною подле Габриэля, – в действительности и в мечтах. А возвратившись сюда, ко двору, государь, я не нашла никого, кто мог бы помериться с Габриэлем... И не Франциску, покорному сыну надменного коннетабля, вытеснить из моей памяти нежного и гордого друга моего детства. Поэтому теперь, когда я отдаю себе отчет в своих поступках, я буду верна Габриэлю... до тех пор, пока вы не лишите меня свободы выбора, отец.

– Так ты с ним видалась после отъезда из Вимутье, Диана?

– Увы, не видалась, отец.

– Но ты хоть получала вести о нем?

– И вестей не получала. Узнала только от Ангеррана, что и он покинул наши места после моего отъезда. Он сказал своей кормилице Алоизе, что вернется к ней не раньше, чем станет грозным и прославленным воином, и чтобы она не беспокоилась о нем. С этими словами он уехал, государь.

– И с тех пор его родные ничего о нем не слышали?

– Его родные? – повторила Диана. – Я знала только его кормилицу, отец, и никогда не видела его родителей, когда с Ангерраном навещала его в Монтгомери.

– В Монтгомери! – воскликнул Генрих, побледнев. – Диана, Диана! Я надеюсь, что он не Монтгомери? Скажи мне скорее, что он не Монтгомери!

– О нет, государь, тогда он жил бы, я думаю, в замке, а он жил в доме своей кормилицы Алоизы. Но отчего вы так взволновались, государь? Что сделали вам графы Монтгомери? Неужели они ваши враги? В нашем краю о них говорят только с почтением.

– Правда? – презрительно рассмеялся король. – Они мне, впрочем, ничего не сделали, Диана, решительно ничего. Однако вернемся к твоему Габриэлю. Ведь ты его Габриэлем назвала?

– Да...

– И у него не было другого имени?

– Я, по крайней мере, не знала другого. Он был сирота, как и я, и при мне никогда не было разговора о его отце.

– Словом, у вас нет, Диана, другого возражения против намеченного вашего брака с Монморанси, кроме давнишней вашей привязанности к этому молодому человеку, так?

– Но она заполняет все мое сердце, государь.

– Прекрасно, Диана, я бы, пожалуй, не пытался бороться с голосом вашего сердца, если бы друг ваш был здесь и мы могли бы его узнать и оценить. И хотя, как я догадываюсь, это человек сомнительного происхождения...

– Но ведь и в моем гербе есть полоса, Ваше Величество.

– Но у вас есть, по крайней мере, герб, сударыня, и собла-

говолите вспомнить, что для Монморанси, как и для дома де Кастро, великая честь открыть свои двери перед моей узаконенной дочерью. А ваш Габриэль... Но речь не об этом. Для меня существенно то, что он шесть лет не подавал о себе вестей. Быть может, он забыл вас, Диана, и любит другую?

– О, государь, вы не знаете Габриэля! У него постоянное, верное сердце, и любовь его погаснет только с жизнью.

– Хорошо, Диана. Вам изменить и впрямь мудрено, и вы правы, отрицая это. Но, судя по всему, этот молодой человек ушел на войну. Разве не приходится считаться с возможностью гибели на войне?.. Дитя мое, я огорчил тебя. Вот уже ты побледнела, и глаза у тебя полны слез. Да, я вижу, твое чувство глубоко! Я мало видел примеров подобного чувства и самой жизнью приучен не слишком-то доверять великим страстям, но над твоею я шутить не стану и хочу отнестись к ней с уважением. Подумай, однако, голубка моя, в какое трудное положение поставит меня твой отказ, и отказ ради чего? Ради детской любви, предмет которой даже перестал существовать, ради воспоминаний, ради тени. Если я оскорблю коннетабля, взяв обратно свое обещание, он возмутится не без основания, дитя мое, и, быть может, оставит свой пост. А тогда уже не я буду королем, им будет герцог де Гиз. Пойми, Диана: из шести братьев Гизов первый, герцог, возглавляет все военные силы Франции; второй, кардинал, управляет всеми ее финансами; третий командует моими марсельскими галерами; четвертый сидит в Шотландии,

а пятый вскоре заменит Бриссака в Пьемонте. Таким образом, я, король, не могу располагать в своем королевстве ни одним солдатом, ни одним экю без их согласия. Я говорю с тобою откровенно, Диана, я объясняю тебе положение вещей. Я прошу, а мог бы приказывать. Но мне гораздо приятнее положиться на твое собственное суждение. Я хочу, чтобы не король, а отец склонил свою дочь посчитаться с его намерениями. И я добьюсь твоего согласия, потому что ты добрая и преданная дочь. В этом браке – все мое спасение, Диана: он усиливает Монморанси и ослабляет Гизов. Он уравнивает обе чаши весов, коромысло которых – моя королевская власть. Гизы будут менее горды, Монморанси более предан... Ты не отвечаешь, Диана? Неужели ты останешься глуха к просьбам твоего отца, который не неволит тебя, не тиранит, а, наоборот, принимает во внимание твои чувства и только просит тебя не отказать ему в первой же услуге, которую ты можешь ему воздать за то, что он сделал и еще сделает для твоего счастья? Ну что, Диана, дочь моя? Ты согласна?

– Государь, – ответила Диана, – когда вы просите, вы в тысячекрат сильнее, чем когда приказываете. Я готова пожертвовать собою ради ваших интересов, однако с одним условием.

– С каким же, дитя мое?

– Этот брак состоится только через три месяца, а до тех пор я справлюсь о Габриэле у Алоизы да и в других местах. Если его уже нет в живых, я буду знать наверняка, а если он

жив, я смогу попросить его вернуть мне слово.

– От всего сердца согласен, – обрадовался Генрих, – и должен заметить, что при всем своем ребячестве ты все же довольно рассудительна. Итак, ты примешься за розыски своего Габриэля, и я тебе даже, если нужно, помогу, а через три месяца ты обвенчаешься с Франциском, к чему бы розыски ни привели, будь твой юный друг жив или мертв.

– Теперь уж я и сама не знаю, – скорбно поникла головой Диана, – чего мне больше желать: жизни его или смерти.

«К счастью или к несчастью, придворная жизнь обломает ее», – улыбнувшись, подумал король.

А вслух произнес:

– Пора теперь в церковь, Диана. Дайте мне руку, я провожу вас до большой галереи, а после обеда увижу вас на состязаниях и карусели. И если вы не слишком на меня сердитесь, соблаговолите рукоплескать ударам моего копья на турнире!

VII. «Отче наш» господина коннетабля

В тот же день, после полудня, когда в Турнелле были в самом разгаре праздничные состязания, коннетабль Монморанси допрашивал в Лувре одного из своих тайных агентов. Шпион был среднего роста, несколько сутуловатый, смуглолицый, темноволосый, с черными глазами и орлиным носом, с раздвоенным подбородком и оттопыренной нижней губой. Был он разительно похож на Мартен-Герра, верного оруженосца Габриэля: те же черты, тот же возраст, то же сложение.

– А как вы поступили с курьером, мэтр Арно? – спросил коннетабль.

– Монсеньор, я уничтожил его. Нельзя было иначе. Но произошло это ночью, в лесу Фонтенбло. Убийцами сочтут разбойников. Я осторожен.

– Все равно, мэтр Арно, дело это опасное, и мне совсем не нравится, что вы так легко пускаете в дело нож.

– Я не отступаю ни перед чем, когда служу вашей милости.

– Так-то оно так, но раз и навсегда зарубите себе на носу, мэтр Арно, что, если попадетесь, я не стану вас спасать от петли, – сухо и презрительно произнес коннетабль.

– Будьте спокойны, монсеньор, я человек осмотрительный.

– Теперь посмотрим, что в письме.

– Вот оно, монсеньор.

– Распечатайте его, только не повредите печати, и прочитайте.

Мэтр Арно дю Тиль достал из кармана острый резец, тщательно срезал печать и развернул письмо. Он взглянул прежде всего на подпись.

– Видите, монсеньор, я не ошибся. Это действительно письмо кардиналу Гизу от кардинала Караффа, как мне по глупости признался бедняга курьер.

– Читайте же, пропади вы пропадом! – закричал Анн де Монморанси.

Мэтр Арно начал:

– «Монсеньор и дорогой соратник, сообщаю вам только три важные новости. Во-первых, по вашей просьбе папа затянет по возможности дело о разводе и будет гонять по разным конгрегациям Франциска де Монморанси, только что вчера приехавшего в Рим, а в заключение откажет ему в ходатайстве».

– Pater noster!² – пробормотал коннетабль. – Сатана бы спалил все эти красные мантии!

– «Во-вторых, – продолжал читать Арно, – господин герцог де Гиз, достославный брат ваш, после взятия Кампли обложил Чивителлу. Но чтобы решиться послать ему людей и провиант, которых он требует, – а это, вообще говоря, сделать нам очень нелегко, – мы хотели бы, по крайней ме-

² Отче наш! (лат.)

ре, быть уверенны, что вы не отзовете его для кампании во Фландрии, а такой слух здесь ходит. Сделайте так, чтобы он остался у нас».

– Advaniat, regnum tuum³, – проворчал Монморанси. – Мы примем свои меры, смерть и ад! Мы примем меры... вплоть до того, что призовем во Францию англичан! Продолжайте же, во имя мессы!

– «В-третьих, – продолжал шпион, – чтобы приободрить вас, монсеньор, и содействовать вашим целям, извещаю вас о скором прибытии в Париж посланца вашего брата, виконта д'Эксмеса, который доставит Генриху Второму знамена, захваченные во время итальянской кампании. Он прибудет, надо думать, одновременно с этим письмом. Присутствие виконта и славные трофеи, которые он преподнесет королю, несомненно, помогут вам направить в должную сторону ваши планы».

– Fiat voluntas tua!⁴ – в ярости завопил коннетабль. – Мы хорошо примем этого посланца преисподней! Доверяю его тебе, Арно. Все? В этом проклятом письме больше ничего нет?

– Ничего, монсеньор, кроме приветствий и подписи.

– Хорошо. Как видишь, тебе предстоит работенка.

– Я только этого и желаю, монсеньор... Ну, разве еще немного денег, чтобы получше справиться с заданием.

³ Да придет царствие Твое (лат.).

⁴ Да исполнится воля Твоя (лат.).

– Вот тебе сто дукатов, мошенник. С тобой всегда приходится раскошелиться.

– У меня велики расходы на службе у вашей милости.

– Твои пороки обходятся тебе дороже служебных расходов, негодяй!

– О, как ошибается на мой счет монсеньор! Моя мечта – тихая, счастливая и зажиточная жизнь где-нибудь в провинции вместе с женою и детьми. Хочется дожить свой век честным отцом семейства!

– Добродетели сельской жизни! Ну что ж, исправься, отложи в сторону сколько-нибудь дублонов, женись, и ты сможешь достигнуть тихого семейного счастья. Кто тебе мешает?

– Ах, монсеньор, непоседливость! Да и какая женщина за меня пойдет?

– Это верно. А в ожидании бракосочетания, мэтр Арно, запечатайте-ка хорошенько это письмо и отнесите его кардиналу. Да измените свою наружность, поняли? И скажите, что ваш товарищ, умирая, вам поручил...

– Монсеньор может положиться на меня. Подделанная печать и подмененный курьер покажутся правдоподобнее самой правды.

– Ах, дьявольщина! – воскликнул Монморанси. – Мы забыли записать имя полномочного представителя Гизов. Как его зовут?

– Виконт д'Эксмес, монсеньор.

– Да, да. Так запомни же, плут, это имя... Кто там смеет мне мешать?

– Простите, монсеньор, – торопливо отозвался адъютант коннетабля, входя в комнату, – прибывший из Италии дворянин явился к государю от имени герцога де Гиза, и мне показалось необходимым доложить вам об этом... тем более что он непременно хочет повидать кардинала Лотарингского. Зовут его виконт д'Эксмес.

– Ты умно поступил, Гильом, – сказал коннетабль. – Приведи этого господина сюда. А ты, мэтр Арно, спрячься за эту портьеру и воспользуйся случаем приглядеться к человеку, с которым тебе, наверное, придется иметь дело. Я принимаю его для тебя, гляди в оба.

– Кажется, монсеньор, – задумчиво ответил Арно, – я уже встречался с ним где-то в пути. Но не мешает проверить... Виконт д'Эксмес?

Шпион проскользнул за портьеру. Гильом ввел Габриэля.

– Простите, – поклонился молодой человек старику, – с кем я имею честь говорить?

– Я коннетабль Монморанси. Что вам угодно, сударь?

– Еще раз прошу меня простить. Я имею поручение лично к государю.

– Государь сейчас не в Лувре, а в его отсутствие...

– Я разыщу или подожду Его Величество, – перебил его Габриэль.

– Его Величество на празднике в Турнелле и вернется сю-

да не раньше вечера. Разве вы не знаете, что сегодня празднуется свадьба монсеньора дофина?

– Знаю, монсеньор, мне об этом сообщили в пути. Но я проезжал через университет, а не по улице Сент-Антуан.

– Тогда бы вам следовало держаться одного направления с толпой. Она привела бы вас к государю.

– Но я еще не имею чести быть представленным государю. Для двора я чужой. В Лувре я надеялся застать монсеньора кардинала Лотарингского. Я и просил доложить о себе его высокопреосвященству и не знаю, почему это привели меня к вам, монсеньор.

– Господин кардинал, как лицо духовное, любит сражения воображаемые, а я, человек военный, люблю только сражения настоящие. Вот почему я в Лувре, а господин кардинал – в Турнелле.

– Так я, с вашего позволения, монсеньор, отправлюсь к нему в Турнелль.

– О боже, отдохните немного, сударь, вы прибыли, по-видимому, издалека, надо думать, из Италии, раз въехали в город со стороны университета.

– Вы угадали: из Италии, монсеньор. Мне это совершенно незачем скрывать.

– Вы присланы, может быть, герцогом де Гизом? Ну, что он там подделывает?

– Разрешите, монсеньор, об этом сперва доложить Его Величеству и покинуть вас, чтобы исполнить этот долг.

– С богом, сударь, раз вы так спешите. Вам не терпится, должно быть, – прибавил он с напускным добродушием, – свидеться с какой-нибудь из наших красавиц. Разве не так, молодой человек?

Но Габриэль, приняв строгий вид, ответил только глубоким поклоном и удалился.

– *Pater noster, qui es in cadis!*⁵ – проскрежетал коннетабль, когда за Габриэлем захлопнулась дверь. – Уж не думал ли этот проклятый хлыщ, что я хотел его задобрить, расположить в свою пользу, подкупить, быть может? Точно я не знаю, с чем он приехал к королю! Не хуже знаю, чем он! Ну, если он еще повстречается мне, то дорого заплатит за свой надутый вид и нахальную недоверчивость! Эй, мэтр Арно!.. Куда же девался этот мерзавец? Тоже исчез! Пресвятым крестом клянусь, все сегодня сговорились валять дурака, дьявол их побери! *Pater noster*...

Пока разгневанный коннетабль изрыгал проклятия, сдабривая их, по своему обыкновению, словами из святых молитв, Габриэль, проходивший по полутемной галерее, с изумлением увидел стоявшего у дверей своего оруженосца, которому он еще раньше велел ждать во дворе.

– Это вы, Мартен? Вы пошли мне навстречу? – спросил он. – Так вот что: поезжайте вперед с Жеромом и ждите меня с зачехленными знаменами на углу улиц Сент-Антуан и Сент-Катрин. Кардинал пожелает, может быть, чтобы мы

⁵ Отче наш, иже еси на небеси! (*лат.*)

тут же их поднесли государю перед всем двором. Кристоф подержит мою лошадь и проводит меня. Поняли?

– Да, монсеньор, – ответил Мартен-Герр.

Опередив Габриэля, он стремительно сбежал по лестнице, как бы в знак того, что отлично исполнит поручение. Поэтому Габриэль, выйдя из Лувра, был несколько удивлен, столкнувшись еще раз во дворе с Мартен-Герром. Тот был бледен и до смерти напуган.

– Что это значит, Мартен? И что с вами? – спросил Габриэль.

– Ах, монсеньор, я только что видел его, он прошел здесь, в двух шагах от меня. Он даже заговорил со мной.

– Да кто?

– Кто же, как не дьявол, не призрак, не привидение, не наваждение, но второй Мартен-Герр!

– Опять это сумасшествие, Мартен! Вы, вероятно, стоя спите и видите сны.

– Да нет же, это не сон. Он заговорил со мной, монсеньор, ей-ей! Остановился, уставился на меня своим колдовским взглядом, от которого я аж застыл, и сказал, рассмеявшись бесовским смехом: «Ну что? Мы все еще состоим на службе у виконта д'Эксмеса? (Заметьте это “мы”, монсеньор.) И мы приехали из Италии со знаменами, отнятыми у неприятеля герцогом де Гизом?» Я невольно кивнул. Как он это все узнал, монсеньор? И он продолжал: «Не будем же бояться. Разве мы не друзья и братья?» А затем, услышав ваши шаги,

добавил с дьявольской иронией, от которой у меня волосы стали дыбом: «Мы свидимся, Мартен-Герр, мы еще свидимся», – и юркнул в эту низкую дверь, а вернее – в стену.

– Да ты бредишь! – засмеялся Габриэль. – Он бы просто не успел проделать все эти штуки. Ведь мы расстались с тобой на галерее совсем недавно.

– Монсеньор, я ни на минуту не уходил с этого места!..

– Еще одна новость! С кем же я тогда говорил в галерее, если не с тобой?

– Наверное, с ним, монсеньор, с моим двойником, с моею тенью.

– Мой бедный Мартен, – сказал с состраданием Габриэль, – тебе нехорошо? У тебя, должно быть, голова болит? Мы слишком долго были на солнце с тобой.

– Ну да, – возмутился Мартен-Герр, – вы опять думаете, что у меня бред. Но вот вам доказательство, что я не ошибаюсь, монсеньор: мне совершенно неизвестны распоряжения, которые, по вашим словам, вы мне только что дали.

– Ты их забыл, Мартен, – мягко проговорил Габриэль. – Ну что ж, я их повторю, мой друг: ты должен отправиться вперед, взяв с собою Жерома, и ждать меня со знаменами на углу улиц Сент-Антуан и Сент-Катрин, а Кристоф пусть останется со мною. Теперь вспоминаешь?

– Простите, монсеньор, как же можно вспомнить то, чего никогда не знал?

– Как бы то ни было, теперь ты это знаешь, – бросил Га-

бриэль. – Пойдем к ограде, где ждут нас наши люди с лошадьми, и живо в путь! В Турнелль!

– Слушаюсь, монсеньор. Выходит, что у вас двое оруженосцев. Хорошо еще, что у меня всего лишь один господин, а не два!

VIII. Удачная карусель

Ристалище для праздничных состязаний было устроено на улице Сент-Антуан и тянулось от дворца Турнелль до королевских конюшен, образуя длинный прямоугольник. На одном его конце высилась трибуна для королевы и придворных, на противоположном – как раз у входа на ристалище – ждали своей очереди участники состязаний. По сторонам волновалась толпа. Когда около трех часов пополудни, после венчания и свадебного обеда, королева и двор заняли отведенные им места, отовсюду раздались приветственные клики. Но из-за этого-то взрыва ликования праздник начался с несчастного случая. Конь господина д'Аваллона, одного из капитанов гвардии, испугался, взвился на дыбы и ринулся на арену, а всадник, не удержавшись в седле, ударился головой о деревянный барьер. Его тут же унесли и передали врачам в состоянии почти безнадежном.

Король страшно огорчился, но страсть к состязаниям вскоре одержала в нем верх.

– Ах, бедный господин д'Аваллон! – вздохнул он. – Такой преданный человек! Позаботьтесь же о тщательном уходе за ним. – И прибавил: – А скачки с кольцами можно все-таки начать.

В ту пору скачки с кольцами были игрой несколько более сложной и трудной, чем та, которая знакома нам теперь.

Столб, с перекладины которого свисало кольцо, отстоял на две трети дистанции от ее начала. Надо было галопом пройти первую треть, проскакать во весь опор вторую и, на всем скаку проносясь мимо столба, концом копыя снять кольцо. Но что всего важнее – древко копыя не должно было касаться плеча; держать копые требовалось горизонтально, подняв локоть выше головы. Последняя треть арены проходила рысью. Призом было бриллиантовое кольцо – дар королевы.

Генрих II на белой лошади, покрытой бархатным с золотой отделкой чепраком, был самым изящным и ловким всадником, какого только можно себе представить. Он держал копые и управлял им с поразительной грацией и уверенностью. Очень редко бил он мимо кольца. Однако с ним соперничал господин де Виейвиль, и был даже момент, когда казалось, победа достанется ему – у него было на два кольца больше, чем у короля, а снять оставалось только три. Но, будучи опытным придворным, господин де Виейвиль промахнулся три раза подряд – вот ведь незадача! – и приз достался королю.

Принимая перстень, он на миг заколебался, и глаза его с сожалением остановились на Диане де Пуатье. Но это был дар королевы. Пришлось преподнести его новой дофине, Марии Стюарт.

– Ну что, – спросил он в перерыве между состязаниями, – есть надежда спасти господина д'Аваллона?

– Государь, – ответили ему, – он еще дышит, но почти

безнадежен.

– Бедняга! – покачал головой король. – Приступим же к состязанию гладиаторов.

После этой красивой борьбы, закончившейся громом рукоплесканий, стали готовиться к скачкам со столбами.

В том конце ристалища, где находилась трибуна королевы, в землю врыли на небольшом расстоянии друг от друга несколько столбов. Надо было вскачь объехать все эти импровизированные деревья, не пропуская ни одного. Призом был браслет чудесной работы.

Из восьми туров три принесли победу королю, другие три господину генерал-полковнику де Бонниве. Решающим был девятый и последний тур. Но господин де Бонниве был не менее ловок, чем господин де Виейвиль, и, как ни выбивалась из сил его лошадь, прибыл он только третьим, и приз опять достался Генриху.

Король уселся тогда рядом с Дианой де Пуатье и на глазах у всех надел ей на руку только что выигранный им браслет.

Королева побледнела от ярости.

Стоявший за нею маршал Гаспар де Таван наклонился к уху Екатерины Медичи.

– Ваше Величество, – вполголоса сказал он, – следите, куда я пойду и что я сделаю.

– Что ты хочешь сделать, славный мой Гаспар? – спросила королева.

– Отрежу нос госпоже де Валантинуа, – хладнокровно и

серьезно ответил де Таван.

И он уже двинулся с места, когда Екатерина, чуть испуганная и восхищенная, удержала его:

– Гаспар, вы ведь погубили бы себя. Об этом вы подумали?

– Подумал, государыня, но я спасу государя и Францию.

– Спасибо, Гаспар, – поблагодарила Екатерина, – вы такой же доблестный друг, как и грозный воин. Но я приказываю вам остаться. Нужно иметь терпение!

Терпение! Именно таким девизом руководствовалась Екатерина Медичи в то описываемое нами время. Она, которая впоследствии властвовала безраздельно, казалось, вовсе не стремилась выйти из тени второго плана. Она выжидала. Между тем в ту пору она была в расцвете красоты, избегала общества и этой добродетелью, вероятно, обязана была тем, что злословие хранило на ее счет полное молчание, пока жив был ее супруг.

Как бы то ни было, в тот день, как и обычно, Екатерина вроде бы и не замечала того внимания, которое король оказывал публично Диане де Пуатье. Успокоив бурное негодование маршала, она заговорила с дамами о только что состоявшихся состязаниях и о ловкости, какой блеснул государь...

Турниры назначены были только на последующие дни, но час был еще ранний, и кое-кто из придворных попросил у короля разрешения преломить несколько копий в честь дам.

– Пусть так, господа, – согласился король, – охотно разрешаю, хотя, пожалуй, мы помешаем кардиналу Лотарингскому, которому, думается, никогда еще не поступало столь объемистой почты: целых два письма, одно за другим! Ну ничего, после мы узнаем, что в них содержится, а пока можете преломить несколько копий... А вот и приз победителю, – добавил Генрих, снимая с шеи золотую цепь. – Блесните своим искусством, господа, и знайте: если вы меня раззадорите, то, возможно, и я вмешаюсь в игру и постараюсь отыграть эту цепь, тем более что я в долгу у герцогини де Кастро. Помните также, что в шесть часов бой закончится и победитель получит свой приз. Начинайте же, в вашем распоряжении еще целый час. Однако будьте осторожны. Кстати, как поживает господин д'Аваллон?

– Увы, государь, он только что скончался.

– Да упокой Господь его душу! – отозвался Генрих. – Из капитанов моей гвардии он был самый усердный и самый храбрый. Кто мне заменит его?.. Никто! Но дамы ждут, господа, арена свободна. Посмотрим, кто получит цепь из рук королевы.

Первым победителем оказался граф де Поммерив, затем ему пришлось уступить первенство господину де Бюри, а того сменил маршал д'Амвиль. Маршал был силен и ловок: он отстоял поле сражения в борьбе против пяти соперников подряд, и король не выдержал.

– Интересно знать, господин д'Амвиль, – сказал он мар-

шалу, – неужто вы навеки приросли к этому месту?

Он взял копьё и с первого же захода выбил господина д'Амвиля из седла, а затем и господина д'Оссэна, после чего охотников помериться с ним силами уже не нашлось.

– Что это значит, господа? – вопрошал Генрих. – Никто не желает сражаться со мною? Уж не щадите ли вы меня? – продолжал он, хмурясь. – Не дай мне бог увериться в этом! Здесь нет короля, кроме победителя, и нет привилегий, кроме ловкости. Так атакуйте же меня, господа, смелее!

Но принять королевский вызов никто не решался – одержать победу казалось не менее опасным, чем потерпеть поражение.

Все это раздражало короля. Быть может, он заподозрил, что и в предыдущих состязаниях противники его не исчерпывали все свои возможности, и подобная мысль, умалявшая его доблесть в собственных глазах, невольно вызывала у него досаду.

Наконец на арену въехал новый рыцарь, принявший вызов. Генрих, даже не поглядев, кто перед ним, взял разбег и ринулся вперед. Сломались оба копьё, но король, выронив обломок, зашатался в седле и вынужден был схватиться за луку; противник же остался недвижим. В этот миг пробило шесть часов. Генрих был побежден.

Он весело и легко соскочил с коня, бросил поводья конюшему и взял под руку победителя, желая сам представить его королеве. К большому своему изумлению, он увидел совер-

шенно незнакомое ему лицо. Впрочем, перед ним стоял кавалер видной и благородной наружности. Королева, надевая цепь на шею молодому человеку, преклонившему пред нею колено, тоже невольно обратила на него внимание и улыбнулась ему. Он же, низко поклонившись, встал, подошел к трибуне королевского двора и, остановившись перед герцогиней де Кастро, преподнес ей цепь, приз победителя.

Фанфары звучали с такой силой, что никто не услышал возгласов, вырвавшихся одновременно:

– Габриэль!

– Диана!

Побледнев от радости и неожиданности, Диана взяла цепь дрожащей рукой. Все решили, что незнакомец слышал, как Генрих обещал эту цепь герцогине де Кастро, и не захотел лишиться подарка такую красивую даму. Поступок его сочли очень галантным, изобличающим в нем хорошо воспитанного дворянина. Сам король взглянул на это именно так.

– Трогательная учтивость, – сказал он. – Но хотя и говорят, будто я поименно знаю всех моих родовитейших дворян, должен признаться, сударь, что никак не могу припомнить, где и когда уже видел вас, а между тем был бы рад узнать, кто мне только что нанес лихой удар.

– Государь, – ответил Габриэль, – я впервые имею честь предстать перед Вашим Величеством. До сих пор я не покидал армии и в настоящее время прибыл из Италии. Мое имя виконт д'Эксмес.

– Виконт д’Эксмес! – повторил король. – Очень хорошо: теперь я буду помнить имя своего победителя.

– Государь, – сказал Габриэль, – вас победить невозможно, и славное доказательство вашей непобедимости я привез с собою.

Он махнул рукой. Мартен-Герр и двое солдат внесли на арену итальянские знамена и сложили их к ногам короля.

– Государь, – продолжал Габриэль, – эти знамена, взятые вашей армией в Италии, посылает Вашему Величеству герцог де Гиз. Его высокопреосвященство господин кардинал Лотарингский уверил меня, что вы, Ваше Величество, на меня не разгневаетесь, если я столь неожиданно поднесу вам эти трофеи в присутствии всего двора и французского народа. Имею также честь вручить вам, государь, письма от господина герцога де Гиза.

– Благодарствуйте, господин д’Эксмес, – сказал король. – Так вот какую почту разбирал кардинал! Ну и триумфальные же у вас приемы являться ко двору!.. Что я читаю! Что из числа этих знамен четыре взяты лично вами? Наш родич де Гиз считает вас одним из храбрейших своих командиров? Господин д’Эксмес, просите у меня все что угодно. Клянусь Богом, я немедленно исполню ваше желание!

– Государь, вы слишком щедры. Я всецело полагаюсь на ваше великодушие!

– Вы были капитаном в армии герцога де Гиза, виконт. Не угодно ли вам стать капитаном в нашей гвардии? Я не знал,

кого назначить на место господина д'Аваллона, погибшего сегодня при столь плачевных обстоятельствах, но вижу, что у него будет достойный преемник.

– Ваше Величество...

– Вы согласны? Это дело решенное. Завтра вы вступите в должность. Теперь мы возвратимся в Лувр. Вы мне расскажете подробнее про войну в Италии.

Габриэль поклонился.

Генрих подал знак к отъезду. Толпа рассеялась с криками: «Да здравствует король!» Диана, словно чудом, на миг оказалась опять подле Габриэля.

– Завтра у королевы, – прошептала она и исчезла под руку со своим кавалером.

IX. Как можно пройти мимо своей судьбы, не узнав ее

Королева обычно принимала по вечерам, после ужина. Так сказали Габриэлю, добавив, что по новой своей должности капитана гвардии он не только имеет право, но даже обязан являться на такие приемы. Уклониться от этой обязанности он и не помышлял, наоборот – терзался мыслью, что до желанного этого мига осталось еще целых томительных двадцать четыре часа, и, чтобы как-то убить проклятое время, отправился вместе с Мартен-Герром на поиски подходящего помещения. Ему посчастливилось – в этот день ему вообще везло: свободным оказался особняк, где жил когда-то его отец, граф Монтгомери. Габриэль снял его, хотя дом не в меру был роскошен для простого гвардейского капитана. Но ведь для этого достаточно было ему вытребовать некоторую сумму из Монтгомери от верного Элио. Он также собирался вызвать в Париж и Алоизу.

Итак, первая цель Габриэля была достигнута. Он был уже не ребенком, но мужем, который сумел себя показать и с которым приходилось считаться. К знаменитому имени, наследию предков, он сумел приобщить славу, добытую им самим. Один, без всякой поддержки, без всякой рекомендации, с помощью своей верной шпаги и личного мужества он в двадцать четыре года достиг завидного положения в свете. На-

конец-то он мог с гордостью предстать и перед любимой, и перед теми, кого должен был ненавидеть. Врагов ему должна указать Алоиза, любимая узнала его сама. Габриэль уснул со спокойной совестью и спал крепко.

Наутро он явился к господину де Буасси, обер-шталмейстеру, которому обязан был представить данные о своей родословной. Господин де Буасси, человек честный, был дружен когда-то с графом де Монтгомери. Он понял мотивы, по которым Габриэль вынужден был скрывать свой подлинный титул, и дал ему слово блюсти тайну. Затем маршал д'Амвиль представил капитану его роту, после чего Габриэль начал свою службу с инспекционного объезда парижских государственных тюрем, этой ежемесячной тягостной обязанности, лежавшей на капитане гвардии.

Начал он с Бастилии, а кончил Шатле. И в каждой тюрьме комендант показывал ему список своих узников, объявлял, кто из них скончался, болен, переведен в другую тюрьму или освобожден, а потом обходил с ним камеры.

Прискорбный смотр, тяжкое зрелище! Габриэль думал, что обход уже кончен, когда комендант Шатле показал ему в своей регистрационной книге почти пустую страницу, содержащую только следующую странную запись, поразившую Габриэля:

«21. Х... секретный узник. Если при обходе коменданта или капитана гвардии сделает хотя бы попытку заговорить, подвергнуть более строгому режиму, в более глубоком

каземате!»

– Кто этот важный преступник? Можно мне знать? – спросил Габриэль господина де Сальвуазона, коменданта Шатле.

– Этого никто не знает, – ответил комендант. – Он перешел ко мне от моего предшественника, тот же получил его от своего. Вы видите, что данные о времени его ареста пропущены в книге. Надо думать, он доставлен сюда еще в царствование Франциска Первого. Я слышал, что он два или три раза пытался заговорить. Но едва он проронит слово, комендант обязан под страхом тягчайшей кары захлопнуть дверь каземата и перевести его в худший. Здесь остается еще только один каземат ужаснее того, в котором теперь заключен преступник, и он был бы для него смертелен. Нет сомнений, что с ним хотели покончить именно вот таким способом, но узник теперь молчит. Это, конечно, страшный преступник. С него никогда не снимают цепей, и его тюремщик ежечасно входит в каземат для предотвращения всякой возможности побега.

– А если он заговорит с тюремщиком? – спросил Габриэль.

– О, к нему приставлен глухонемой, в Шатле родившийся и никогда отсюда не выходивший.

Габриэль вздрогнул. Этот человек, совершенно отрезанный от мира живых и все же живший, мысливший, внушил ему чувство острого сострадания и какого-то смутного ужа-

са. Какое воспоминание или угрызение совести, какая боязнь перед муками ада или блаженством рая удерживали это несчастное существо от решения разбить себе череп о стену своего каземата? Что еще привязывало его к жизни: жажда мести, надежда?

Габриэля охватило вдруг какое-то странное, лихорадочное желание увидеть этого человека. Сердце у него бешено забилося! Сотню заключенных навестил он, испытывая обыкновенное сострадание, но этот узник будто притягивал его к себе, волновал его больше, чем все другие... И тревога сжимала ему грудь, когда он представлял себе эту жизнь в могиле.

– Пойдемте в камеру двадцать один, – сказал он коменданту дрогнувшим голосом.

Они спустились по нескольким лестницам, грязным и сырым, прошли под глубокими сводами, похожими на страшные круги Дантова ада. Наконец комендант остановился перед железной дверью.

– Здесь, – сказал он. – Я не вижу сторожа, должно быть, он внутри. Но у меня второй ключ. Войдем.

Он отпер дверь, и они вошли.

Габриэлю представилась немая и страшная картина, одна из тех, какие можно увидеть только в горячечном бреде.

Стены сплошь из камня, черного, замшелого, зловонного, ибо мрачный этот каземат находился ниже русла Сены и при больших паводках наполовину затоплялся. По стенам скле-

па ползали мокрицы. В ледяном воздухе – ни звука, кроме равномерного, глухого падения водяных капель с осклизлого потолка.

Глуше, чем эти глухие капли, недвижимее, чем эти почти неподвижные мокрицы, жили здесь два человекообразных создания, одно из которых сторожило другое. Оба угрюмые, оба безмолвные.

Тюремщик, великан с бессмысленным взглядом и мертвенным цветом лица, стоял в тени, тупо уставившись на белобородого, белоголового старика. Это и был узник. Он лежал в углу на соломе, руки его и ноги были скованы цепью, вделанной в стену. Когда они вошли, он, казалось, спал и не шевелился. Его можно было принять за труп или каменное изваяние.

Но вдруг он сел, открыл глаза и вперил свой взор в Габриэля.

Говорить ему было запрещено, но этот пугающий и притягивающий к себе взор говорил. Он завораживал Габриэля. Комендант с надзирателем заглянули во все углы каземата. А он, Габриэль, замер на месте, застыл, оцепенел, подавленный огнем этих пылающих глаз; он не мог от них оторваться, и в то же время в нем бурлил целый поток каких-то странных, не поддающихся выражению мыслей.

Узник тоже, казалось, не безучастно созерцал посетителя, и даже было мгновение, когда он сделал движение и разжал губы, словно собираясь заговорить... Но комендант обер-

нулся, и узник вовремя вспомнил предписанный ему закон: он ничего не сказал, только уста его pokrивились горькой усмешкой. Потом он опять смежил веки и впал в свою каменную неподвижность.

– Ах, выйдем отсюда! – сказал Габриэль коменданту. – Бога ради выйдем, мне надо глотнуть воздуха и увидеть солнце.

В самом деле, спокойствие и, можно сказать, жизнь вернулись к нему лишь на улице, среди людей и шума. Но все же в его душу намертво врезалось мрачное видение и преследовало его весь день, когда он в задумчивости прогуливался по Гревской площади.

Какой-то голос шептал ему, что судьба несчастного узника имела прямое отношение к его судьбе и главным событиям в его жизни. Наконец, утомленный этими роковыми предчувствиями, он направился под вечер на ристалище в Турнелль. Турниры этого дня, в которых он не пожелал участвовать, подходили к концу. Габриэлю удалось разглядеть в толпе Диану, она его тоже заметила, и этот мгновенный обмен взглядами рассеял мрак в его сердце, как солнце рассеивает тучи. Забыв на время о таинственном узнике, Габриэль думал уже о любимой девушке, с которой предстояло ему встретиться вечером.

Х. Элегия во время комедии

Так уж повелось со времен Франциска I: не меньше трех раз в неделю король, вельможи и все придворные дамы собирались в покоях у королевы. Там они свободно, а подчас даже весьма вольно обсуждали события дня. Затем среди общего разговора завязывались и частные беседы. «Находясь среди сонма смертных богинь, – говорит Брантом, – каждый вельможа или дворянин беседовал с тою, кто ему была всех милее». Часто также устраивались там балы или спектакли.

На такого рода прием должен был в тот вечер отправиться и Габриэль. Впрочем, к радости его примешивалось и некоторое беспокойство. Неясные шепотки, двусмысленные намеки на предстоявшую свадьбу Дианы, естественно, тревожили его. Когда он увидел Диану вновь, когда ему показалось, что в глазах ее светится все та же нежность, волна счастья охватила его. Но эти упорные слухи, в которых переплетались имена Дианы де Кастро и Франциска де Монморанси, так настойчиво звучали в его ушах, что он невольно призадумывался. Неужели Диана согласится на этот ужасный брак? Неужели она любит этого Франциска? Неужели эти мучительные сомнения не рассеет даже свидание?

Поэтому Габриэль решил порасспросить Мартен-Герра, который свел уже немало знакомств и должен был в качестве оруженосца знать больше своего господина. Подобное реше-

ние виконта д'Эксмеса было кстати на руку и Мартен-Герру, который, заметив озабоченность хозяина и считая, что тому грешно в чем-то таиться от верного своего слуги после пяти лет совместной жизни, дал себе слово расспросить его обо всем случившемся.

Состоявшаяся беседа выявила следующее: Габриэль уверился, что Диана де Кастро не любит Франциска де Монморанси, а Мартен-Герр понял, что Габриэль любит Диану де Кастро.

Этот двойной вывод так обрадовал обоих, что Габриэль явился в Лувр за час до того, как распахнулись двери королевских покоев, а Мартен-Герр, дабы почтить августейшую возлюбленную виконта, немедленно отправился к придворному портному и купил себе камзол темного сукна и штаны из желтого трико. Заплатив за них наличными, он тут же надел этот костюм, чтобы вечером щегольнуть в передней Лувра, где ему предстояло дожидаться своего господина.

Но портной был просто ошарашен, снова увидев через полчаса Мартен-Герра уже в другом костюме. Когда он выразил свое удивление, Мартен-Герр ответил, что вечер показался ему прохладным и поэтому он решил одеться потеплее, однако новый камзол и штаны так ему нравятся, что он пришел купить или заказать точно такой же второй костюм. Тщетно твердил портной Мартен-Герру, что это будет иметь такой вид, будто он ходит всегда в одной и той же одежде, и что лучше заказать другой костюм, например желтый кам-

зол и темные штаны, раз уж ему нравятся эти цвета. Мартен-Герр стоял на своем, и портной – поскольку готового платья у него под рукой не оказалось – все-таки пообещал ему подобрать сукно точно таких же оттенков.

Между тем тот непомерно долгий час, на протяжении которого Габриэлю пришлось бродить перед воротами своего рая, истек, и он получил наконец возможность в числе других гостей проникнуть в покои королевы.

С первого же взгляда Габриэль заметил Диану. Она сидела рядом с королевой-дофиной, Марией Стюарт.

Подойти к ней сразу было бы слишком смело и даже, пожалуй, неблагоразумно со стороны нового человека. Габриэль примирился с необходимостью ждать благоприятного момента. А покамест он разговорился с бледным и тщедушным на вид молодым человеком, который случайно оказался перед ним. Потом, поболтав на темы столь же незначительные, каким он казался сам, молодой кавалер спросил Габриэля:

– А с кем, сударь, я имею честь говорить?

– Я виконт д'Эксмес, – ответил Габриэль. – Смею ли я, сударь, задать вам тот же вопрос?

Молодой человек удивленно воззрился на него, затем произнес:

– Я Франциск де Монморанси.

Скажи он «я дьявол», Габриэль отошел бы от него с меньшим ужасом и не так стремительно. Франциск, наделенный

не слишком острым умом, был совершенно озадачен, но так как не любил размышлять, то вскоре перестал ломать голову над этой загадкой и пошел искать себе других, более воздержанных собеседников.

Габриэль направился было к Диане де Кастро, но ему помешал рой гостей, окруживший короля. Генрих II только что объявил, что, желая закончить этот день сюрпризом для дам, он распорядился соорудить на галерее сцену и что на ней сейчас представлена будет пятиактная комедия в стихах господина Жана Антуана де Баиф под заглавием «Храбрец». Весть эта, разумеется, была принята шумно и радостно. Кавалеры подали дамам руки и проводили их в соседнюю залу, где наскоро были устроены подмости. Но Габриэль так и не сумел пробиться к Диане и устроился не рядом, а неподалеку от нее, позади королевы.

Екатерина Медичи заметила молодого человека и окликнула его. Пришлось к ней подойти.

– Господин д’Эксмес, отчего вас не было сегодня на турнире? – спросила она.

– Ваше Величество, служебные обязанности, которые угодно было возложить на меня государю, лишили меня этой возможности.

– Жаль, – обворожительно улыбнулась Екатерина, – вы ведь, несомненно, один из самых смелых и ловких наших всадников. Вчера от вашего удара зашатался в седле государь – случай редкостный. Мне бы доставило удовольствие снова

быть свидетельницей ваших побед.

Габриэль молча поклонился. Крайне смущенный этими комплиментами, он не знал, как на них ответить.

– Знакомы ли вы с пьесой, которую нам собираются показать? – продолжала Екатерина, очевидно, весьма расположенная к красивому и робкому молодому человеку.

– Я знаком только с латинским ее оригиналом, – ответил Габриэль, – ибо пьеса эта, как я слышал, простое подражание комедии Теренция.

– Если я не ошибаюсь, – заметила королева, – вы разбираетесь в литературе не хуже, чем владеете копьем.

Все это говорилось вполголоса и сопровождалось взглядами отнюдь не суровыми. Но замкнутый, хмурый, как Еврипидов Ипполит, Габриэль принимал заигрывания итальянки с натянутым видом. Глупец! Откуда ему было знать, что благодаря такой монаршей милости он не только будет сидеть рядом с Дианой, но и увидит самое яркое проявление ее любви – сценку ревности. В самом деле, после того как Пролог, согласно обычаю, попросил у слушателей снисхождения, Екатерина шепнула Габриэлю:

– Сядьте за мною, господин ученый, чтобы я могла в случае надобности обращаться к вам за пояснениями.

Герцогиня де Кастро сидела у самого края прохода. Габриэль, поклонившись королеве, взял табурет и скромно сел в проходе рядом с Дианой, чтобы никому не мешать.

Комедия началась.

Это была, как и говорил королеве Габриэль, переделка «Евнуха» Теренция, написанная со всем наивным педантизмом того века. Но мы воздержимся от ее разбора. Напомним лишь, что главное действующее лицо в пьесе – некий лжехрабрец, солдат-хвостун, которого обманывает и водит за нос некий ловкач.

И вот с самого же начала пьесы многочисленные приверженцы Гизов, сидевшие в зале, пожелали увидеть в старом, смешном забияке самого коннетабля Монморанси, а сторонники Монморанси решили услышать в хвостовских рассказах солдата-фанфарона намеки на честолюбие герцога де Гиза. Поэтому каждая удачная мизансцена превращалась в сатирический выпад и каждая острота попадала в цель. Люди той и другой партии хохотали во все горло, показывали пальцем друг на друга, и комедия, которая разыгрывалась в зале, была поистине не менее забавна, чем та, которую играли на подмостках актеры.

Наши влюбленные воспользовались тем, что оба соперничавших придворных стана заинтересовались представлением, и среди грома рукоплесканий и взрывов хохота дали волю своему чувству. Сначала они оба прошептали:

– Диана!

– Габриэль!

Это был их священный пароль.

– Вы собираетесь замуж за Франциска де Монморанси?

– Вы пользуетесь расположением королевы?

– Вы же слышали, что она сама меня позвала.

– Вы знаете, что на этом браке настаивает государь.

– Но вы соглашаетесь, Диана?

– Но вы слишком внимательны к Екатерине, Габриэль.

– Одно только слово! – умоляюще попросил Габриэль. –

Вас, стало быть, еще интересует, какое чувство может во мне вызвать другая? Для вас не безразлично, что у меня творится в душе?

– В той же мере не безразлично, – ответила герцогиня де Кастро, – в какой вас интересует то, что творится у меня в душе.

– О, в таком случае, Диана, позвольте вам сказать: если вы чувствуете то же, что и я, – значит, вы ревнуете! Словом, если вы чувствуете то же, что и я, – значит, вы страстно любите меня!

– Господин д'Эксмес, – нарочито холодно ответила Диана, – меня зовут герцогиней де Кастро.

– Но ведь вы овдовели, сударыня? Вы свободны?

– Увы, свободна!

– О, не вздыхайте так, Диана! Сознаться, что вы еще любите меня немного! Не бойтесь, что вас услышат: все увлечены шутками этого балбеса! Ответьте мне, Диана, вы любите меня?

– Тсс!.. Разве вы не видите, что действие подходит к концу? – лукаво шепнула Диана. – Подождите, по крайней мере, следующего акта.

Антракт продолжался минут десять – целых десять веков! По счастью, Екатерина, следившая за Марией Стюарт, не подзывала к себе Габриэля. Он был бы не способен к ней подойти и тем погубил бы себя.

Когда представление возобновилось, Габриэль спросил:

– Итак?

– Что? – сказала Диана, словно позабыв обо всем на свете. – Ах да, вы меня, кажется, спросили, люблю ли я вас? Но ведь я уже вам ответила: так же, как и вы меня.

– Ах, – воскликнул Габриэль, – понимаете ли вы, Диана, что сказали? Знаете ли вы, как безумно люблю я вас?

– Но если вам угодно, чтобы я это знала, – произнесла юная притворщица, – вы должны мне об этом рассказать.

– Так слушайте же меня, Диана, и вы увидите, что в течение этих шести лет нашей разлуки все мои помыслы устремлены были к вам. Ведь только приехав в Париж, через месяц после вашего отъезда из Вимутье, я узнал, кто вы: дочь короля и герцогини де Валантинуа. Но приводило меня в ужас не то, что вы принцесса крови, а ваше супружество с герцогом де Кастро. И, однако, тайный голос твердил мне: «Все равно! Будь рядом с ней, приобрети известность, чтобы имя твое когда-нибудь донеслось до ее слуха. Пусть она тогда восхищается тобою!» Вот так я думал, Диана, и пошел служить герцогу де Гизу как человеку, способному помочь мне быстро достигнуть славы. И в самом деле, на следующий год я вместе с ним оказался в осажденном Меце и способство-

вал сколько мог почти невероятному исходу – снятию осады. Там же, в Меце, я узнал о взятии Эдена королевскими войсками и о гибели вашего мужа, герцога де Кастро. Он даже не свиделся с вами, Диана! О, я пожалел его, но как я дрался при Ренти! Спросите об этом у герцога де Гиза. Я сражался в Аббевиле, Динане, Бавэ, Като-Камбрези. Словом, я был всюду, где гремели пушки, и могу сказать, что за эти годы не было ни одного славного дела, в котором бы я не участвовал.

После Восэльского перемирия, – продолжал Габриэль свой рассказ, – я приехал в Париж, но вы еще были в монастыре, Диана, и мой вынужденный отдых очень меня томил, но тут, на мое счастье, война возобновилась. Герцог де Гиз, желая оказать мне честь, спросил, не хочу ли я сопроводить его в Италию. Еще бы не хотеть! Перевалив зимой через Альпы, мы вторглись в Миланскую область. Валенца взята. Парма и Пьяченца пропускают нас, и, пройдя триумфальным маршем по Тоскане, мы достигаем отрогов Аbruцских гор. Однако герцог де Гиз начинает испытывать недостаток в людях и деньгах. Все же он берет Кампли и осаждает Чивителлу. Но армия в упадке, экспедиция не удалась. И вот тогда в Чивителле, Диана, из письма кардинала Лотарингского к брату я узнаю о вашей помолвке с Франциском де Монморанси.

По ту сторону Альп мне уже было делать нечего – с этим согласился сам герцог де Гиз и в результате любезно разрешил мне вернуться во Францию, дабы преподнести госуда-

рю завоеванные знамена. Но моим единственным желанием было увидеть вас, Диана, поговорить с вами, узнать от вас самой, охотно ли вступаете вы в этот брак, рассказать вам о своих шестилетних скитаниях, спросить у вас, наконец, любите ли вы меня, как я вас.

– Друг мой, – мягко сказала госпожа де Кастро, – я тоже отвечу вам рассказом о своей жизни. Когда я, двенадцатилетняя девочка, оказалась при дворе, после первых дней, заполненных удивлением и любопытством, скука овладела мною, золотые цепи этого существования стали меня тяготить, и я горько затосковала по нашим лесам и полям Вимутье и Монтгомери, Габриэль! Каждый вечер я засыпала в слезах. Однако мой отец, король, был очень добр ко мне, и я старалась отвечать любовью на его нежность. Но где была моя свобода? Где была Алоиза? Где были вы, Габриэль? Короля я видела редко. Госпожа де Валантинуа была со мною холодна и замкнута, чуть ли не избегала меня, а я... мне нужно было, чтобы меня любили, Габриэль... Друг мой, мне было очень трудно!..

– Бедная моя Диана! – растроганно прошептал Габриэль.

– Таким образом, – продолжала Диана, – пока вы сражались, я томилась. Мужчина действует, а женщина ждет – такова судьба. Но порою ждать куда тяжелее, чем действовать. В первый же год моего супружества я осталась вдовой, и король на время траура поместил меня в монастырь Святых Дев. Благочестивая и спокойная жизнь в монастыре понра-

вилась мне гораздо больше, чем все эти вечные придворные интриги и треволнения. Поэтому, когда траур кончился, я попросила у короля и добилась разрешения еще побыть в монастыре. Там меня, по крайней мере, любили, особенно сестра Моника, напоминавшая мне Алоизу. Впрочем, меня любили все сестры, а главное... главное, что я могла мечтать, Габриэль... Я была свободна. А о ком и о чем я могла еще мечтать, вы, конечно, догадываетесь...

Успокоенный и восхищенный, Габриэль ответил только страстным взглядом. По счастью, шла одна из интереснейших сцен комедии: фанфарон попал в комичное положение, Гизы и Монморанси блаженствовали. Поэтому-то в пустыне чета влюбленных не нашла бы более уединенного места, чем в этом зале.

– Прошло пять лет спокойной жизни, отданной надеждам, – рассказывала Диана. – Я испытала только один горестный удар – скончался Ангерран. Но другая беда не заставила себя долго ждать. Король опять призвал меня и сообщил, что я должна стать женой Франциска де Монморанси. Я противилась, Габриэль, я уже не была ребенком, не понимающим, что он творит. Я противилась. Но тогда отец взмолился и объяснил мне, какое значение имеет этот брак для блага государства. А вы, по-видимому, забыли меня... так говорил король, Габриэль. Да и где вы? Кто вы? Словом, король так настаивал, так умолял меня... Это было вчера... да, вчера... Я согласилась с ним, но с условием, чтобы, во-первых, моя

казнь была отсрочена на три месяца, а во-вторых, чтобы я узнала, что с вами случилось.

– Словом, вы помолвлены? – побледнел Габриэль.

– Да, но я еще тогда не встретила с вами и не знала, какое сладостное и мучительное чувство охватит меня при вашем неожиданном появлении... Ах, я сразу почувствовала, что мое обещание, данное государю, превращается в пустой звук, что брак этот невозможен, что моя жизнь принадлежит только вам и что если вы еще любите меня, то я буду любить вас вечно... Согласитесь же: вы ни в чем не можете меня упрекнуть...

– О, вы ангел, Диана! И все, что я сделал, чтобы быть достойным вас, – ничто...

– Послушайте, Габриэль, теперь, когда судьба снова свела нас, взвесим, какие препятствия надо нам еще преодолеть. Король крайне честолюбив по отношению к своей дочери, а сватовство Монморанси, к несчастью, повысило его требовательность.

– На этот счет будьте спокойны, Диана. Мой род ничуть не ниже их рода, и он не впервые породнился бы с королевским домом.

– Правда? Габриэль, вы осчастливили меня! Я ведь по части геральдики полная невежда. Я не слыхала про род д'Эксмес. Там, в Вимутье, я называла вас Габриэлем и не искала более приятного имени! Только оно мне дорого, и если вы уверены, что короля удовлетворит ваше происхождение, то

все прекрасно и я счастлива. Как бы вас ни звали – д’Эксмес, или Гиз, или Монморанси, – все в порядке... Только бы вы не оказались Монтгомери...

– А почему же мне нельзя называться Монтгомери? – ужаснулся Габриэль.

– Наши старые соседи Монтгомери, по-видимому, причинили королю какое-то зло, он на них очень сердит.

– Вот как? – воскликнул Габриэль, чувствуя, как у него сжимается сердце. – Но кто кому причинил зло – они королю или король им?

– Мой отец так добр, что не может быть несправедлив, Габриэль.

– Добр к своей дочери, это верно, но для врагов...

– ...беспощаден, быть может, – ответила Диана. – Но какое нам дело до Монтгомери, Габриэль?

– А что, если я все же принадлежу к этому дому?

– О, не говорите этого, мой друг!

– Но все же... что бы вы сделали, будь это так?

– Будь это так, – сказала Диана, – я бросилась бы в ноги к обиженному, кто бы он ни был, и плакала бы и умоляла его до тех пор, пока ради меня отец не простил бы вас или пока вы не простили бы отца.

– И обиженный наверняка бы уступил вам, если бы, впрочем, тут не было пролитой крови, ибо только кровью смывается кровь...

– Ах, вы меня пугаете, Габриэль!.. Довольно меня испы-

тывать. Ведь это было только испытание, правда?

– Да, Диана, простое испытание... Бог не допустит этого... – пробормотал он как бы про себя.

– Ведь не может же быть вражды между моим отцом и вами?

– Надеюсь, Диана, надеюсь... Я бы слишком страдал, причинив вам такую боль.

– В добрый час, Габриэль! И если вы на это надеетесь, – добавила она с милой улыбкой, – то и я надеюсь упротить отца отказаться от своего решения, равносильного моему смертному приговору. Такой могущественный государь, как он, сумеет возместить ущерб, который понесут господа Монморанси.

– Нет, Диана, всех его сокровищ и всей его власти мало, чтобы возместить им такую утрату.

– Не бойтесь, друг мой: Франциск де Монморанси смотрит на это, слава богу, иначе, нежели вы, и предпочтет вашей бедной Диане деревянную палку маршала. Я же, когда он согласится на эту славную замену, постепенно подготовлю короля... Я напомню ему о наших родственных узах с домом д'Эксмес, о ваших личных подвигах, Габриэль... – Она умолкла. – Боже, пьеса, кажется, идет к концу!

– Пять действий! До чего она коротка! – огорчился Габриэль. – Вы правы, вот и Эпилог, сейчас он изложит мораль комедии.

– Хорошо еще, что мы успели поговорить почти обо

всем...

– Нет, я вам не сказал и тысячной доли...

– Да и я тоже, – ответила Диана, – благосклонность королевы...

– О, злая! – перебил ее Габриэль.

– Злая – это та, которая вам улыбалась, а не я, которая вас отчитывает, слышите? Больше не говорите с нею сегодня, друг мой, так я хочу!

– Вы хотите? Как вы добры! Я не буду с нею говорить... Но вот и пьесе конец! До свидания! Скажите мне на прощание хоть одно слово, чтобы оно подбодрило и утешило меня!

– До скорого свидания, Габриэль! Твоя навеки, мой муженек, – радостно шепнула Диана остолбеневшему Габриэлю.

И она исчезла в шумной, бурлящей толпе. Габриэль поспешил тоже уйти незаметно, чтобы, согласно обещанию, избежать встречи с королевой... Вышел он из Лувра в глубоком убеждении, что Антуан де Баиф великий человек и что никогда он еще не присутствовал на спектакле, который бы доставил ему такое громадное удовольствие.

В передней к нему подошел поджидавший его Мартен-Герр. Его новый костюм так и блистал.

– Ну что, видели герцогиню Ангулемскую, монсеньор? – спросил оруженосец своего господина, когда они вышли на улицу.

– Видел, – рассеянно ответил Габриэль.

– И что же, герцогиня Ангулемская все еще любит госпо-

дина виконта? – продолжал Мартен-Герр, видя, что Габриэль в хорошем настроении.

– Бездельник! – крикнул Габриэль. – Кто это тебе сказал? С чего ты взял, что госпожа де Кастро любит меня или что я люблю госпожу де Кастро? Ни слова об этом, плут!

– Ладно, – пробормотал Мартен. – Монсеньора любят, иначе бы он тяжело вздохнул и не стал бы кричать на меня... Да и сам монсеньор влюблен, иначе заметил бы, что я в новом костюме!

– Что ты мне толкуешь про костюм?.. А ведь и вправду, на тебе его раньше не было.

– Не было, монсеньор, я купил его нынче вечером, чтобы оказать честь моему господину и его госпоже, да еще заплатил наличными.

– Хорошо, болтун, раз ты потратился на меня, я возмещу тебе этот расход.

– О, монсеньор, какое великодушие! Но монсеньор желает скрыть от меня свою тайну, а в то же время дает еще одно доказательство, что он любим и любит. Так легко опустошить кошелек может только влюбленный...

– Пусть так, но молчи, наконец, Мартен.

– Предоставляю вас, монсеньор, вашим думам.

Габриэль и в самом деле так размечтался, что, вернувшись домой, почувствовал властную потребность поделиться с кем-нибудь своими мечтами и в тот же вечер написал Алоизе:

«Добрая моя Алоиза, Диана любит меня! Но нет, не с этого нужно было начать. Моя добрая Алоиза, приезжай ко мне; после шестилетней разлуки мне не терпится тебя обнять. Теперь я крепко стою на ногах. Я – капитан королевской гвардии, а это один из самых завидных военных чинов. Все это поможет мне восстановить честь и славу имени, завещанного мне предками. Ты и для этого нужна мне, Алоиза. Нужна, наконец, и потому, что я счастлив, ибо, повторяю, меня любит Диана, да, да, прежняя Диана, подруга моего детства, которая не забыла своей доброй Алоизы, хотя и называет своим отцом короля. Так вот, Алоиза: дочь короля и герцогини де Валантинуа, вдова герцога де Кастро никогда не забывала и всем сердцем всегда любила своего неизвестного друга из Вимутъе. Она мне призналась в этом час назад, и ее сладостный голос еще звучит в моем сердце. Так приезжай же, Алоиза! Право же, я так счастлив, что не в силах сносить одиночество».

XI. Мир или война?

Седьмого июня Королевский совет заседал в полном составе. Рядом с Генрихом II и принцами крови расположились коннетабль Анн де Монморанси, кардинал Лотарингский и брат его Карл де Гиз, архиепископ Реймский, канцлер Оливье де Лаквиль, президент Бертран, граф Омальский, графы Седан, Юмьер и Сент-Андре с сыном.

Виконт д'Эксмес в качестве капитана гвардии стоял у дверей с обнаженной шпагой.

Весь интерес заседания, как и всегда, заключался в своеобразном состязании в честолубии между враждующими домами Монморанси и Гизов, представленных в Совете на сей раз самим коннетаблем и кардиналом.

– Государь, – говорил кардинал Лотарингский, – опасность велика, враг у ворот. Огромная армия скапливается во Фландрии, и завтра же Филипп Второй может вторгнуться на нашу территорию, а Мария Английская – объявить нам войну. Государь, тут нужен бесстрашный полководец, молодой и сильный, который бы мог действовать смело и решительно и одно имя которого уже приводило бы в трепет испанца.

– Каково, например, имя вашего брата, господина де Гиза, – иронически вставил Монморанси.

– Да, таково имя моего брата, вы правы, – отрезал кардинал, – таково имя победителя при Меце, Ренти и Валенцы.

Да, государь, именно герцога де Гиза необходимо как можно скорее отозвать из Италии, где он испытывает недостаток в средствах, где ему только что пришлось снять осаду с Чивителлы и где он и его армия превращаются в никому не нужную обузу, тогда как здесь они послужили бы верным оплотом против вторжения чужеземцев.

Король небрежно повернулся в сторону коннетабля, как бы говоря ему: ваше слово.

– Государь, – заговорил господин де Монморанси, – отзовите армию, тем более что это блистательное завоевание Италии, как я и предсказывал, кончается смехотворно. Но для чего вам ее отводить? Посмотрите, какие известия получены с севера: на границе с Нидерландами все спокойно; Филипп Второй трепещет, Мария Английская безмолвствует. От вас самих зависит возобновить перемирие, государь, или продиктовать условия мира. Вам нужен не полководец, действующий очертя голову, а министр, опытный и благоразумный, не ослепляемый честолюбивым пылом молодости, способный заложить основы достойного и почетного для Франции прочного мира.

– Нужен такой министр, например, как сам господин коннетабль, – язвительно вставил кардинал Лотарингский.

– Да, как я! – надменно вскинулся Анн де Монморанси. – Я открыто советую королю не волноваться из-за какой-то там войны, вести которую придется лишь в том случае, если он сам пожелает воевать. Внутренние дела, состоя-

ние финансов, интересы религии заслуживают гораздо большего внимания; и рассудительный дипломат нам нужен сейчас во сто раз больше, чем самый предприимчивый военачальник.

– И во сто раз больше иметь право притязать на благосклонность Его Величества, не так ли? – едко спросил кардинал Лотарингский.

– Его высокопреосвященство закончил мою мысль, – хладнокровно продолжал Монморанси, – и коли уж затронули этот вопрос, я дерзну попросить у Его Величества доказательства того, что мои миролюбивые усилия ему придется по душе.

– Какое еще доказательство? – вздохнул король.

– Государь, я умоляю Ваше Величество открыто объявить о чести, оказанной вами моему дому, – о согласии на брак моего сына с герцогиней Ангулемской. Я нуждаюсь в этом официальном подтверждении и в этом торжественном обещании, чтобы твердой поступью продолжать свой путь, не терзаясь сомнениями моих друзей и нелепыми нападками моих врагов.

Этот смелый выпад встречен был двояко: возгласами одобрения или возмущения в зависимости от симпатии и склонностей того или другого члена Совета.

Габриэль вздрогнул и побледнел, но тут же приободрился, когда кардинал Лотарингский живо ответил:

– Насколько я знаю, булла святого отца, расторгающая

брак Франциска де Монморанси и Жанны де Фиен, еще не прибыла и может вообще не прибыть.

– Тогда можно будет обойтись и без нее, – сказал коннетабль. – Эдиктом можно объявить недействительными тайные браки.

– Разумеется, можно поступить и так, – отозвался король, по слабости характера и равнодушию готовый, казалось, уступить настойчивости коннетабля.

Габриэль, чтоб не упасть, вынужден был опереться на шпагу.

Глаза у коннетабля заискрились от радости. Партия мира, благодаря его наглой беззастенчивости, по-видимому, решительно восторжествовала.

Но в этот миг во дворе зазвучали трубы. Играли какой-то незнакомый мотив. Члены Совета обменялись недоуменными взглядами. Почти одновременно вошел церемониймейстер и, низко поклонившись, доложил:

– Сэр Эдуард Флеминг, герольд Англии, ходатайствует о чести предстать пред Его Величеством.

– Введите герольда Англии, – удивленно, но спокойно ответил король.

По знаку Генриха вокруг него расположились дофин и принцы, а за ними – остальные члены Королевского совета. Появился герольд, сопровождаемый только двумя оруженосцами. Он поклонился сидевшему в кресле королю. Тот небрежно кивнул ему.

После этого герольд провозгласил:

– «Мария, королева Англии и Франции, Генриху, королю Франции. За связь и дружбу с английскими протестантами, врагами нашей веры и нашего отечества, и за предложение и обещание помогать и покровительствовать им, мы, Мария Английская, объявляем войну на суше и на море Генриху Французскому». И в залог этого вызова я, Эдуард Флеминг, герольд Англии, бросаю здесь мою боевую перчатку.

Повинуясь жесту короля, виконт д'Эксмес поднял перчатку сэра Флеминга.

– Благодарю, – сухо обратился Генрих к герольду.

Затем, отстегнув великолепную цепь, которая была на нем, он передал ее герольду через Габриэля и произнес, снова наклонив голову:

– Можете удалиться.

Тот отвесил глубокий поклон и вышел. Спустя минуту снова зазвучали английские трубы, и только тогда король нарушил молчание.

– Сдается мне, – сказал он коннетаблю, – что вы несколько поторопились, обещая нам мир и уверяя нас в добрых намерениях королевы Марии. Это покровительство, якобы оказываемое нами английским протестантам, – лишь благочестивый предлог, прикрывающий любовь нашей сестры, королевы Английской, к ее молодому супругу Филиппу Второму. Война с двумя супругами... Ну, что там? Что еще случилось, Флоримон?

– Государь, – доложил вернувшийся церемониймейстер, – экстренный курьер от господина пикардийского губернатора.

– Будьте добры, господин кардинал, – любезно попросил король, – просмотрите почту.

Кардинал вернулся с депешами и передал их Генриху.

– Ну, господа, – сказал король, пробежав их, – вот и новости другого сорта. Войска Филиппа Второго... собираются в Живе, и господин Гаспар де Колиньи доносит нам, что их возглавляет герцог Савойский. Достойный противник! Ваш племянник полагает, господин коннетабль, что испанская армия готовится штурмовать Мезьер и Рокруа, чтобы отрезать Мариенбург. Он срочно просит подкреплений для усиления этих пунктов и отражения первых атак.

Волнение охватило всех собравшихся.

– Господин де Монморанси, – продолжал король, спокойно улыбаясь, – не везет вам сегодня с предсказаниями. Мария Английская безмолвствует, говорили вы, а нас только что оглушили ее трубы. Филипп Второй... трепещет, и Нидерланды спокойны, говорили вы также, а король Испанский так же мало нас боится, как и мы его. Во Фландрии, видимо, идет немалая возня. Так что, думается, благоразумные дипломаты должны ныне уступить место смелым полководцам.

– Государь, – отозвался Анн де Монморанси, – я коннетабль Франции, и война мне лучше знакома, чем мир.

– Это верно, кузен, – ответил король, – и я с удовольстви-

ем вижу, что ваш воинственный дух воспрянул. Извлеките же свой меч из ножен, я буду только этому рад. Я хотел всего лишь сказать, что война должна отныне стать единственной нашей заботой... Господин кардинал Лотарингский, напишите своему брату, герцогу де Гизу, что ему следует вернуться немедленно. Ну а внутренние и семейные дела придется на время отложить... Что же касается брака герцогини Ангулемской, то мы, пожалуй, хорошо сделаем, еслиждемся санкции папы.

Коннетабль скорчил гримасу, кардинал усмехнулся, Габриэль вздохнул с облегчением.

– Господа, – продолжал король, стряхнувший с себя, казалось, всю свою вялость, – господа, надо нам зрело обдумать множество важных вопросов. Сейчас мы закончим, но вечером соберемся опять. Итак, до вечера, и Боже храни Францию!

– Да здравствует король! – воскликнули члены Совета в один голос и разошлись.

ХII. Мошенник в двойне

Озабоченный коннетабль возвращался от короля. Мэтр Арно дю Тиль вышел ему навстречу и тихо окликнул его:

– Монсеньор, одно слово...

– Что такое? – вырвалось у коннетабля. – Ах, это вы, Арно? Что вам от меня нужно? Сегодня я совершенно не расположен к беседе...

– Да, я понимаю, – сказал Арно, – монсеньор огорчен оборотом дела со свадьбой госпожи Дианы и господина Франциска.

– Как ты успел уже проведать об этом, мошенник? Но, в сущности, плевать мне на то, что об этом знают. Ветер благоприятствует дождю и Гизам, вот это несомненно.

– А завтра ветер подует в сторону вёдра и Монморанси, – ослабился шпион, – и если сегодня король против этого брака, то завтра он может переменить решение. Пожалуй, дело сейчас не в короле. На нашем пути вырастает новое значительное препятствие, монсеньор.

– Откуда же ждать препятствия более значительного, чем немилость или хотя бы только холодность короля?

– Со стороны герцогини Ангулемской, например, – ответил Арно.

– Что-то ты учуял, ищейка? – подошел к нему явно заинтересованный коннетабль.

– А на что же иное, по-вашему, ушли у меня минувшие две недели, монсеньор?

– Да, о тебе давненько не было слышно.

– Ну, вот видите! – подхватил гордо Арно. – А вы-то меня упрекали, что я слишком часто попадаю в донесения полицейских дозоров. Кажется, последние две недели я работал осмотрительно и бесшумно.

– Это верно, – подтвердил коннетабль, – и я немало удивлялся, что мне не приходится выручать тебя из узилищ, каналья. Ты ведь если не играешь, то пьянствуешь или если не дерешься, то развратничаешь.

– Но истинным героем последних двух недель был не я, монсеньор, а некий оруженосец нового капитана гвардии виконта д'Эксмеса, по имени Мартен-Герр.

– Да, да, припоминаю, Мартен-Герр заменил Арно дю Тилля в рапортах, которые мне представляют каждый вечер.

– Кого недавно подобрал мертвецки пьяным дозор? – спросил Арно.

– Мартен-Герра.

– Кто подрался из-за шулерских игральных костей и пырнул шпагой самого красивого из жандармов французского короля?

– Опять же Мартен-Герр.

– Наконец, кого вчера накрыли на попытке похитить жену слесаря, мэтра Горжю?

– Все того же Мартен-Герра. Этот негодяй так и просится

на виселицу. Должно быть, не большего стоит и его хозяин, виконт д'Эксмес, за которым я поручил тебе наблюдать; он вечно выгораживает и защищает своего оруженосца, уверяя, что нет человека более смиренного и добропорядочного.

– То же самое вы, по доброте душевной, не раз говорили и обо мне, монсеньор. Мартен-Герр думает, что он одержим дьяволом. В действительности же он одержим мною.

– Как? Что это значит? Не сатана ли ты? – в ужасе вскричал коннетабль, крестясь. Ведь он был невежествен, как рыба, и суеверен, как монах.

Мэтр Арно ответил только сатанинским смешком и, заметив, что коннетабль достаточно напуган, сказал:

– О нет, я не черт, монсеньор. Чтобы вы убедились в этом и успокоились, я прошу у вас пятьдесят пистолей. Будь я чертом, согласитесь, мне бы не нужны были деньги и я бы сам себя выручал из затруднительных положений.

– Ты прав, – облегченно вздохнул коннетабль, – и вот тебе пятьдесят пистолей.

– Я их заслужил, монсеньор, завоевав доверие виконта д'Эксмеса. Я, правда, не дьявол, но я немножко колдун, и стоит мне надеть особый, темного цвета камзол и желтые штаны, как виконт начинает беседовать со мною, точно с испытанным, старым другом, от которого нет у него тайн.

– Гм!.. Все это пахнет веревкой, – хмыкнул коннетабль.

– Мэтр Нострадамус, едва взглянув на меня, когда я однажды проходил мимо него по улице, предсказал мне по мо-

ей физиономии, что я кончу жизнь между небом и землей, так что я смирился со своим жребием, а это бесценное преимущество. Человек, которому суждено кончить виселицей, не боится ничего, даже петли. Для начала я сделался двойником оруженосца виконта д'Эксмеса. Ну вот, знаете ли вы, догадываетесь ли вы, кто такой этот виконт?

– Знаю, конечно: яростный сторонник Гизов.

– Хуже того: он счастливый возлюбленный госпожи де Кастро.

– Что ты плетешь, бездельник, и откуда это известно тебе?

– Я сказал, что у него от меня нет секретов. Это я чаще всего отношу записки его любезной и приношу ответы. Я в наилучших отношениях с камеристкой этой дамы, причем камеристка только удивляется непостоянству характера своего кавалера: сегодня он предприимчив, как паж, а завтра робок, как монашенка. Виконт д'Эксмес и герцогиня де Кастро трижды в неделю встречаются у королевы, а пишут друг другу ежедневно. Однако – верьте или не верьте – их любовь безгрешна. Они любят друг друга, как херувимы, и, по видимому, с детских лет. Время от времени я заглядываю в их письма, и они меня умиляют. Госпожа Диана ревнует, и представьте себе, к кому, монсеньор, – к королеве! Но она совсем не права, бедняжка. Возможно, что королева равнодушна к виконту...

– Арно, вы клеветник! – остановил его коннетабль.

– Но ваша усмешка, монсеньор, достаточно выразитель-

на! – продолжал негодай. – Вполне возможно, говорю я, что королева к нему равнодушна, но виконт-то равнодушен к королеве, в этом нет никакого сомнения. Любят друг друга эти два голубка, как в Аркадии, безупречной любовью, трогающей меня, как нежный пастушеский или рыцарский роман, что, впрочем, не помешало мне, прости меня боже, выдать этих птичек за пятьдесят пистолей. Но согласитесь, монсеньор, я неплохо начал и вполне заслужил свои пятьдесят пистолей.

– Пусть так, – сказал коннетабль, – но я тебя еще раз спрашиваю, откуда у тебя эти сведения?

– Ах, монсеньор, простите, пока это мой секрет. Вы можете разгадать его, если пожелаете, но я еще должен таить его от вас. Впрочем, способы мои не имеют для вас ни малейшего значения, вам лишь бы достичь своих целей. А ваша главная цель – быть посвященным в планы и поступки, которые могут вам повредить, и мне кажется, что сегодняшнее мое донесение небезынтересно для вас, монсеньор, и не бесполезно.

– Разумеется, плут. Но надо и впредь следить за этим проклятым виконтом.

– Буду следить, монсеньор. Я предан вам так же, как и своим порокам. Вы будете доставлять мне пистолы, я вам – сведения, вот мы и будем довольны друг другом. Но кто-то идет. Женщина!.. Черт! Имею честь кланяться, монсеньор.

– Кто же это? – близоруко прищурился коннетабль.

– О, сама герцогиня де Кастро! Она, вероятно, идет к королю, и нельзя допустить, чтоб она увидела вас со мной... Я исчезаю...

И он быстро ушел.

Что же касается коннетабля, то он, поколебавшись, решил лично удостовериться в правоте слов Арно и двинулся навстречу герцогине Ангулемской.

– Вы направляетесь в кабинет Его Величества, герцогиня? – спросил он ее.

– Да, господин коннетабль.

– Боюсь, что король не будет расположен к беседе с вами, – продолжал Монморанси, обеспокоенный возможными результатами этой беседы, – и важные вести, только что полученные...

– Они-то и делают этот момент как нельзя более удобным для меня, сударь.

– А для меня неудобным. Вы ведь, сударыня, относитесь к нам очень враждебно.

– Господин коннетабль, я ни к кому не питаю вражды.

– Не питаете вражды? Что ж, вы и впрямь способны только любить? – спросил Анн де Монморанси так выразительно, что Диана покраснела и опустила глаза. – И не эта ли любовь побуждает вас противиться так долго желаниям короля и домогательствам моего сына?

Диана в замешательстве промолчала.

«Арно сказал мне правду, – подумал коннетабль, – она

любит этого красивого вестника триумфов герцога де Гиза».

– Господин коннетабль, – ответила наконец Диана, – мой долг – повиноваться Его Величеству, но мое право – обращаться с просьбами к своему отцу.

– Итак, – заключил коннетабль, – вы все же намерены пойти к королю.

– Да, намерена.

– Хорошо! Тогда я пойду к госпоже де Валантинуа, сударыня.

– Воля ваша, сударь.

Они поклонились друг другу и разошлись в разные стороны.

XIII. Вершина блаженства

– Вот что, Мартен, – говорил в тот же день и почти в тот же час Габриэль своему оруженосцу, – я должен пойти произвести обход и вернуться домой лишь через два часа. А вы, Мартен, будьте через час в обычном месте и ждите письма, важного письма, которое, как всегда, передаст вам Жасента. Принесите мне его не мешкая. Поняли?

– Понял, монсеньор, но должен просить у вас милости.

– Слушаю вас.

– Дайте мне гвардейца в провожатые, монсеньор, заклинаю вас.

– Гвардейца в провожатые? Что это за новое безумство? Чего ты боишься?

– Себя самого, монсеньор, – жалобным тоном ответил Мартен. – По-видимому, я в эту ночь опять набезобразничал. До сих пор никогда я не был ни пьяницей, ни игроком, ни драчуном. А теперь я распутник! Поверите ли вы, сударь, я имел низость попытаться в эту ночь похитить женщину! Да, похитить! К несчастью, или, вернее, к счастью, меня задержали, и, если бы не мое имя и не ваш авторитет, пришлось бы мне ночевать в тюрьме.

– Но как же, Мартен? Приснилось это тебе или в самом деле нашло на тебя такое затмение?

– Приснилось? Вот протокол, монсеньор. Да, было время,

когда я думал, что все эти позорные поступки были страшными кошмарами или что дьявола забавляло принимать мое обличье. Но вы же первый разуверили меня в этом, а к тому же я больше не встречаю своего призрака-двойника. Мой духовник тоже разуверил меня в этом... И теперь нарушителем всех законов, преступником, нечестивцем и негодяем оказываюсь я, как все меня уверяют. Ну что ж, и я в это верю... Лишь вам одному я смею сказать, что я одержимый, что иногда в меня вселяется бес...

– Да нет же, мой бедный Мартен, – смеясь, возразил Габриэль, – как я замечаю, ты просто с некоторых пор стал прикладываться к бутылочке и тогда у тебя двоится в глазах.

– Но я пью одну только воду, монсеньор, только воду! Разве что здешняя вода из Сены ударяет мне в голову.

– Ну а в тот вечер, когда тебя отнесли пьяного на паперть?

– Боже мой, да я в тот вечер мирно улегся спать, утром встал такой же непорочный, как лег, и только от вас узнал, как провел ночь. То же самое повторилось и в ту ночь, когда я поранил великолепного стража... То же самое было и вчера, когда я совершил это мерзейшее покушение!.. А между тем по моей просьбе Жером запирает меня снаружи на засов, ставни же я скрепляю тройной цепью! Но ничего не помогает. Видимо, я среди ночи встаю и начинаю жить гнусной жизнью лунатика. Проснувшись, я спрашиваю себя: «Что я за ночь натворил?» Выхожу, узнаю об этом от вас или из рапортов сторожей и тут же иду успокоить свою совесть испо-

ведью. А духовник из-за непрерывных моих грехов уже отказывается их отпускать. Я только тем и утешаюсь, что соблюдаю пост и ежедневно по несколько часов умерщвляю свою плоть, изо всех сил бичую себя плеткой. Но предвижу, что все-таки умру нераскаявшимся грешником.

– Надейся лучше, Мартен, на то, что полоса эта кончится и ты станешь прежним Мартеном, благоразумным и степенным, – сказал виконт. – А до тех пор выслушай своего хозяина и точно исполни его приказ. Разве могу я дать тебе провожатого? Ты ведь прекрасно знаешь, что это строжайшая тайна и посвящен в нее только ты.

– Будьте уверены, монсеньор, я сделаю все, что в моих силах. Но я не могу за себя ручаться, предупреждаю вас.

– Право же, Мартен, это мне надоело! Да почему же?

– Потому, что у меня случаются провалы в памяти, ваша светлость. Например, я думаю, что я где-то в одном месте, а оказывается, я в другом; я думаю одно, а делаю другое. Недавно на меня наложили епитимью: прочитать тридцать «Отче наш» и тридцать «Богородиц». Я решил ее утроить и остался в церкви Сен-Жерве, где более двух часов перебирал четки. И что же? Возвращаюсь сюда и узнаю, что вы послали меня отнести записку и что я даже принес на нее ответ. А на другой день Жасента бранит меня за то, что я накануне слишком вольно вел себя с нею. И так повторялось трижды, монсеньор! Как же вы хотите, чтобы я на себя полагался? Наверняка иной раз в моей шкуре сидит кто-то другой вме-

сто мэтра Мартена...

– Хорошо, за все буду отвечать я, – нетерпеливо сказал Габриэль. – До сих пор ты умело и точно исполнял мои распоряжения, а поэтому и сегодня окажешься молодцом. И знай, что ответ этот принесет мне счастье или же ввергнет в отчаяние.

– О монсеньор, если бы только не эти дьявольские козни!..

– Ты опять за свое! – перебил его Габриэль. – Мне надо уходить, а ты тоже отправляйся через час. И вот еще что: ты знаешь, что со дня на день я жду из Нормандии кормилицу Алоизу. Если она приедет в мое отсутствие, отведи ей комнату, смежную со мной, и прими ее как хозяйку дома. Запомнишь?

– Запомню, монсеньор.

– Итак, Мартен: быстрота, тайна, а главное – присутствие духа.

Мартен ответил глубоким вздохом, и Габриэль вышел из дома.

Через два часа, рассеянный и озабоченный, он вернулся обратно, но, увидев Мартена, тут же рванулся к нему, выхватил у него из рук долгожданное письмо, жестом отпустил его и принялся читать:

«Возблагодарим Бога, Габриэль, король уступил, мы будем счастливы. Вы, вероятно, слышали уже о прибытии из Англии герольда, объявившего нам войну от имени королевы Марии, а также о крупном наступлении, готовящемся

во Фландрии. Эти два события, грозные, может быть, для Франции, благоприятствуют нашей любви, Габриэль, потому что усиливают влияние молодого герцога де Гиза и ослабляют влияние старого Монморанси. Король еще колебался, но я молила его. Я сказала, что вы вернулись ко мне, что вы человек знатный и доблестный... я вас назвала, – будь что будет!.. Король, прямо ничего не обещав, ответил, что подумает; что так как государственные интересы здесь уж не столь обязательны, то жестоко было бы с его стороны губить мое счастье; что он сможет дать Франциску де Монморанси возмещение, которым тот вполне удовлетворится. Он не обещал ничего, но сделает все. О, вы полюбите его, Габриэль, как я его люблю, моего доброго отца, который претворит в действительность нашу шестилетнюю мечту! Мне столько надо вам сказать, а на бумаге слова так холодны! Слушайте, друг мой, приходите сюда сегодня в шесть вечера, во время заседания Совета. Жасента проводит вас ко мне, и в нашем распоряжении будет целый час для беседы о лучезарном грядущем, открывающемся перед нами. К тому же я предвижу, что вы будете участвовать во фландрской кампании. Вам придется, увы, провести ее, чтобы исполнить свой воинский долг и заслужить меня, любящую вас так нежно. О боже, я ведь вас очень люблю. К чему теперь это скрывать от вас? Приходите же, чтобы я увидела, так ли вы счастливы, как ваша Диана».

– Да, да, счастлив, очень счастлив! – громко воскликнул

Габриэль, прочитав письмо. – И чего же теперь недостает моему сердцу?

– Уж конечно, не присутствия вашей старой кормилицы, – раздался голос Алоизы, до этого мгновения безмолвно сидевшей в темном углу комнаты.

– Алоиза! – закричал Габриэль, бросаясь к ней в объятия. – Алоиза, ты не права, тебя мне очень недостает! Как твоё здоровье? Ты совсем не изменилась. Поцелуй меня еще раз. Я тоже не изменился, по крайней мере сердцем. Меня очень тревожило, что ты так долго медлила. Что тебя задержало?

– Проливные дожди размыли дороги, ваша светлость, и если бы не ваше взволнованное письмо, то мне бы и век не собраться к вам.

– О, ты хорошо сделала, что поспешила, Алоиза, отлично сделала, оттого что счастье в одиночестве – не полное счастье! Видишь письмо, только что полученное мною? Оно от Дианы. И она мне пишет... Знаешь, что она пишет мне? Что препятствия, мешавшие нашей любви, можно будет устранить; что король уже не требует от Дианы согласия на брак с Франциском де Монморанси; наконец – что она любит меня. Она меня любит! И ты здесь, я могу поделиться с тобой своею радостью, Алоиза! Скажи теперь, не достиг ли я в самом деле вершины блаженства?

– А если все-таки, монсеньор, – спросила Алоиза, все такая же грустная и сдержанная, – если все-таки вам пришлось

бы отказаться от госпожи де Кастро?

– Это невозможно, Алоиза! Говорю же тебе: все затруднения исчезают точно сами собой.

– Преодолеть можно затруднения, исходящие от людей, – возразила кормилица, – но не те, что исходят от Бога, монсеньор. Вы не сомневаетесь, конечно, что я вас люблю и не пощадила бы своей жизни, чтобы оградить вас от малейших забот. Ну так вот, если бы я сказала вам: не дознавайтесь, почему я об этом прошу, монсеньор, но откажитесь от брака с госпожой де Кастро, перестаньте встречаться с нею, во что бы то ни стало подавите в своем сердце любовь, ибо вас разделяет страшная тайна, открыть которую не просите меня в ваших же интересах, – если бы я с такой мольбою валялась у вас в ногах, монсеньор, то что бы вы ответили мне?

– Если бы ты, Алоиза, не приводя доводов, потребовала от меня покончить с собою, я бы послушался тебя. Но любовь не подчинена моей воле, кормилица, ведь она тоже исходит от Бога.

– Господи, да он кощунствует! – воскликнула кормилица, молитвенно сложив руки. – Но ты-то видишь: он не ведает, что творит! Прости его, грешного!

– Алоиза, ты приводишь меня в смятение! Не держи меня в смертельной тревоге! Ты должна мне все рассказать... Говори же, умоляю тебя!..

– Вы этого требуете, монсеньор? Вы требуете, чтоб я посвятила вас в тайну, хранить которую я поклялась Господу

Богу, но которую сам Господь Бог велит мне ныне открыть вам? Так знайте же, монсеньор: вы заблуждаетесь! А заблуждаться относительно чувства, внушенного вам Дианой, вы не должны! Не должны!.. Ибо – уверяю вас – это не желание, не страсть, а лишь глубокая привязанность, дружеская и братская потребность покровительствовать ей, монсеньор.

– Но ты ошибаешься, Алоиза, и обаятельная красота Дианы...

– Я не ошибаюсь, – поспешила перебить его Алоиза, – и вы сейчас согласитесь со мною, потому что я приведу доказательство, которое для вас будет так же бесспорно, как и для меня. Знайте же, есть предположение, что госпожа де Кастро... мужайтесь, дитя мое... что госпожа де Кастро – ваша сестра!

– Сестра! – воскликнул Габриэль и вскочил с места, точно подброшенный пружиной. – Сестра! – повторил он, почти обезумев. – Как же дочь короля и госпожи де Валантинуа может быть моей сестрою?

– Монсеньор, Диана де Кастро родилась в мае тысяча пятьсот тридцать девятого года. Ваш отец, граф Жак де Монтгомери, исчез в январе того же года, и знаете, в связи с каким подозрением? Знаете ли вы, в чем обвиняли вашего отца? В том, что он возлюбленный госпожи Дианы де Пуатье и что его предпочли дофину, ныне французскому королю! Теперь сопоставьте числа, монсеньор.

– Земля и небо! – воскликнул Габриэль. – Но постой, по-

стой... Пусть даже моего отца и обвиняли в этом, но из чего следует, что это было обоснованное обвинение? Диана родилась через пять месяцев после смерти моего отца, но из чего видно, что Диана не дочь короля? Он ведь любит ее как отец.

– Король может ошибаться, как могу ошибаться и я, монсеньор. Заметьте, я не сказала – Диана ваша сестра. Но это вероятно. Мой долг, мой страшный долг повелел мне поставить вас в известность. Разве не так? Иначе вы не согласились бы отказаться от нее!

– Но ведь такое сомнение в тысячу раз ужаснее самого несчастья! – воскликнул Габриэль. – Кто разрешит это, о боже!

– Тайна известна была только двоим, монсеньор, – сказала Алоиза, – и только эти двое могли бы ответить вам: ваш отец и госпожа де Валантинуа... Но, думается мне, она никогда не признается, что обманула короля и что дочь ее – не его дочь...

– Да, и если даже я люблю не дочь своего отца, то люблю дочь его убийцы! Ибо за смерть отца мне должен ответить он, король Генрих Второй. Так, Алоиза?

– Кто это знает, кроме Бога?

– Всюду мрак и хаос, сомнение и ужас! – простонал Габриэль. – О, я с ума сойду, кормилица!.. Нет, нет, – тут же воскликнул молодой человек, – я не желаю превращаться в безумца, не желаю!.. Сперва я попытаюсь во что бы то ни стало докопаться до истины. Я пойду к герцогине де Валан-

тинуа, я умолю ее посвятить меня в тайну, которую буду свято хранить. Она ведь набожная католичка, и я добьюсь, чтоб она клятвой скрепила правду своих слов... Я пойду к Екатерине Медичи, может, она знает что-нибудь... Я пойду и к Диане и прислушаюсь, что говорит мне голос сердца. А если бы я знал, где найти могилу отца, я бы пошел и воззвал к нему с такой силой, что он бы восстал из праха и ответил мне!

– Бедный, дорогой мой мальчик! – прошептала Алоиза. – Какая смелость, какое мужество даже после такого страшного удара!

– И я приступаю к делу тотчас же, – сказал Габриэль, охваченный лихорадочной жадой деятельности. – Сейчас четыре часа. Через полчаса я буду у герцогини де Валантинуа, часом позже – у королевы, в шесть – на свидании с Дианой, и, когда вечером вернусь сюда, Алоиза, для меня уже приподнимется, пожалуй, уголок мрачной завесы, скрывающей мою судьбу. До вечера!

– Не могу ли я вам чем-нибудь помочь, ваша светлость? – спросила Алоиза.

– Ты можешь молиться, Алоиза. Молись!

– Да, за вас и за Диану.

– И за короля, Алоиза, – мрачно произнес Габриэль.

И он стремительно вышел.

XIV. Диана де Пуатье

Коннетабль де Монморанси все еще находился у Дианы де Пуатье.

– В конце концов, она же ваша дочь, черт возьми, – надменно и властно говорил он, – и вы имеете те же права и ту же власть над нею, что и король. Требуйте венчания.

– Но, друг мой, – мягко отвечала Диана, – не забывайте, что до сих пор я слишком мало уделяла ей внимания. Как же мне проявить материнскую власть? Я ее не ласкала, как же мне ее бить? Мы находимся с ней – и вы это знаете – в весьма холодных отношениях, и, несмотря на ее попытки сблизиться со мной, мы продолжали встречаться лишь изредка. Она к тому же сумела приобрести большое влияние на короля, и я, право же, не знаю, кто из нас влиятельнее сейчас. Поэтому исполнить вашу просьбу, друг мой, очень трудно, если не сказать – невозможно. Махните рукой на этот брачный союз и замените его еще более блестящим. Для вашего сына мы попросим у короля маленькую Маргариту.

– Мой сын уже не играет в куклы, – фыркнул коннетабль. – И как могла бы содействовать процветанию моего дома девочка, едва научившаяся говорить? Наоборот, герцогиня де Кастро, как вы только что сами заметили, имеет на короля большое влияние, потому-то я и желаю, чтоб она стала моею невесткой. Удивительная вещь, гром и молния, сколько пре-

пятствий на пути к этому браку! Наперекор госпоже де Кастро, наперекор этому расфуфыренному капитанишке, наперекор самому королю я хочу, чтоб этот брак состоялся! Я так хочу!

– Хорошо, друг мой, – согласно кивнула Диана де Пуатье, – я обещаю сделать все возможное и невозможное для исполнения вашего желания.

Коннетабль что-то недовольно проворчал. Странно, но Диану де Пуатье необъяснимо тянуло к этому старому, вечно тиранившему ее ворчуну. Ведь Анн де Монморанси не был ни умен, ни блестящ и пользовался заслуженной репутацией скряги. Одни только страшные казни, которыми он усмирил мятежное население Бордо, создали ему своего рода омерзительную известность. Даже обладая храбростью, он оказался неудачлив в тех сражениях, в которых участвовал. При Равенне и Мариньяне, где одержаны были победы, он еще не командовал и ничем не отличался среди прочих. При Бикокке, стоя во главе швейцарского полка, он дал перебить почти весь свой полк, а при Павии был взят в плен. Тем исчерпывалась его воинская слава. И если бы Генрих II – разумеется, под влиянием Дианы де Пуатье – не благоволил к нему, он так и остался бы на втором плане и в Королевском совете, и в армии. Тем не менее Диана преданно заботилась о нем и во всем ему подчинялась.

В этот миг послышался осторожный стук в дверь, и появившийся паж доложил, что виконт д'Эксмес действительно

просит герцогиню оказать ему милость, приняв его по чрезвычайному важному делу.

– Влюбленный! – воскликнул коннетабль. – Чего нужно ему от вас, Диана? Уж не пришел ли он, чего доброго, просить у вас руки дочери?

– Принять его? – покорно спросила Диана.

– Разумеется, ведь этот визит может нам быть полезен. Но пусть он немного подождет, пока мы договоримся.

Паж удалился.

– Если к вам пришел виконт д'Эксмес, – сказал коннетабль, – то это значит, что возникло какое-то непредвиденное затруднение. Положение, должно быть, кажется ему отчаянным, иначе он бы не прибег к этому крайнему средству. Слушайте же внимательно, и если вы точно выполните мои наставления, то, возможно, вам и не придется тогда обращаться к королю. Диана, о чем бы виконт ни просил вас, отвечайте отказом. Если он попросит вас указать ему путь, направьте его по пути противоположному. Если пожелает услышать от вас «да», говорите «нет». Ведите себя с ним выскомерно, пренебрежительно – словом, дурно... Вы поняли меня, Диана? Сделаете то, что я вам говорю?

– Все будет исполнено в точности, мой коннетабль.

– Тогда, надеюсь, кавалер наш будет сбит с толку. Бедняга! Бросается прямо в пасть к... – он хотел сказать «к волчице», но поправился: – К волкам. Предоставляю вам его, Диана, и жду от вас подробного отчета о беседе с этим красивым

претендентом. До вечера!

И, поцеловав Диану в лоб, он удалился. В другую дверь паж ввел виконта д'Эксмеса.

Габриэль отвесил Диане почтительнейший поклон, на который она ответила небрежным кивком. Но Габриэль, заранее готовый к неравной борьбе между пылкой страстью и ледяным тщеславием, начал довольно спокойно:

– Герцогиня, я понимаю дерзость и тщетность моей просьбы, с которой осмеливаюсь к вам обратиться. Но в жизни случаются иной раз такие важные, такие крайние обстоятельства, что под их влиянием становишься выше обычных условностей и невольно пренебрегаешь обычными приличиями. И вот я стою перед одним из страшных определений судьбы, сударыня. Человек, говорящий с вами, вручает вам свою жизнь, и, если вы безжалостно отнесетесь ко мне, я погибну.

Госпожа де Валантинуа, казалось, застыла в немой неподвижности и не сводила с Габриэля недовольного, удивленного взгляда.

– Вы знаете или, может, не знаете, герцогиня, – продолжал он, стараясь не поддаваться обескураживающему воздействию этого нарочитого молчания, – что я люблю госпожу де Кастро, люблю ее глубокой, пылкой, необоримой любовью.

Легкая усмешка Дианы де Пуатье словно говорила: «А мне-то что до этого?»

– Я заговорил об этой переполняющей мою душу любви, герцогиня, дабы иметь повод сказать, что я преклоняюсь перед нею, обожествляю ее как наитие свыше. Сердце, которое она посетила, становится чище, возвышеннее, ближе к небу...

Диана де Пуатье переменяла позу и, полузакрыв глаза, небрежно откинулась на спинку кресла.

«Куда он гнет со своею проповедью?» – думала она.

– Таким образом, вы видите, что любовь для меня святыня, – продолжал Габриэль. – Более того, она всесильна в моих глазах. Пусть бы даже супруг госпожи де Кастро был еще жив, я любил бы ее и даже не старался бы подавить в себе это непобедимое чувство... Только надуманная любовь поддается укрощению, истинная же не слушает приказов, и спастись от нее нельзя. Поэтому и вы, сударыня, вы тоже не защищены от вторжения в вашу душу истинной страсти...

Герцогиня де Валантинуа по-прежнему молчала. Лишь насмешливое изумление светилось в ее глазах. Габриэль заговорил с еще большим жаром, точно желая смягчить это каменное сердце.

– Король был восхищен вашей дивной красотой, вы – тронуты его любовью, но сумело ли ваше сердце ответить ему взаимностью? Увы, нет... И вот однажды вас увидел красивый, доблестный и преданный дворянин. Он влюбился в вас, и страсть его нашла отклик в вашей душе, не сумевшей отозваться на страсть короля. В самом деле, разве титулы поко-

ряют сердца? Кто может вам помешать в один прекрасный день великодушно и с чистой совестью предпочесть подданного господину? Не знаю, как другие, но я настолько понимаю благородство чувства, что никак не могу поставить в вину Диане де Пуатье, при всей любви к ней Генриха Второго, любовь ее к графу де Монтгомери.

Диана порывисто приподнялась и широко раскрыла свои большие зеленые и ясные глаза.

– Что ж, вы располагаете вещественными доказательствами этой любви? – обеспокоенно спросила она.

– Я располагаю только уверенностью, правда, не вещественной, но твердой, – ответил Габриэль.

– А! – произнесла она, и лицо ее приняло прежнее надменное выражение. – В таком случае мне ничего не стоит сказать вам правду. Да, я любила графа де Монтгомери. А дальше что?

– Дальше?.. – Габриэлю было мучительно и больно. Однако он продолжал: – Вы любили Жака де Монтгомери, герцогиня, и я осмеливаюсь предположить, что вам еще дорога его память. Ибо если он и исчез с лица земли, то из-за вас. И вот я именем его заклинаю вас, герцогиня, разрешите мне задать один вопрос, который может показаться вам очень дерзким. Но я повторяю, что жизнь моя связана с этим ответом, и если вы мне в нем не откажете, то отныне я буду ваш душой и телом...

– Довольно, сударь, – сказала герцогиня. – Задайте же этот

страшный вопрос.

– Позвольте мне, произнося его, преклонить пред вами колени, – сказал Габриэль и действительно опустился на колени и с бьющимся сердцем тихо спросил: – Герцогиня, вы любили графа де Монтгомери в тысяча пятьсот тридцать восьмом году?

– Возможно, – ответила Диана де Пуатье. – Дальше.

– В январе тысяча пятьсот тридцать девятого года граф исчез, а в мае того же года родилась будущая герцогиня де Кастро.

– И что же?

– Вот здесь-то, герцогиня, – продолжал Габриэль едва слышно, – здесь-то и заложена томящая меня тайна. Я умоляю вас открыть мне ее. Ведь от нее зависит вся дальнейшая моя судьба, и, поверьте, она умрет в моей груди, если вы удостоите меня откровенности. Перед этим Распятием клянусь вам, сударыня: у меня вырвут прежде жизнь, чем ваше признание. К тому же вы можете всегда отречься от него, вам поверят больше, чем мне... Герцогиня! Кто отец Дианы де Кастро? Действительно граф де Монтгомери?

– Ха-ха! – презрительно рассмеялась Диана. – Вопрос и впрямь дерзновенный! И вы правильно поступили, предположив столь пространное введение. Но успокойтесь, милейший, я не гневаюсь на вас. Вы и в самом деле заинтересовали меня своей загадкой, и, знаете ли, загадка эта все еще продолжает меня занимать. Ибо, в сущности, вам-то что за дело,

господин д'Эксмес, дочь ли короля или дочь графа герцогиня Ангулемская? Король считается ее отцом, этого довольно для вашего честолюбия, если вы честолюбивы. И что за бесцельное желание допрашивать прошлое? У вас есть для этого основание, сударь?

– Вы правы, герцогиня, основание у меня есть, но я заклинаю вас не спрашивать меня о нем, – отозвался Габриэль.

– Вот как! – воскликнула Диана. – Мои тайны вы желаете знать, а свои скрываете. Сделка для вас, во всяком случае, небезвыгодная.

Габриэль подошел к дубовому резному аналою, стоявшему за креслом Дианы, и снял с него Распятие слоновой кости.

– Можете ли вы поклясться вечным спасением своим, герцогиня, молчать о том, что я вам сообщу, и никогда не злоупотреблять этим сообщением?

– Ну и клятва! – удивилась Диана.

– Да, сударыня, я знаю, что вы ревностная и набожная католичка, и если вы поклянетесь спасением души своей, то я поверю вам.

– А если я откажусь поклясться?

– Тогда я промолчу, сударыня, и вы откажетесь сохранить мне жизнь.

– Знаете, сударь, вы удивительно раззадорили мое женское любопытство. Тайна, которую вы так трагически окружаете себя, притягивает и, сознаюсь, искушает меня. Но предупреждаю вас, что если я и поклянусь, то лишь для того,

чтобы лучше вас понять. Поклянусь из чистого любопытства, должна вам признаться!

– Я тоже, герцогиня, руковожусь лишь стремлением узнать тайну, но только любопытство мое сродни любопытству подсудимого, ожидающего смертного приговора. Как видите, горькое и страшное любопытство. Угодно ли вам дать эту клятву?

– Говорите же, я буду повторять за вами эту вашу клятву. И действительно, Диана повторила за Габриэлем:

– «Вечным спасением своим в настоящей и в грядущей жизни клянусь никому в мире не открывать тайны, которую вы мне сообщите, никогда ею не пользоваться вам во вред и во всем поступать так, словно она оставалась и навсегда останется мне неизвестной».

– Так, герцогиня, – сказал Габриэль, – благодарствуйте за первое доказательство снисхождения. Теперь вам все объяснят два слова: имя мое – Габриэль де Монтгомери и Жак де Монтгомери – мой отец.

– Ваш отец! – воскликнула пораженная Диана.

– Таким образом, – продолжал Габриэль, – если Диана де Кастро – дочь графа, то та, кого я люблю, – моя сестра.

– А, понимаю... – протянула, несколько опомнившись, Диана де Пуатье. «Вот что спасает коннетабля», – подумала она.

– А теперь, сударыня, – твердо заявил побледневший Габриэль, – окажите мне милость, поклянитесь на этом Распя-

тии, что герцогиня де Кастро – дочь короля Генриха Второго! Вы молчите? Почему вы молчите, герцогиня?

– Потому что не могу поклясться в этом.

– О боже мой! Диана – дочь моего отца? – пошатнувшись, спросил Габриэль.

– Этого я не говорю. И никогда не скажу! – воскликнула госпожа де Валантинуа. – Диана де Кастро конечно же дочь короля.

– Правда? О, герцогиня, как вы добры! Но простите, быть может, слова эти подсказаны вам вашими личными интересами?.. Поклянись же, сударыня, поклянись. Во имя дочери вашей принесите клятву и в этом!

– Не принесу! – отрезала герцогиня. – С какой стати мне клясться?

– Но ведь вы только что принесли подобную же клятву лишь для удовлетворения собственного любопытства, а теперь, когда дело касается человеческой жизни, когда вы можете несколькими словами спасти от гибели двух людей, вы спрашиваете: «С какой стати мне клясться?»

– Сударь, вы слышали: я не поклянусь, – холодно и решительно повторила Диана.

– А если я все же женюсь на госпоже де Кастро, сударыня, и если она мне сестра, вы думаете, что грех не падет на вашу голову?

– Не на мою, – ответила Диана, – потому что я ни в чем не поклялась.

– Это ужасно, ужасно! – воскликнул Габриэль. – Но не забудьте, что я могу повсюду рассказывать о вашей связи с графом де Монтгомери, о вашей измене королю...

– У вас нет никаких доказательств, – едко усмехнулась Диана. – Вам просто не поверят. Заметьте к тому же, что я могу преподнести государю дело так, будто вы посмели объяснить мне в дерзновенной любви, угрожая оклеветать меня, если я вам не уступлю. Тогда вы не избежите гибели, господин Монтгомери. Но простите, – прибавила она, вставая, – я вынуждена с вами расстаться, сударь. Я очень интересно провела с вами время, право же, очень, и ваша история принадлежит к числу самых необыкновенных.

Она позвонила.

– О, как это подло! – вскричал Габриэль, потрясая сжатыми кулаками. – Ах, отчего вы женщина? И отчего я дворянин? Но берегитесь, герцогиня! Вы не безнаказанно надругались над моим сердцем и над моею жизнью... Вы еще ответите мне, ибо, повторяю, вы совершаете подлость.

– Вы находите? – сказала Диана, сопровождая эти слова свойственным ей одной сухим, издевательским смешком.

В этот миг паж, явившийся на зов, приподнял портьеру. Она иронически кивнула Габриэлю и вышла из комнаты.

«Коннетаблю решительно везет», – подумала она.

Габриэль вышел вслед за Дианой, ничего не видя от ярости и обиды.

XV. Екатерина Медичи

Но Габриэль был человеком сильным и мужественным, с решительным и твердым характером. Ошеломленный в первую минуту, он подавил в себе приступ отчаяния, поднял голову и велел доложить о себе королеве. Ведь могли же дойти какие-нибудь слухи до Екатерины Медичи об этой безвестной трагедии соперничества ее мужа с графом Монтгомери. Как знать, не играла ли она в ней и сама какую-либо роль? В ту пору ей было лет двадцать. Молодая женщина, красивая и покинутая, должна была наверняка зорко и неотступно следить за всеми происками и ошибками своей соперницы. Габриэль рассчитывал, что ее воспоминания смогут осветить ему ту темную дорогу, по которой он брел пока еще ощупью.

Екатерина приняла виконта д'Эксмеса с той подчеркнутой благосклонностью, которую выказывала ему всякий раз, когда к этому представлялся случай.

– Это вы, прекрасный победитель? – улыбнулась она. – Какой счастливой случайности обязана я вашим милым пощением? Вы редко навещаетесь к нам, господин д'Эксмес, и впервые, кажется, попросили у меня аудиенции. Между тем вы всегда для меня желанный гость, так и запомните.

– Государыня, – ответил Габриэль, – я не знаю, как вас благодарить, и знайте, что моя преданность...

– Оставим в стороне вашу преданность, – перебила его королева, – и перейдем к цели вашего прихода. Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезна?

– Да, Ваше Величество, мне кажется, что можете.

– Тем лучше, господин д’Эксмес. – И Екатерина поощрительно улыбнулась. – Если в моей власти то, о чем вы собираетесь меня просить, заранее обещаю исполнить вашу просьбу. Это, быть может, несколько неосторожное обещание, но вы, конечно, им не злоупотребите.

– Боже меня упаси от такого намерения, государыня!

– Итак, я слушаю вас, – вздохнула королева.

– Я дерзнул явиться к вам, Ваше Величество, только для выяснения одного обстоятельства, в котором для меня заключается все. Простите ли вы меня, если я коснусь воспоминаний, весьма неприятных для Вашего Величества? Я говорю о событии, относящемся к тысяча пятьсот тридцать девятому году.

– О, в ту пору я была очень, очень молода, – сказала королева.

– Но были уже, несомненно, красавицей, достойной любви, – заметил Габриэль.

– Иной раз мне приходилось это слышать, – ответила королева, приятно взволнованная оборотом, который принимала беседа.

– И тем не менее, – продолжал Габриэль, – другая женщина уже осмеливалась захватить права, данные вам Богом,

происхождением и красотой. И женщина эта не удовлетворилась тем, что ваш супруг отвратил от вас свое сердце. Она изменила ему, полюбив графа Монтгомери. Впрочем, в своем справедливом презрении вы, быть может, не сохранили об этом никаких воспоминаний?

– Нет, у меня еще свежи в памяти, – ответила королева, – и этот случай, и все уловки той, о ком вы говорите. Да, она полюбила графа Монтгомери. Затем, увидев, что страсть ее обнаружена, она трусливо заявила, что ломала комедию, дабы испытать сердце дофина, а когда Монтгомери исчез – и, быть может, по ее приказу, – она его не оплакивала и на следующий же день появилась на балу веселая, кокетливая. Да, никогда я не забуду первых интриг, которыми эта женщина подкапывалась под власть молодой королевы; из-за них я дни и ночи проводила в слезах. Но позже во мне проснулась гордость. Своим достойным поведением я заставила всех уважать во мне супругу, мать и королеву. Я подарила семерых детей королю и Франции. Теперь же я сохранила к мужу только спокойную любовь, как к другу и к отцу моих детей. Я достаточно жила для общего блага. Разве нельзя мне пожить немного и для себя? И если бы я заметила чье-то юное и пылкое влечение ко мне, разве было бы преступлением отвергнуть его, Габриэль?

Взгляды Екатерины дополняли ее слова. Но мысли Габриэля витали далеко. Он уже не слушал королеву, а думал о чем-то своем. Задумчивость эту Екатерина объяснила себе

по-своему. Но вскоре Габриэль нарушил молчание.

– Разрешите вас просить, государыня, еще об одном разъяснении, чрезвычайно важном для меня. Вы ведь добры ко мне! Направляясь к вам, я недаром предчувствовал, что уйду отсюда удовлетворенным. Довершите же ваше благодеяние. Раз вам хорошо знакома эта мрачная история с графом Монтгомери, то не знаете ли вы, чья дочь герцогиня де Кастро, родившаяся через несколько месяцев после исчезновения графа? Злые языки называют отцом Дианы господина Монтгомери.

Несколько мгновений Екатерина Медичи молча глядела на Габриэля, как бы желая проникнуть в скрытый смысл этих слов. Наконец, решив, что разгадала загадку, она улыбнулась:

– От меня не ускользнуло, что вы заметили госпожу де Кастро и принялись усердно за нею ухаживать. Я догадываюсь теперь о ваших желаниях. Но прежде чем идти дальше, вы, вероятно, пожелали удостовериться, что идете не по ложному следу и что предмет вашего увлечения действительно дочь короля. Вы не желаете, женившись на узаконенной дочери Генриха Второго, оказаться вдруг супругом внебрачной дочери графа Монтгомери. Да вы честолюбец, господин д’Эксмес! Не оправдывайтесь, такая черта внушает мне еще большее уважение к вам.

– Но, государыня, – пробормотал в замешательстве Габриэль, – быть может, и вправду...

– Отлично! Я вижу, что разгадала вас, мой рыцарь, – сказала королева. – Так вот что, послушайте дружеского совета: в ваших же интересах отказаться от госпожи де Кастро. Оставьте эту куклу. Я не знаю, по правде говоря, чья она дочь – короля или графа, но, если даже она и дочь короля, не такая жена, не такая опора вам нужна. Герцогиня Ангулемская натура слабая и мягкая, сотканная из чувствительности и грации, но ей недостает силы и энергии. Ей удалось снискать благоволение короля, не спорю, но воспользоваться им она не сумеет. Вам же, Габриэль, для осуществления ваших великих замыслов нужна мужественная и влиятельная подруга, которая бы помогла вам в меру всей своей любви, служила бы вам опорой и сама опиралась на вас. Такое сердце, виконт д’Эксмес, вы, сами того не ведая, нашли!

Он глядел на нее озадаченный. Она увлеченно продолжала:

– В силу своего положения мы, королевы, освобождены от обычных правил приличия и можем, не стыдясь, сами пойти навстречу чьему-то желанию. Послушайте, Габриэль! Вы красивы, смелы, пылки, горды! С первого же взгляда я испытала к вам незнакомое мне чувство, и – разве я ошиблась? – ваши слова, ваши взгляды, даже сегодняшняя просьба, в которой, быть может, надо видеть лишь ловкий маневр, – словом, все побуждало меня думать, что я натолкнулась на человека благородного.

– Государыня... – в ужасе произнес Габриэль.

– Да, вы, вижу, взволнованы и озадачены, – нежно улыбнулась Екатерина. – Но вы, надеюсь, не слишком строго осуждаете меня за мою вынужденную откровенность? Я повторяю: положение королевы должно служить оправданием женщине. Вы робки, хотя и честолюбивы, господин д’Экмес. Потому я предпочла заговорить первая. Ну, придите же в себя! Неужели я так страшна?

– О да, – прошептал бледный и растерянный Габриэль.

Но королева, расслышав это восклицание, неверно поняла его.

– Полно, – сказала она с напускной подозрительностью, – я ведь вас еще, кажется, не свела с ума настолько, чтобы вы забыли свои интересы... Но знайте, Габриэль, я хочу возвеличить вас. До сих пор я держалась в тени, на втором плане, но скоро буду блистать на первом. Госпожа Диана де Пуатье по своему возрасту не сможет сохранять долго свою красоту и влияние. С того дня, как чары этой женщины перестанут действовать, начнется мое царствование! Король поймет когда-нибудь, что нет у него советчика опытнее, искуснее, находчивее меня. А тогда, Габриэль, на что может претендовать человек, соединивший свою судьбу с моею в ту пору, когда она еще не определилась? Полюбивший во мне женщину, а не королеву? Разве не пожелает правительница государства достойно вознаградить того человека, кто посвятил свою жизнь Екатерине? Разве не станет он ее помощником, ее правой рукой, истинным королем при королеве-призраке?

Так как же, Габриэль, хотите вы быть этим человеком? – И она смело протянула ему руку.

Габриэль, преклонив колено, поцеловал эту белую и красивую руку... Но он был слишком цельной и честной натурой, чтобы примириться с хитростями и обманом, каких требует лживая любовь. Он был слишком откровенен и решителен, чтобы колебаться в выборе между ложью и опасностью. И, вскинув голову, он сказал:

– Ваше Величество, скромный дворянин, припавший к вашим стопам, просит вас смотреть на него как на почтительнейшего из ваших слуг и преданнейшего из ваших подданных, но...

– Но не этих почтительных излияний ждут от вас, мой благородный кавалер, – перебила его, улыбаясь, Екатерина.

– И тем не менее, Ваше Величество, – продолжал Габриэль, – беседуя с вами, я пользовался более нежными словами, ибо – простите великодушно – люблю другую женщину. Я полюбил ее раньше, чем увидел вас. Это госпожа Диана де Кастро. Так что в сердце моем нет места для другой, будь она даже королевой.

Побледнев и поджав губы, Екатерина произнесла только:
– А!

Габриэль, опустив голову, бестрепетно ждал бури негодования и презрения, которая должна была обрушиться на него. Взрыв презрения и негодования не заставил себя долго ждать.

– Знаете ли вы, господин д’Эксмес, – сдержанно заговорила Екатерина Медичи после нескольких минут тяжелого молчания, – знаете ли вы, что я нахожу вас очень смелым, чтобы не сказать наглым! Кто вам говорил о любви, сударь? С чего вы взяли, что готовится покушение на вашу столь пугливую добродетель? Вы нанесли, сударь, тяжкое оскорбление женщине и королеве!

– О, Ваше Величество, – возразил Габриэль, – поверьте, что мое благоговейное почтение...

– Довольно! – остановила его Екатерина. – Повторяю вам, что вы оскорбили меня. Зачем вы здесь? Что вас привело сюда? Какое мне дело до вашей любви, госпожи де Кастро и всего прочего? Вы пришли ко мне за сведениями? Дурацкий предлог! Вы хотели превратить королеву Франции в орудие подлого дознания, нужного вашей страсти? Это бессмыслица, говорю вам! И еще раз повторяю: это оскорбление.

– Нет, сударыня, – гордо выпрямившись, ответил Габриэль, – встретить честного человека, которому легче причинить вам боль, нежели обмануть, – это не оскорбление.

– Замолчите, сударь! – крикнула Екатерина. – Я приказываю вам замолчать! Счастье ваше, что я не намерена рассказать королю про ваше дерзновенное заблуждение. Но никогда больше не показывайтесь мне на глаза и считайте отныне Екатерину Медичи своим заклятым врагом. Да. Я еще доберусь до вас, будьте в этом уверены, господин д’Эксмес. А теперь – прочь отсюда!

Габриэль поклонился королеве и удалился, не прибавив ни слова.

«Ну, вот и еще враг, – подумал он, оказавшись один. – Иметь своими врагами фаворитку короля и жену короля! А вдобавок, быть может, и самого короля! Пойдем теперь к Диане: пора. И дай бог уйти от нее не с таким тяжелым сердцем, с каким ушел я от этих двух дьяволиц!»

XVI. Возлюбленный или брат?

Когда Жасента ввела Габриэля в комнату Дианы де Кастро, которая по праву узаконенной дочери короля жила в Лувре, Диана в простодушном девическом порыве бросилась ему навстречу, нисколько не скрывая своей радости. Она подставила Габриэлю для поцелуя лоб, но он только пожал ей руку.

– Наконец-то, Габриэль! С каким нетерпением я ждала вас, мой друг! Последние часы я не знала, с кем поделиться радостью, переполнявшей меня. Я говорила сама с собою, смеялась своим мыслям, безумствовала... Но вот и вы, Габриэль!.. Но что с вами, мой друг? Почему у вас такой холодный, серьезный, замкнутый вид? Разве так нужно выражать свою любовь ко мне? Разве так подобает вам выказывать признательность моему отцу?

– Вашему отцу?.. Да, поговорим о вашем отце, Диана... А что до моей сдержанности, то такова моя привычка – с суровым лицом встречать удачу, ибо я отношусь к ее дарам весьма недоверчиво. Я не слишком избалован ею и на собственном опыте узнал, как много горя таят ее милости!

– Не знала я, Габриэль, что вы такой философ и такой неудачник, – досадливо пошутила девушка. – Но вы сказали, что хотите говорить о короле. Это будет лучше! Как он добр и великодушен, Габриэль!

– Да? Он вас очень любит, Диана?

– Очень!..

«Удивительно! – подумал виконт д'Эксмес. – Он, может, считает ее своей дочерью...»

– Одно лишь меня удивляет, – сказал он вслух. – Как это он ухитрился целых двенадцать лет не видеть вас и держать вас вдали от себя, в Вимутье, в заброшенности и безвестности? Вы никогда, Диана, не спрашивали отца о причине прежнего, столь странного равнодушия к вам?

– О, это не он, не он был ко мне равнодушен!

– Но, в таком случае, кто же?

– Кто же, как не госпожа Диана де Пуатье, так называемая моя мать?

– Почему же она мирилась с сознанием, что вы покинуты, Диана? Чего ей приходилось опасаться? Муж ее умер... Отец умер...

– Разумеется, Габриэль, – сказала Диана, – и мне трудно, чтобы не сказать – невозможно, найти оправдание этой странной гордости, под влиянием которой госпожа де Валантинуа никогда не соглашалась официально признать меня своим ребенком. Вы, видимо, не знаете многого. Сперва она добилась у короля согласия на то, чтобы утаили мое рождение. На мое возвращение ко двору она согласилась только по настоянию и чуть ли не по приказу короля. Она даже не пожелала назваться матерью в акте о моем узаконении. Я на это не жалею, Габриэль: ведь если бы не эта странная гор-

дость, я бы с вами не познакомилась. Но меня все же не раз огорчала ее неприязнь ко мне.

«Неприязнь, которая, быть может, не что иное, как угрозы-зание совести, – подумал с отчаянием Габриэль. – Она обманывала короля, но обманывала с оглядкой, пребывая в вечном страхе».

– Но что волнует вас, мой друг? – спросила Диана. – Почему задаете вы мне все эти вопросы?

– Просто так, Диана... Сомнение моего беспокойного ума... Но вы не волнуйтесь, Диана. Если мать относится к вам холодно и чуть ли не враждебно, то отец вполне искупает свою нежностью холодность матери, Диана. Ведь при появлении короля вам, должно быть, становится легко, ибо сердце ваше чувствует в нем истинного отца.

– О, конечно! – ответила Диана. – И в первый же день, когда я увидела его, такого ласкового, такого доброго, я сразу же почувствовала к нему сердечное влечение. Я с ним предупредительна и нежна не из расчета, а по какому-то внутреннему наитию. Не будь он королем, я бы не меньше любила его: он же мой отец.

– В таких вещах чувство не обманывает никогда! – восторженно воскликнул Габриэль. – Моя Диана! Дорогая! Как хорошо, что вы так любите своего отца и чувствуете в его присутствии радостное волнение! Эта трогательная дочерняя любовь делает вам честь, Диана.

– И хорошо, что вы ее понимаете и одобряете, мой друг, –

сказала Диана. – Но теперь поговорим немного и о себе, о нашей любви. Знаете, Габриэль, сегодня отец снова мне сказал: «Дорогое дитя, будь счастлива! Твое счастье осчастливит и меня!» Итак, сударь мой, уплатив долг признательности, не будем забывать и самих себя.

– Это верно, – задумчиво протянул Габриэль, – да, это верно... Что ж, заглянем в наши сердца и посмотрим, что в них творится. Откроем их друг другу.

– В добрый час! – ответила Диана. – Это будет просто чудесно!

– Да, чудесно... – печально повторил Габриэль. – Скажите, Диана, какое у вас чувство ко мне? Оно слабее, чем к отцу?

– Гадкий ревнивец! – воскликнула Диана. – Знайте же: это чувство совсем другое. Во всяком случае, его трудно объяснить. Когда государь передо мною, я спокойна, сердце бьется не сильнее обычного... А когда я вижу вас... страшное смущение, несущее мне муку и радость, разливается по всему моему существу. Счастье быть с вами...

– Замолчи, замолчи же! – вскричал Габриэль вне себя. – Да, ты любишь меня, и поэтому мне страшно...

– Как вас понять, Габриэль? – удивилась Диана. – Отчего вас так выводит из себя мое признание? Какая опасность может таиться в моей любви?

– Никакой, моя дорогая, никакой... не слушай меня, я просто пьян от радости... Голова кружится от такого безмер-

ного счастья... Но ведь не всегда же вы так любили меня. Когда мы вместе бродили по лесам Вимутье, вы чувствовали ко мне лишь дружбу... сестры!

– Тогда я была ребенком, – ответила Диана.

– Это верно, Диана, это верно...

– А теперь и вы откройте мне свою душу, как открыла я перед вами и свою. Дайте же мне услышать из ваших уст, как крепко вы любите меня.

– О боже мой... я не могу вам этого сказать! – воскликнул Габриэль. – Не допрашивайте меня, не требуйте, чтоб я сам себя допрашивал, это слишком ужасно!

– Но, Габриэль, – поразилась Диана, – если что ужасно, так это ваши слова! Разве вы этого не чувствуете? Как! Вы даже не хотите мне сказать, что любите меня?

– Люблю ли я тебя, Диана? Ты не веришь! О да, да, я люблю тебя как безумец, как преступник, быть может.

– Как преступник? – в изумлении повторила госпожа де Кастро. – Чем же может быть преступна наша любовь? Разве оба мы не свободны? И ведь отец мой согласился на наш брак. Бог и ангелы только радуются, глядя на такую любовь!

«Да не будут ее слова кощунством, о господи!» – мысленно воскликнул Габриэль.

– Но что же это значит? – продолжала Диана. – Может, вы нездоровы? Вы, обычно такой мужественный, поддаетесь каким-то вздорным страхам! А вот мне ничуть не страшно с

вами. Я себя чувствую с вами в безопасности, как со своим отцом. И чтобы вы опомнились, вернулись к жизни и осознали наше счастье, я бесстрашно порываюсь к вам, Габриэль. – И, сияя от радости, она обняла его.

Но Габриэль в ужасе оттолкнул ее.

– Нет, – крикнул он, – уйди, оставь меня!

– О боже мой, боже! – воскликнула Диана, бессильно опустив руки. – Он отталкивает меня, он не любит меня!

– Я слишком люблю тебя!

– Если бы так, разве ужасали бы вас мои ласки?

«Неужели они действительно вызвали во мне ужас? – испугался Габриэль. – Неужели их отверг не мой разум, а голос крови? О, приди же ко мне, Диана!»

Он привлек Диану к себе и нежно поцеловал ее волосы.

– Как я ошибался! – прошептал он, взволнованный этим прикосновением. – Не голос крови звучит во мне, а голос любви. Я узнаю его. Какое счастье!

– Значит, ты любишь меня! Любишь!.. Это все, что я хотела услышать и узнать.

– О да, я люблю тебя, люблю страстно, неистово, исступленно! Любить тебя и чувствовать на своей груди биение твоего сердца – это рай... или же ад! – крикнул внезапно Габриэль, высвобождаясь из рук Дианы. – Уйди, уйди! Дай мне исчезнуть, я проклят!..

Он выбежал в смятении из комнаты, оставив Диану одну – ошеломленную, оцепеневшую от испуга и отчаяния.

Он не сознавал, куда идет и что делает. Машинально, шатаясь, как пьяный, спустился по лестнице. Эти страшные испытания были слишком тяжелы для его рассудка. Поэтому, когда он очутился в большой галерее Лувра, глаза у него закатились, ноги подогнулись, и он рухнул на колени у самой стены, бормоча:

– Я предвидел, что ангел истерзает меня еще сильнее тех двух дьяволиц... – И он потерял сознание.

Сгустились сумерки, никто не заглядывал на галерею.

Пришел он в себя лишь тогда, когда почувствовал на лбу маленькую руку и услышал чей-то нежный голос. Он открыл глаза. Юная королева-дофина Мария Стюарт стояла перед ним со свечой в руке.

– Слава богу, вот и другой ангел! – прошептал Габриэль.

– Так это вы, господин д'Эксмес! – воскликнула Мария. – Как вы меня напугали! Мне показалось, что вы умерли. Что с вами? Как вы бледны! Теперь вам лучше? Хотите, я позову людей?..

– Это излишне, госпожа дофина, – сказал Габриэль, пытаясь встать, – ваш голос воскресил меня.

– Позвольте я вам помогу, – продолжала Мария. – Вы упали в обморок? Когда я увидела вас, то так испугалась, что даже не могла крикнуть. А потом, поразмыслив, успокоилась, подошла, положила вам руку на лоб, позвала вас, и вы очнулись. Вам легче?

– Да, Ваше Величество. Да благословит вас небо за вашу

доброту! Теперь я припоминаю: сильная боль стиснула мне вдруг виски, точно железными обручами, пол провалился, и я упал вниз, касаясь стены, и я соскользнул вниз, по этой обшивке стены. Но отчего мне так стало больно? Ах да, теперь вспоминаю, все вспоминаю... О боже мой, боже, я все вспомнил!

– Вы чем-то подавлены, да? – спросила Мария. – Обопритесь на мою руку, я сильная! Я позову людей, и они вас проведут до дома.

– Благодарствуйте, Ваше Величество, – сказал Габриэль, призвав на помощь все свое мужество. – Я чувствую себя настолько крепким, что смогу один дойти домой. Видите, я шагаю достаточно твердо. Это не умаляет моей признательности, и я до гроба не забуду вашей трогательной доброты. Вы явились мне ангелом-утешителем, когда решалась моя судьба.

– О боже! То, что я сделала, так естественно! Я помогла бы каждому страждущему, как же мне было не помочь вам, преданному другу моего дяди, герцога де Гиза? Не благодарите меня за такую безделицу.

– Эта безделица, Ваше Величество, спасла меня в минуту отчаяния. Вы не позволяете вас благодарить, но я буду помнить это всю жизнь. Прощайте.

– Прощайте, господин д'Эксмес. Полечитесь, постарайтесь утешиться.

Она протянула ему руку, и Габриэль почтительно поцело-

вал ее.

Затем она пошла в одну сторону, он – в другую.

Очутившись за воротами Лувра, он пошел по Гревской площади и через полчаса добрался до улицы Садов святого Павла.

Алоиза в тревоге поджидала его.

– Ну что? – спросила она.

Габриэль преодолел приступ слабости, от которого у него потемнело в глазах, и прохрипел:

– Я ничего не знаю, Алоиза. Все хранят молчание... И женщины эти, и мое сердце... О боже мой! Боже мой!

– Мужайтесь, монсеньор!

– Мужество у меня есть, слава богу. Я умру, – проговорил Габриэль и опять упал навзничь на паркет, потеряв сознание.

XVII. Гороскоп

– Большой выживет, госпожа Алоиза. Опасность была велика, выздоровление будет протекать медленно. Все эти кровопускания ослабили молодого человека, но он выживет, не сомневайтесь в этом...

Врач, говоривший это, был рослый мужчина с выпуклым лбом и глубоко сидящими пронизательными глазами. Люди звали его мэтр Нотрдам. Свои ученые сочинения он подписывал «Нострадамус». На вид ему было лет пятьдесят, не больше.

– О боже! Но поглядите же на него, мессир! – причитала Алоиза. – С вечера седьмого июня он так и лежит, а сегодня у нас второе июля, и за все это время он не произнес ни слова, даже не узнал меня... Он словно мертвец... Возьмешь его за руку, а он и не чувствует...

– Тем лучше, госпожа Алоиза. Пусть он как можно позже вернется к сознанию. Если он сможет пролежать в подобном беспомоществе еще месяц, то будет спасен окончательно.

– Спасен! – повторила Алоиза, подняв к небу глаза, точно благодаря Бога.

– Спасенным можно его считать уже и теперь, только бы не было рецидива. Можете это передать той хорошенькой служанке, что дважды в день приходит справляться о его здоровье. Ведь тут замешана страсть какой-то знатной дамы, так

ведь? И страсть эта бывает просто очаровательна, но бывает и роковой.

– О, в данном случае это нечто роковое, вы совершенно правы, мэтр Нотрдам, – вздохнула Алоиза.

– Дай же бог ему излечиться и от страсти... Впрочем, я ручаюсь только за излечение от болезни.

Нострадамус расправил пальцы вялой, безжизненной руки, которую держал в своей, и задумчиво, внимательно стал разглядывать ее ладонь. Он даже оттянул кожу над указательным и средним пальцами. Казалось, он напрягал память, что-то припоминая.

– Странно, – пробормотал он вполголоса, – вот уж который раз я изучаю эту руку, и всякий раз мне кажется, что когда-то давно мне приходилось ее рассматривать. Но чем же она тогда поразила меня? Мензальная линия благоприятна; средняя сомнительна, но линия жизни превосходна. Впрочем, ничего из ряда вон выходящего! По-видимому, преобладающая черта этого молодого человека – твердая, негибкая воля, неумолимая, как стрела, пущенная уверенной рукой. Но не это меня изумило в свое время. А потом, эти мои воспоминания очень смутны и стары, а хозяину вашему, госпожа Алоиза, не больше двадцати пяти лет, не так ли?

– Ему двадцать четыре, мессир.

– Стало быть, он родился в тысяча пятьсот тридцать третьем году. Его день рождения вам известен?

– Шестое марта.

– Вы случайно не знаете, когда он появился на свет: утром или вечером?

– Как не знать! Ведь это я принимала младенца. Монсеньор Габриэль родился, когда пробило шесть с половиной часов утра.

Нострадамус записал это.

– Я посмотрю, каково было положение светил в этот день и час, – сказал он. – Но будь виконт д’Эксмес на двадцать лет старше, я был бы готов поклясться, что уже держал эту руку в своей. Впрочем, это не важно... Здесь я только врач, а не колдун, как меня величают иногда в народе, и я повторяю, госпожа Алоиза, что врач теперь ручается за жизнь больного.

– Простите, мэтр Нотрдам, – печально сказала Алоиза, – вы говорили, что ручаетесь за его исцеление от болезни, но не от страсти.

– От страсти! Но мне кажется, – и Нострадамус улыбнулся, – что это не столь безнадежная страсть, судя по ежедневным двукратным посещениям молоденькой служанки!

– Наоборот, мэтр, наоборот! – воскликнула в испуге Алоиза.

– Да полно вам, госпожа Алоиза! Кто богат, молод, отважен и хорош собой, как виконт, тому недолго придется страдать от неразделенной любви в такое время, как наше. Дамы любят иной раз помедлить, вот и все.

– Предположите, однако, что дело обстоит не так. Скажите, если при возвращении больного к жизни первой и един-

ственной мыслью, которая блеснет в этом ожившем рассудке, будет: моя любимая безвозвратно потеряна мною, что тогда случится?

– О, будем надеяться, что ваше предположение ложно, госпожа Алоиза. Это было бы ужасно. Насколько можно судить о человеке по чертам лица и выражению глаз, ваш хозяин, Алоиза, человек не легкомысленный. Его сильная и напористая воля в данном случае только увеличила бы опасность. Разбившись о невозможность, она могла бы заодно разбить и самую жизнь.

– Боже! Мой мальчик погибнет! – воскликнула Алоиза.

– Тогда ему грозило бы по меньшей мере повторное воспаление мозга, – продолжал Нострадамус. – Но ведь всегда есть возможность подарить человеку хоть какую-то кроху надежды. Самый отдаленный, самый беглый луч ее был бы уже спасителем для него.

– В таком случае он будет спасен, – мрачно проговорила Алоиза. – Я нарушу клятву, но спасу его. Благодарю вас, мессир Нотрдам.

Миновала неделя, и Габриэль если и не пришел в себя окончательно, то уже был на пути к этому. Его взгляд, еще блуждающий и бессмысленный, различал теперь лица и вещи. Затем больной научился приподыматься без посторонней помощи, принимать микстуры, которые прописывал ему Нострадамус.

Спустя еще одну неделю Габриэль заговорил. Правда,

речь его была бессвязна, но все же понятна и относилась главным образом к событиям его прежней жизни. Поэтому Алоиза вся трепетала, как бы он не выдал свои тайны в присутствии врача.

Ее опасения не были лишены основания, и однажды Габриэль выкрикнул в бреду:

– Они думают, что мое имя виконт д’Эксмес... Нет, нет, берегитесь! Я граф де Монтгомери...

– Граф де Монтгомери? – повторил Нострадамус, пораженный каким-то воспоминанием.

– Тише! – шепнула Алоиза, приложив палец к губам.

Но Габриэль ничего не добавил. Нострадамус ушел, и так как на другой день и в последующие дни он не заговаривал о вырвавшихся у больного словах, то и Алоиза молчала, предпочитая не задерживать внимание врача на этом неожиданном признании.

Между тем Габриэлю становилось все лучше. Он уже узнавал Алоизу и Мартен-Герра; просил то, в чем нуждался; говорил мягким и печальным тоном, позволявшим думать, что рассудок его окончательно прояснился.

Однажды утром, когда он впервые встал с постели, он спросил Алоизу:

– Кормилица, а что война?

– Какая война, монсеньор?

– С Испанией и с Англией.

– Ах, монсеньор, вести о ней приходят печальные. Гово-

рят, испанцы, получив подкрепление от англичан, вторглись в Пикардию. Бои идут по всей границе.

– Тем лучше, – заметил Габриэль.

Алоиза подумала, что он еще бредит. Но на другой день он отчетливо и твердо спросил у нее:

– Я не спросил тебя вчера, вернулся ли из Италии герцог де Гиз?

– Он находится в пути, монсеньор, – ответила, удивившись, Алоиза.

– Хорошо. Какой сегодня день, кормилица?

– Вторник, четвертое августа, монсеньор.

– Седьмого исполнится два месяца, как я лежу на этом одре, – продолжал Габриэль.

– О, значит вы это помните! – встрепенулась Алоиза.

– Да, помню, Алоиза, помню. Но если я ничего не забыл, – грустно заметил он, – то меня, кажется, забыли. Никто не приходил обо мне справляться?

– Что вы, монсеньор! – дрогнувшим голосом ответила Алоиза, с тревогой следя за выражением его лица. – Служанка Жасента дважды в день приходила узнавать, как вы чувствуете себя. Но вот уже две недели – с тех пор, как вы заметно стали поправляться, – она не появлялась.

– Не появлялась!.. И не знаешь почему?

– Знаю. Ее госпожа, как мне сообщила в последний раз Жасента, получила от государя позволение уединиться в монастыре до конца войны.

– Вот как? – произнес Габриэль с мягкой и печальной улыбкой. – Милая Диана!

– О, монсеньор, – воскликнула Алоиза, – вы произнесли это имя! И без содрогания, без обморока. Мэтр Нотрдам ошибся! Вы спасены! Вы будете жить, и мне не понадобится нарушить клятву!

Бедная кормилица обезумела от радости. Но Габриэль, по счастью, не понял ее последних слов. Он только сказал с горькой усмешкой:

– Да, я спасен, и все же, бедная моя Алоиза, жить я не буду.

– Как же так, монсеньор? – вздрогнула Алоиза.

– Тело выдержало удар мужественно, – продолжал Габриэль, – но душа, Алоиза, душа... Ты думаешь, она ранена не смертельно? Я, конечно, оправлюсь от этой долгой болезни... Но на границе, по счастью, идут бои, я – капитан гвардии, и мое место там, где сражаются. Едва я смогу сесть на коня, я поеду туда, где мое место. И в первом же сражении сделаю так, что сражаться мне больше не придется.

– Вы подставите грудь под пули? Господи! Но почему же, монсеньор, почему?

– Почему? Потому что госпожа де Пуатье не сказала мне ничего, Алоиза; потому что Диана, быть может, моя сестра, и я люблю Диану! И еще потому, что король, быть может, повелел убить моего отца, а покарать короля, не имея улики, я не могу. И если я не могу ни отомстить за отца, ни жениться

на своей сестре, тогда что же делать мне на этом свете? Вот почему я хочу покинуть этот мир!

– Нет, вы его не покинете, монсеньор, – глухо отозвалась Алоиза, скорбная и мрачная. – Вы его не покинете как раз потому, что вам еще предстоит много дел, и дел страшных, ручаюсь вам... Но говорить об этом с вами я буду только тогда, когда вы совершенно выздоровеете и мэтр Нострадамус подтвердит мне, что вы сможете выслушать меня.

Этот момент наступил во вторник на следующей неделе. Габриэль уже выходил из дому, готовясь к отъезду, и Нострадамус в этот день обещал навестить своего пациента в последний раз.

Когда в комнате никого не было, Алоиза спросила Габриэля:

– Монсеньор, вы еще не отказались от своего отчаянного решения, которое приняли? Оно все еще остается в силе?

– Остается, – кивнул Габриэль.

– Итак, вы ищете смерти?

– Ищу.

– Вы собираетесь умереть потому, что лишены всякой возможности узнать, сестра ли вам госпожа де Кастро?

– Да.

– Вы не забыли, что говорила я вам о том пути, который может привести к разгадке этой страшной тайны?

– Конечно нет. Ты говорила, что в эту тайну посвящены только двое – Диана де Пуатье и мой отец, граф Монтгомери.

Я просил, заклинал госпожу де Валантинуа, я ей угрожал, но ушел от нее в еще большем смятении и отчаянии, чем пришел...

– Но вы говорили, монсеньор, что, если бы вам понадобилось спуститься в могилу к отцу для разгадки этой тайны, вы бы и туда сошли без страха...

– Но ведь я даже не знаю, где его могила!

– И я не знаю, но надо ее искать.

– А если я и найду ее? – воскликнул Габриэль. – Разве Бог сотворит для меня чудо? Мертвые молчат, Алоиза.

– Мертвые, но не живые.

– О боже, как тебя понять? – побледнел Габриэль.

– Понять так, что вы не граф Монтгомери, как вы себя не раз называли в бреду, а только виконт Монтгомери, ибо ваш отец, граф Монтгомери, возможно, еще жив.

– Земля и небо! Ты знаешь, что он жив?

– Этого я не знаю, но так предполагаю и на это надеюсь, монсеньор... Ведь он был сильный, мужественный человек и, так же как и вы, достойно боролся с несчастьем и страданиями. А если он жив, то не откажется, как отказалась герцогиня Валантинуа, открыть вам тайну, от которой зависит ваше счастье.

– Но где найти его? Кого спросить об этом? Алоиза, ради создателя, говори!

– Это страшная история, монсеньор... И по приказу вашего отца я поклялась своему мужу никогда вас не посвя-

щать в нее, потому что, едва лишь она станет известна вам, вы очертя голову подвергнете себя чудовищным опасностям! Вы объявите войну врагам, которые во сто крат сильнее вас. Но и самая отчаянная опасность лучше верной смерти. Вы приняли решение умереть, и я знаю, что вы не отступитесь перед этим. И я рассудила, что лучше уж подтолкнуть вас на эту невероятно трудную борьбу... Тогда, по крайней мере, вы, может, и уцелеете... Итак, я вам все расскажу, монсеньор, а Господь Бог, быть может, простит меня за клятвопреступление.

– Да, несомненно простит, моя добрая Алоиза... Отец! Мой отец жив!.. Говори же скорее!

Но в это время послышался осторожный стук в дверь, и вошел Нострадамус.

– О, господин д'Эксмес, каким бодрым и оживленным я вас застаю! – обратился он к Габриэлю. – В добрый час! Не таким вы были месяц назад. Вы, кажется, совсем готовы выступить в поход?

– Выступить в поход? Вы правы, – ответил Габриэль, устремив горящий взгляд на Алоизу.

– Тогда врачу здесь больше нечего делать, как я вижу, – улыбнулся Нострадамус.

– Только принять мою признательность, мэтр, и... я не смею это назвать оплатою ваших услуг, ибо в известных случаях за жизнь не платят...

И Габриэль, пожав руки врачу, вложил в них столбик зо-

ЛОТЫХ МОНЕТ.

– Благодарствуйте, виконт, – сказал Нострадамус, – но позвольте и мне сделать вам подарок, не лишенный, по-моему, ценности.

– Что за подарок, мэтр?

– Вы знаете, монсеньор, что я изучал не только болезни людей; мне хотелось видеть дальше и глубже, хотелось проникнуть в их судьбы. Задача, исполненная сомнений и неясностей! Я не внес в нее света, но иной раз, думается мне, замечал в ней некоторые проблески. Согласно моему убеждению, Бог дважды предначертывает всеобъемлющий план каждой человеческой судьбы: в светилах неба – родины человека и в линиях его руки – путаной, зашифрованной книги, которую человек всегда носит с собою, но не умеет читать ее даже по складам, если не проделал предварительно бесчисленных исследований. Много дней и много ночей посвятил я, монсеньор, изучению этих двух наук – хиромантии и астрологии. Я прозревал грядущее, и, быть может, некоторые мои пророчества удивят людей, которые будут жить через тысячу лет. Однако я знаю, что истина проскальзывает в них только мельком... Тем не менее я уверен, что у меня бывают минуты ясновидения, виконт. В одну из этих слишком редких минут, двадцать пять лет назад, я узрел судьбу одного из придворных короля Франциска, ясно начертанную в аспекте светил и в сложных линиях его руки. Эта странная, причудливая, грозная судьба поразила меня. Представьте се-

бе мое изумление, когда на вашей ладони и в аспекте ваших планет я различил гороскоп, сходный с тем, что меня так поразило когда-то. Но прошедшие двадцать пять лет затуманили его в моей памяти. Наконец, с месяц назад, господин виконт, вы в бреду произнесли одно имя. Я расслышал только имя, но оно ошеломило меня: имя графа де Монтгомери.

– Графа де Монтгомери? – повторил в испуге Габриэль.

– Я повторяю, монсеньор: я расслышал только это имя, а до остального мне не было дела. Ибо так звали человека, чей жребий когда-то предстал предо мной в полном свете. Я поспешил домой, перерыл свои старые бумаги и нашел гороскоп графа де Монтгомери. Но странная вещь, монсеньор, еще не встречавшаяся мне за тридцать лет моих исследований: по-видимому, существуют какие-то таинственные связи, загадочное сродство душ между графом де Монтгомери и вами; и Бог, никогда не наделяющий двух людей совершенно одинаковой судьбою, предназначал для вас обоих, несомненно, одну и ту же участь. Ибо я не ошибся: линии руки и небесные светила для вас тождественны. Я не хочу сказать, что в подробностях нет никакого различия между его и вашей жизнью, но основное событие, их определяющее, одинаково. Когда-то я потерял из виду графа де Монтгомери, однако мне стало известно, что одно из моих предсказаний исполнилось: он ранил в голову короля Франциска тлеющей головешкой. Исполнилась ли его судьба и в остальном, этого я не знаю. Могу только утверждать, что несчастье и смерть,

грозившие ему, грозят и вам.

– Неужели? – воскликнул Габриэль.

Нострадамус подал виконту д'Эксмесу пергаментный свиток:

– Вот гороскоп, составленный мною когда-то для графа де Монтгомери. Я не иначе составил бы его и для вас.

– Дайте, мэтр, дайте! – рванулся к нему Габриэль. – Это и вправду бесценный подарок, и вы не можете себе представить, как он дорог мне.

– Еще одно слово, господин д'Эксмес, – продолжал Нострадамус, – последнее слово предостережения: из гороскопа Генриха Второго видно, что он умрет в поединке или на турнире.

– Но какое отношение это имеет ко мне? – спросил Габриэль.

– Прочитав пергамент, вы меня поймете, монсеньор. Теперь мне остается только откланяться и пожелать вам, чтобы предначертанная вам катастрофа произошла, по крайней мере, независимо от вашей воли.

И, простившись с Габриэлем, который еще раз пожал ему руку и проводил его до порога, Нострадамус вышел.

Вернувшись к Алоизе, Габриэль тут же развернул пергамент и, уверившись, что никто не может помешать или подслушать его, прочитал Алоизе:

Всерьез иль в игре он коснется копьем

чела короля,
И алая кровь заструится ручьем
с чела короля!
Ему Провидение право дает
карать короля —
Полюбит его и его же убьет
любовь короля!

– Отлично! – просияв, восторженно воскликнул Габриэль. – Теперь, дорогая моя Алоиза, ты можешь мне рассказать, как король Генрих Второй заживо похоронил моего отца, графа де Монтгомери.

– Король Генрих Второй? – поразилась Алоиза. – С чего вы взяли, монсеньор?..

– Догадываюсь. Ты можешь, не таясь, поведать мне о преступлении... Бог возвестил мне уже, что оно будет отомщено!

XVIII. Выбор кокетки

Если с помощью мемуаров и хроник того времени восполнить рассказ Алоизы, которую Перро Давриньи, ее муж, конюший и друг графа де Монтгомери, когда-то посвящал во все обстоятельства жизни графа, то мрачная биография графа Жака, отца Габриэля, предстанет перед нами в нижеследующем виде. Сыну она известна была только в общих чертах, трагического же конца ее он так же не знал, как и все.

Жак де Монтгомери, сеньор де Лорж, был, как и все его предки, мужественным и смелым человеком. При воинственном Франциске I графа всегда видели в первых рядах сражающихся. Он рано дослужился до чина полковника французской пехоты.

Однако среди сотни громких его дел было одно весьма неприятное происшествие, о котором вскользь упомянул Нострадамус.

Случилось это в 1521 году. Графу де Монтгомери только что исполнилось двадцать лет, и был он тогда еще капитаном. Зима выдалась суровая, и молодые люди во главе с молодым королем Франциском I играли однажды в снежки. Игра была эта небезопасная, хотя и довольно в ту пору распространенная. Игроки делились на две партии: одна защищала дом, другая штурмовала его снежками. Граф д'Ангинен, сеньор де Серизоль, был как-то убит в такой игре. А на

этот раз граф Жак чуть было не убил короля. После игры решили согреться. Огонь в камине погас, и все молодые эти сорванцы, толкаясь и крича, хотели сами его разжечь. Жак первый подскочил к камину с горячей головешкой в руках и, столкнувшись с замешкавшимся Франциском, нечаянно сильно ударил его раскаленной головешкой по лицу. Король отделался, по счастью, только раной, впрочем довольно тяжелой, и некрасивый рубец, оставшийся от нее, послужил основанием для новой моды, введенной тогда Франциском I: длинных бород и коротких волос.

Так как граф де Монтгомери искупил затем свою злополучную неловкость целым рядом блестящих подвигов, то король на него не гневался и дал ему возможность подняться до высших ступеней в придворной и военной иерархии. В 1530 году граф Жак женился на Клодине де Лабуасьер. Это был чисто светский брак, в основе которого не было взаимного влечения. Однако муж долго оплакивал жену, когда она умерла в 1533 году, родив Габриэля. Впрочем, в основе его характера лежала грусть, присущая людям, которых коснулся злой рок. Сделавшись одиноким вдовцом, он увлекался только военным делом, бросаясь в пекло огня. Но в 1538 году, после перемирия, заключенного в Ницце, когда этот деятельный, боевой офицер вынужден был превратиться в придворного и прогуливаться по галереям Турнелля и Лувра с парадной шпагой на боку, он чуть было не умер от тоски.

Его спасла и погубила новая страсть.

Этого старого ребенка, крепкого и простодушного, очаровала царственная Цирцея: он влюбился в Диану де Пуатье.

Три месяца он вертелся около нее, хмурый и мрачный, не произнося ни слова, но глядя на нее глазами, которые говорили все. Этого ей было вполне достаточно, чтобы понять полную победу над ним, и она записала ее, как бы на всякий случай, в уголке своей памяти.

И случай представился. Франциск I стал небрежно обращаться со своей прекрасной фавориткой, предпочитая ей госпожу д'Этамп.

Когда признаки охлаждения сделались явными, Диана впервые в жизни заговорила с Жаком де Монтгомери.

Произошло это в Турнелле, на празднике, который устроил король в честь новой фаворитки.

– Господин де Монтгомери! – подозвала Диана графа.

Взволнованный и растерянный, он подошел к ней и неловко поклонился.

– Как вы грустны! – сказала она.

– Смертельно грустен, сударыня.

– О господи, отчего же?

– Оттого, что хотел бы пойти на смерть.

– Ради кого-нибудь, надо думать?

– Ради кого-нибудь – это было бы очень приятно, но и просто так, ни ради чего, было бы тоже не худо.

– Что за страшная меланхолия! Откуда она взялась у вас?

– Откуда мне это знать, сударыня?

– А я знаю это, сударь! Вы любите меня.

Жак побледнел. Затем, набравшись мужества, которого здесь понадобилось больше, чем ринуться одному на целый неприятельский батальон, он ответил хриплым и дрожащим голосом:

– Да, сударыня, я люблю вас. Тем хуже!

– Тем лучше, – засмеялась Диана.

– Как вас понять? – воскликнул ошеломленный Монтгомери. – Ах, осторожнее, герцогиня! Это не игра. Это любовь, пусть даже безнадежная, но искренняя и глубокая...

– Почему же безнадежная? – спросила Диана.

– Герцогиня, простите за откровенность, но не в моих правилах приукрашивать вещи словами. Разве вас не любит король?

– Это верно, – вздохнула Диана, – он любит меня.

– Стало быть, вы видите, что мне нельзя – если даже я смею вас любить, – нельзя говорить вам об этой неподобающей любви.

– Неподобающей вам, вы правы.

– О нет, не мне! – воскликнул граф. – И если бы когда-нибудь оказалось возможным...

Но Диана остановила его, сказав с величавой грустью и с хорошо разыгранным достоинством:

– Довольно, господин де Монтгомери. Прошу вас, прекратим этот разговор.

Холодно ему поклонившись, она удалилась, предоставив

бедному графу колебаться между самыми противоречивыми чувствами: ревностью, любовью, ненавистью, страданием и радостью. Итак, Диана знает, что он ее боготворит! Но он ее, может, оскорбил! Он мог показаться ей несправедливым, неблагодарным, жестоким!

На другой день Диана де Пуатье сказала королю Франциску:

– Знаете, государь, господин де Монтгомери влюблен в меня.

– Вот как? – засмеялся король. – Ну что же, Монтгомери старинный род, и знатны они почти так же, как я. А сверх того они почти так же храбры и, как я вижу, почти так же любят женщин.

– И это все, что вы можете мне сказать? – спросила Диана.

– А что ж мне, по-вашему, сказать вам, дорогая? – прищурился король. – Неужели же я должен сердиться на графа Монтгомери только за то, что у него, как и у меня, хороший вкус?

– Если бы вопрос касался госпожи д'Этамп, вы бы этого не сказали, – пробормотала оскорбленная Диана.

Больше она не возвращалась к этому разговору, но решила продолжить испытание. Снова встретившись через несколько дней с графом Жаком, она опять окликнула его:

– Господин де Монтгомери! Вы стали еще печальнее?

– Это естественно, герцогиня! – смиренно ответил граф. – Ведь я трепещу при мысли, что, быть может, обидел вас.

– Не обидели, сударь, а только огорчили, – вздохнула герцогиня.

– О, сударыня, как же я мог причинить вам хоть малейшую боль, если за одну вашу слезинку готов пролить всю свою кровь!

– Но ведь вы дали мне понять, что фаворитка короля не вправе мечтать о любви дворянина.

– Ах, я хотел сказать, герцогиня, лишь то, что вы не можете меня любить, потому что вас любит король и вы любите его.

– Король меня не любит, и я не люблю его, – ответила Диана.

– Отец небесный! Но, значит, вы могли бы полюбить меня? – воскликнул Монтгомери.

– Любить вас я могу, – ответила спокойно Диана, – но никогда не могла бы вам в этом признаться.

– Отчего же?

– Для спасения жизни моего отца я могла еще стать фавориткой короля, но для поддержания своей чести я не стану возлюбленной графа де Монтгомери.

Свой отказ она сопроводила таким страстным и томным взглядом, что граф не выдержал.

– О, герцогиня, – сказал он кокетке герцогине, – если бы вы любили, как я...

– Что тогда?

– Тогда – какое мне дело до всех этих светских предрас-

судков, до чести? Для меня вся Вселенная – это вы. Я люблю вас всем пылом первой любви. И если ваша любовь равна моей, станьте графиней Монтгомери, станьте моей женой!

– Благодарствуйте, граф, – ответила, торжествуя, Диана. – Я не забуду этих благородных и великолепных слов. А пока знайте, что мои цвета – зеленый и белый!

Жак пылко поцеловал белую руку Дианы, испытывая такое счастье, будто стяжал корону мира.

И когда на другой день Франциск I, беседуя с Дианой, заметил, что ее новый поклонник стал носить ее цвета, она ответила, зорко наблюдая за реакцией короля:

– Он имеет право на эти цвета, Ваше Величество. Как же мне не позволить ему носить их, если он предлагает мне носить его имя?

– Неужели? – удивился король.

– Я не шучу, государь, – уверенно заявила герцогиня.

На миг ей показалось, будто ее затея удалась и от ревности в душе неверного проснется любовь.

Но король, помолчав, встал и, чтобы положить конец этой беседе, весело сказал:

– Если это так, то пост великого сенешаля, вакантный со времени смерти господина де Брезе, вашего первого мужа, будет нашим свадебным подарком господину де Монтгомери.

– И господин де Монтгомери сможет его принять, – выпрямилась Диана.

Король с улыбкой поклонился и, не ответив, отошел от нее.

Сомнений не было: госпожа д'Этамп одержала верх. Раздосадованная честолюбивая Диана сказала в тот же день ликующему Жаку:

– Мой доблестный граф, мой благородный Монтгомери, я люблю тебя.

XIX. Как Генрих II еще при жизни отца начал принимать его наследство

Свадьба Дианы и графа де Монтгомери должна была состояться через три месяца. Однако прошло три месяца, граф Монтгомери сгорал от любви, а Диана со дня на день откладывала исполнение своего обещания. Объяснялось это тем, что вскоре после помолвки она заметила, как на нее стал заглядываться молодой дофин Генрих. Новая честолюбивая мечта зародилась тогда в сердце властной Дианы. Титулом графини де Монтгомери можно было только прикрыть свое поражение, титул же дамы сердца дофина был бы почти триумфом! Ибо Генриху предстояло рано или поздно стать королем, а неувыдаемо прекрасной Диане – снова стать королевой. Это была бы и вправду настоящая победа. И, судя по характеру Генриха, она казалась совсем близка. Ему исполнилось всего лишь девятнадцать лет, но он уже проделал не одну кампанию. Четыре года был он уже мужем Екатерины Медичи, однако оставался по-прежнему ребенком, диким и застенчивым. Насколько в верховой езде, стрельбе, состязаниях, требовавших гибкости и ловкости, он обнаруживал стойкость и смелость, настолько же был неуклюж и робок в женском обществе. Неповоротливый тугодум, он легко поддавал под любое влияние. Анн де Монморанси, будучи в весьма натянутых отношениях с королем, уцепился за дофина и

стал без труда внушать юноше свои взгляды и вкусы, как человек уже зрелый. Он вертел им как хотел и в конце концов так утвердил свою несокрушимую власть над этой робкой и слабой душой, так подчинил себе Генриха, что только женские чары могли бы ослабить его влияние.

И вскоре, к ужасу своему, он заметил, что его ученик действительно влюбился. Генрих начал пренебрегать друзьями, которыми Монморанси благоразумно его окружил. Из пугливого ребенка Генрих превратился чуть ли не в печального мечтателя. Приглядевшись попристальнее, Монморанси заметил, что предмет этих мечтаний – Диана де Пуатье. «Лучше уж Диана, чем какая-нибудь другая», – решил этот грубый солдафон. В соответствии со своими циничными представлениями о жизни он, опираясь на низменные инстинкты Дианы, составил особый план и предоставил дофину втайне томиться по вдове великого сенешаля.

И в самом деле: именно такая красота – лукавая, вызывающая, живая – должна была разбудить спящее сердце Генриха. Ему казалось, что эта женщина должна ему открыть какую-то неведомую науку новой жизни. Для него, любопытного и наивного дикаря, сирена эта была привлекательна и опасна, как тайна, как бездна.

Диана это чувствовала. Однако она еще колебалась, не отваживалась отдаться этому грядущему из страха перед Франциском и перед Монтгомери.

Но однажды король, всегда галантный и любезный с жен-

щинами, беседовал с Дианой де Пуатье и заметил, что дофин искоса и ревниво следит за их беседой.

Франциск подозвал Генриха:

– Вы что там делаете, сын мой? Подойдите сюда.

Застыдившийся Генрих сильно побледнел и с минуту колебался между чувством долга и страхом, а затем, вместо того чтобы подойти к отцу, сделал вид, будто ничего не слышал, и тут же убежал.

– Что за дикий и неловкий малый! – покачал головой король. – Откуда у него эта дурацкая робость, Диана? Вы, богиня лесов, встречали когда-нибудь более пугливого оленя? Ах, как это несносно!

– Не угодно ли Вашему Величеству, чтобы я излечила господина дофина от этого порока? – спросила, улыбаясь, Диана.

– О, на всем свете не сыскать столь очаровательного учителя, как вы! – ответил король.

– Так будьте уверены: дофин исправится, – сказала Диана, – я ручаюсь за успех.

И в самом деле, она живо разыскала беглеца.

Графа де Монтгомери в этот день не было в Лувре, он отправлял свои служебные обязанности.

– Неужели я вам внушаю такой страх, монсеньор?

Этими словами начала Диана беседу с дофином. Как Диана закончила ее, как не замечала она промахов принца и восхищалась всем, что он говорил, как он ушел от нее в пол-

ной уверенности, что был умен и очарователен, как, наконец, сделалась она его повелительницей, – этого никто не знает. Недаром все это – вечная и не передаваемая словами комедия, которая будет разыгрываться всегда, но никогда не будет написана.

А Монтгомери? О, этот слепец слишком любил Диану, чтобы раскусить ее. Все при дворе уже толковали о новой любви госпожи де Пуатье, а благородный граф был все еще во власти своих иллюзий, а Диана умело и осторожно поддерживала их. Здание, ею воздвигнутое, было еще настолько шатко, что она трепетала от каждого его сотрясения, от малейшего шума. Таким образом, за дофина она держалась ради честолюбия, а за графа – ради осторожности.

XX. О пользе дружбы

Предоставим теперь Алоизе продолжить и закончить рассказ, к которому предыдущие две главы послужили только вступлением.

– До моего мужа Перро доходили слухи о госпоже Диане и насмешки над господином де Монтгомери... – продолжала Алоиза. – Но он, видя, что его господин счастлив, не знал, открыть ли ему глаза или, наоборот, скрыть от него гнусную интригу, в которую его вовлекла эта честолюбивая женщина. Муж делился со мною своими сомнениями, понимая, что плохого я ему не посоветую. Но тут и я растерялась, не зная, на что решиться.

Однажды вечером мы – Перро и я – находились у графа в этой самой комнате. Нужно сказать, что граф смотрел на нас не как на слуг, а как на своих друзей и хотел даже в Париже сохранить стародавний обычай зимних нормандских посиделок, когда хозяева и работники вместе греются у очага после дневных трудов. Итак, граф, задумавшись и подперев рукой голову, сидел перед камином. Вечера он обычно проводил с госпожой де Пуатье, но с некоторых пор она часто предупреждала, что нездорова и не может его принять. Об этом-то, вероятно, он и размышлял. Перро чинил ремни на какой-то кирасе, я вязала. Было это седьмого января тысяча пятьсот тридцать девятого года, в холодный и дождливый

вечер, на другой день после крещения Господня. Запомните эту роковую для нас дату, монсеньор.

Габриэль молча кивнул, и Алоиза продолжала:

– Тут доложили о приходе господ де Ланже, де Бутьера и графа де Сансэра. Эти молодые придворные дружили с монсеньором, а еще больше с госпожой д’Этамп. Все трое закутаны были в широкие темные плащи, и, хотя весело смеялись, мне показалось, что они принесли с собою несчастье. Чутье, увы, не обмануло меня.

Граф де Монтгомери встал и с любезным видом поспешил навстречу гостям.

– Добро пожаловать, друзья, – сказал он, пожимая им руки.

По его знаку я помогла им снять плащи, и все трое уселись у камина.

– Какой счастливый случай привел вас ко мне? – продолжал граф.

– Тройное пари, – ответил господин де Бутьер, – и я выиграл свой заклад, дорогой граф, раз мы вас застали дома.

– Ну а я выиграл пари еще раньше, – сказал господин де Ланже.

– Я же выиграю его сейчас, вот увидите, – бросил граф де Сансэр.

– О чем же вы спорили, господа? – спросил граф Монтгомери.

– Ланже утверждал в споре с Ангиеном, – ответил госпо-

дин де Бутьер, – что дофина сегодня вечером в Лувре не будет. Мы пошли туда и точно установили, что Ангиен проиграл пари.

– Что до Бутьера, – сообщил граф де Сансэр, – то он утверждал в споре с господином Монжаном, что вы, милый граф, будете сегодня дома, и вы видите – он выиграл пари.

– А ты тоже выиграл, Сансэр, я ручаюсь, – объявил, в свою очередь, господин де Ланже, – потому что, в сущности, все три пари сводятся к одному, и мы бы проиграли или выиграли их вместе. Сансэр выиграл сто пистолей у д’Оссэна, – объяснил он графу Монтомери, – так как утверждал, что госпожа де Пуатье будет сегодня вечером нездорова.

Отец ваш страшно побледнел, Габриэль.

– Вы действительно выиграли, господин де Сансэр, – взволнованно проговорил он. – Вдова великого сенешаля только что дала мне знать, что сегодня никого не принимает из-за внезапного недомогания.

– Ну вот! – воскликнул граф де Сансэр. – Говорил же я вам! Господа, вы подтвердите д’Оссэну, что он мне должен сто пистолей.

И все они расхохотались как полоумные. Но граф Монтомери остался хмур.

– А теперь, добрые мои друзья, – горестно усмехнулся он, – не согласитесь ли вы объяснить мне эту загадку?

– С превеликим удовольствием, – ответил господин де Бутьер, – но удалите этих слуг.

Мы, Перро и я, были уже у двери, когда монсеньор сделал нам знак остаться.

– Это преданные друзья, – сказал он молодым господам, – и мне нечего стыдиться и нечего скрывать от них.

– Пусть будет так, – согласился господин де Ланже. – Это несколько отдает провинцией, но дело, граф, касается в большей мере вас, чем нас. Ибо я уверен, что им уже известен этот секрет – ведь в городе только о нем и толкуют, – а вы, как водится, узнаете о нем последний.

– Да говорите же! – крикнул господин де Монтгомери.

– Мой милый граф, – продолжал господин де Ланже, – мы все расскажем вам, ибо больно видеть вас обманутым. Но расскажем мы при условии, что вы примете весть по-философски, то есть весело. Ведь все это не стоит вашего гнева, уверяю вас, тем более что гнев этот в данном случае совершенно бессилён.

– Посмотрим, говорите, – ответил сухо монсеньор.

– Дорогой граф, – сказал тогда господин де Бутьер, самый молодой и самый безрассудный из трех, – вы знаете мифологию. Вам известна, конечно, история Эндимиона. Но сколько лет, по-вашему, было Эндимиону ко времени его романа с Дианой Фебеей? Если вы полагаете, что ему было около сорока, то вы ошибаетесь: ему не было и двадцати, борода у него еще только пробивалась. Вот почему сегодня вечером Эндимиона нет в Лувре, богиня Луны закатилась и стала незримой, вероятно из-за дождя, а вы находитесь дома,

монсеньор де Монтгомери, из чего следует, что мы выиграли все три пари. Да здравствует веселье!

– Доказательства? – холодно спросил граф.

– Доказательства? – повторил господин де Ланже. – Но вы можете пойти за ними сами. Ведь вы живете в двух шагах от богини Луны.

– Это верно. Спасибо, – сказал граф и встал.

Троим гостям пришлось тоже встать. Строгий и мрачный вид господина Монтгомери напугал их.

– Вот что, граф, – сказал господин де Сансэр. – Не вздумайте делать глупости, не будьте опрометчивы и помните, что связываться со львенком так же опасно, как и со львом.

– Будьте спокойны, – ответил граф.

– Но вы ничего не замышляете?

– Будет видно.

И с этими словами он проводил их до двери, или, вернее, выпроводил за дверь. Вернувшись, он приказал Перро:

– Плащ и шпагу!

Тот подал их ему.

– Вы действительно знали об этом? – спросил граф, пристегивая шпагу.

– Да, монсеньор, – потупился Перро.

– Отчего же вы молчали?

– Монсеньор... – пролепетал Перро.

– Понимаю. Вы не друзья, вы только хорошие слуги, – дружески похлопал по плечу Перро граф.

Был он очень бледен, но говорил с каким-то торжественным спокойствием. Он еще спросил Перро:

– Давно ли ходят эти слухи?

– Монсеньор, – ответил Перро, – вы обручились с госпожой Дианой де Пуатье пять месяцев назад, свадьба была назначена на ноябрь. И вот говорят, будто господин дофин полюбил госпожу Диану через месяц после того, как она приняла ваше предложение. Однако слухи об этом ходят не дольше двух последних месяцев, а до меня дошли только две недели назад. Вчера я избил одного из слуг господина Делагарда, посмевшегося в моем присутствии шутить на этот счет, и барон Делагард не осмелился меня отчитать!

– Шутки прекратятся!

Граф произнес это так, что я невольно вздрогнула. Он провел рукой по лбу и сказал мне:

– Алоиза, пойди за Габриэлем, я хочу его обнять.

Вы спали, монсеньор, крепким детским сном и, когда я разбудила вас, заплакали. Я завернула вас в одеяло и понесла к отцу. Он взял вас на руки, долго смотрел на вас, затем поцеловал ваши полусонные глазки. И в это время его слеза покатилась по румяному вашему личику, первая слеза, которую пролил в моем присутствии этот сильный и мужественный человек. Передав мне вас, он сказал:

– Я вверяю тебе мое дитя, Алоиза.

Это были его последние слова, обращенные ко мне. Перро сказал ему:

– Я провожу вас, монсеньор.

– Нет, Перро, – ответил господин де Монтгомери, – я должен быть один. Остайся.

– Но, монсеньор, позвольте...

– Я так хочу.

Противоречить ему было невозможно, и Перро умолк. Граф пожал нам руки:

– Прощайте, мои дорогие друзья... Нет, не прощайте, а до свидания.

И он ушел спокойным, твердым шагом, точно собирался вернуться через четверть часа.

Перро не сказал ничего, но, едва граф вышел, он взял свою шпагу и плащ. Мы не обмолвились ни единым словом, и я не пыталась его удержать: он исполнял свой долг. Он раскрыл мне объятия. Я, рыдая, бросилась к нему. Нежно поцеловав меня, он выбежал вслед за графом. Все это длилось не больше минуты.

Оставшись одна, я без сил повалилась на стул и принялась неистово молиться. За окнами шумел дождь, ревел ветер. Но вы, монсеньор Габриэль, снова безмятежно погрузились в прерванный сон. И никто не знал, что проснетесь вы уже сиротой.

XXI. Как ревность иной раз уравнивала сословия еще до французской революции

Особняк де Брезе, где жила в ту пору госпожа Диана, находился действительно в двух шагах от нашего дома.

Перро, следуя поодаль от своего господина, видел, как он остановился перед дверьми госпожи Дианы, постучал, затем вошел. Тогда и Перро приблизился к этим дверям. Господин де Монтгомери надменно и властно говорил со слугами, пытавшимися преградить ему дорогу. Они уверяли, что госпожа лежит в спальне больная. Но граф отстранил слуг и прошел дальше, а Перро, воспользовавшись их замешательством, проскользнул через незапертую дверь и в темноте беспрепятственно поднялся по лестнице следом за господином де Монтгомери.

На верхней площадке лестницы графа уже ждали две взволнованные и заплаканные служанки герцогини; они спросили, что ему угодно в столь поздний час. И точно, на башенных часах пробило в этот момент десять. Господин де Монтгомери заявил им, что желает видеть госпожу Диану, что должен ей безотлагательно сообщить важные новости и, если она не может его принять тотчас же, он подождет.

Говорил он так громко, что в спальне герцогини, распо-

ложенной неподалеку, все было, конечно, слышно. Одна из служанок побежала в спальню и вскоре вернулась с ответом, что госпожа де Пуатье готовится ко сну, но тем не менее выйдет к графу, пусть он ждет ее в молельне.

Итак, либо дофина не было в спальне, либо он вел себя слишком малодушно для наследника французского престола. Господин де Монтгомери, не возражая, прошел в молельню вместе с обеими служанками.

Тогда Перро, притаившийся в сумраке лестничного пролета, пробрался на площадку и спрятался за одним из настенных ковров в широком коридоре, отделявшем спальню госпожи Дианы от молельни. В глубине коридора виднелись две заделанные двери: одна когда-то вела в спальню, другая – в молельню. Перро тут же понял, что услышит почти все, что будет происходить в обеих комнатах. О, не простое любопытство руководило моим добрым мужем, монсеньор! Прощальные слова графа и какой-то тайный голос шептали ему о грозящей опасности, наталкивали на мысль, что графу готовится западня. Перро хотел быть рядом, чтобы в случае надобности помочь своему господину. К несчастью, монсеньор, ни одно из слов, донесшихся до его слуха, не может пролить ни малейшего света на темный и роковой вопрос, терзающий вас теперь.

Господин де Монтгомери не прождал и двух минут, как госпожа де Пуатье стремительно вошла в молельню.

– Что это значит, граф? – накинулась она на него. – Что

это за ночное вторжение после моей просьбы не приходите сегодня?

– Я вам отвечу откровенно в двух словах, герцогиня, но сперва отпустите своих девушек. Теперь слушайте, я буду краток. Мне только что сказали, что у меня есть по вашей милости соперник, что соперник этот дофин и что сегодня вечером он у вас.

– И вы поверили? Если вы сюда примчались для проверки... – высокомерно сказала Диана.

– Я страдал, Диана, и прибежал к вам, чтоб вы исцелили меня от страданий.

– Ну что ж, вы меня увидели, вы убедились, что вам солгали, дайте же мне покой. Бога ради, Жак, уходите!

– Нет, Диана, – заявил граф, очевидно встревоженный тем, что она слишком торопилась от него избавиться. – Если утверждение, будто дофин находится у вас, оказалось ложным, то это вовсе не значит, что он не может прийти к вам сегодня вечером... а мне бы так хотелось изобличить во лжи клеветников!..

– Итак, вы здесь останетесь, сударь?

– Останусь, сударыня. Идите спать, если вам нездоровится, Диана. Я же, с вашего позволения, буду охранять ваш сон.

– Но, собственно говоря, по какому праву, сударь, вы поступаете так? – воскликнула Диана. – В качестве кого? Разве я еще не вольна в своих поступках?

– Нет, сударыня, – твердо ответил граф. – Вы не вольны

превращать в посмешище всего двора честного дворянина, чье предложение вы приняли.

– Предложения меня охранять я, во всяком случае, не приму, – отчеканила Диана. – У вас нет никакого права оставаться здесь. Вы мне не муж. И я не ношу вашего имени, насколько мне известно.

– Сударыня! – в отчаянии воскликнул тогда граф. – Что мне до насмешек? О боже мой! Вы ведь знаете, Диана, что не об этом речь. Честь! Достоинство! Имя! Дело не в них, совсем не в них, а в том, что я люблю вас, что я с ума схожу, что я ревную и убью всякого, кто посмеет коснуться моей любви, будь то дофин, будь то сам государь! Мне безразлично имя того, кому я отомщу, смею вас уверить!

– А за что именно, разрешите узнать? И почему? – раздался властный голос за его спиной.

Перро вздрогнул, ибо узнал только что пришедшего по полутемному коридору дофина, ныне – нашего короля. Позади него вырисовывалось глумливое и жестокое лицо господина де Монморанси.

– Ах! – вскричала госпожа Диана и, заломив руки, упала в кресло. – Вот чего я боялась!

– А! – вырвалось у графа.

Но через мгновение Перро услышал его почти спокойный голос:

– Монсеньор дофин, одно только слово... бога ради! Скажите мне, что вы сюда явились не потому, что любите гос-

пожу Диану де Пуатье и что она любит вас?

– Господин де Монтгомери, – ответил дофин, еще не остывший от гнева, – одно только слово... порядка ради: скажите мне, что вы здесь находитесь не по той же причине.

Ясно было, что здесь уже противостояли друг другу не наследник престола и простой дворянин, а двое мужчин, два раздраженных и ревнивых соперника, два страдающих сердца.

– Госпожа Диана отдала мне руку и сердце! Это всем известно, и вам в том числе! – заявил граф, нарочито опуская титул.

– Обещания – это ветер! Их можно забыть! – воскликнул дофин. – У моей любви права не столь стары, как у вашей, но не менее основательны. Я намерен отстаивать их.

– Безрассудный! Он говорит о правах! – закричал граф, ослепленный ревностью и яростью. – Так вы осмеливаетесь утверждать, что эта женщина ваша?

– Я утверждаю, что она, во всяком случае, не ваша! – возразил Генрих. – Я утверждаю, что нахожусь в этом доме с разрешения хозяйки дома, чего, кажется, вы не можете сказать о себе, а потому и жду, когда вы уйдете, сударь.

– Если вам так не терпится, что ж, выйдем вместе...

– Вызов? – крикнул тогда, став между ними, Монморанси. – Вы осмелились, сударь, бросить вызов дофину Франции?

– Здесь нет дофина Франции, – отчеканил граф. – Здесь

есть человек, притязающий на любовь женщины, которую я люблю, вот и все!

Он, очевидно, шагнул в сторону Генриха, потому что Перро вдруг услышал, как Диана закричала:

– Он хочет оскорбить принца! Он хочет убить принца! На помощь!

И она, по-видимому, в замешательстве выскочила из комнаты, хотя господин де Монморанси и просил ее успокоиться, говоря, что у них две шпаги против одной и надежный эскорт на нижней лестничной площадке. Перро заметил, как она, вся в слезах, помчалась по коридору к себе, призывая на помощь своих служанок и людей дофина.

Но ее бегство отнюдь не охладило пыла противников, и граф тут же подхватил вырвавшееся у Монморанси слово «эскорт».

– Очевидно, – едко усмехнулся он, – монсеньор дофин считает возможным платить за оскорбление шпагами своих людей?

– Нет, сударь, – гордо ответил Генрих, – мне довольно будет одной моей шпаги, дабы покарать кого угодно за дерзость.

Они уже схватились за эфесы шпаг, когда в спор опять вмешался Монморанси.

– Простите, монсеньор, – сказал он, – но тот, кто, быть может, завтра взойдет на престол, не вправе рисковать своей жизнью сегодня. Вы, монсеньор, не только человек, вы – на-

род: дофин Франции может сражаться только за Францию.

– Но в таком случае, – воскликнул граф, – дофин Франции, обладающий всем, не имеет права отнимать у меня ту, которой одной я посвятил всю свою жизнь, ту, кто для меня дороже всего и всех, ибо ради нее я позабыл все на свете... да, да... ради этой женщины, которая, возможно, обманула меня. Но нет, она не обманула меня, этого не может быть, я слишком ее люблю! Монсеньор! Простите мне мою несдержанность, мое безумие и сообразуйте мне сказать, что вы не любите Диану. Не приходят же, в самом деле, к любимой женщине в сопровождении господина Монморанси и эскорта из восьми или десяти солдат!..

На это господин де Монморанси ответил:

– Несмотря на возражения монсеньора, я пожелал сегодня вечером сопровождать его с эскортом, так как меня тайно известили о готовящемся на него нападении. Я должен был, однако, расстаться с ним на пороге этого дома. Но ваши крики, долетавшие до нас, побудили меня пойти дальше и окончательно увериться в правдивости сообщения неизвестных друзей, столь своевременно меня предостерегших.

– О, я знаю, кто эти неизвестные друзья! – сказал граф, горько рассмеявшись. – Это, по-видимому, те же люди, которые и меня предупредили, что сегодня вечером здесь будет дофин. И они вполне преуспели в своем замысле, они и та, кто его им внушила. Ибо госпожа д'Этамп, видимо, хотела только одного: скандала, который бы осрамил госпожу

де Пуатье. А господин дофин, не поколебавшись нанести ей любовный визит с целой армией, достойно посодерживал этой затее. Значит, вы уже до того докатились, Генрих Валуа, что совсем перестали щадить имя госпожи де Брезе?.. Вы открыто объявляете ее своею дамой сердца? Вы у меня украли ее и с нею вместе мое счастье и мою жизнь! Но разрази меня гром, тогда и мне некого щадить! Если ты – наследник французского престола, Генрих Валуа, то это не ставит тебя вне рядов дворянства, и ты мне ответишь за свой бесчестный поступок... или ты подлый трус!

– Негодяй! – закричал дофин, выхватив шпагу и бросаясь на графа.

Но господин де Монморанси опять стал между ними:

– Монсеньор! Повторяю вам: в моем присутствии наследник трона не скрестит шпаги из-за бабьей юбки...

– С человеком более знатным, чем ты, придворный холодей! – перебил его в исступлении граф. – А впрочем, каждый дворянин равен королю. Монтгомери стоят Валуа. Они столько раз роднились с французскими и английскими принцами крови, что могут иметь право биться с ними. Монтгомери во втором и третьем колене носили французский королевский герб. Итак, монсеньор, у нас гербы так же схожи, как и шпаги. Ну же, будьте рыцарем! Но нет! Вы всего лишь робкий мальчик, вы охотно прячетесь за спину своего наставника.

– Пустите меня, Монморанси! – кричал дофин, вырыва-

ьясь из рук коннетабля.

– Нет, сто чертей, – гремел тот, – я не дам вам драться с этим буйнопомешанным. Назад! Эй, ко мне! – крикнул он во весь голос.

А сверху доносились вопли Дианы, которая, наклонившись над перилами, тоже кричала не своим голосом:

– На помощь! Бегите! Бегите сюда! Не дайте ему убить принца!

Это предательство Далилы, по-видимому, довело графа до умоисступления. Ведь и без того их было двое против одного.

Перро застыл от ужаса, услышав его слова:

– Так что же, Генрих Валуа? Чтобы получить от тебя и от твоего сводника удовлетворение, нужно нанести тебе оскорбление действием?

Перро показалось, что граф тогда шагнул вперед и поднял руку на дофина. У Генриха вырвался глухой рев. Но Монморанси, по-видимому, схватил графа за руку, потому что Перро расслышал возглас принца:

– Его перчатка задела мой лоб! Он теперь не может умереть иначе, как от моей руки, Монморанси!

Все это произошло в мгновение ока. В этот миг в комнату ворвались телохранители. Завязалась отчаянная борьба, зазвенели шпаги. Монморанси кричал:

– Вяжите бесноватого!

А дофин:

– Не убивайте его, ради бога, не убивайте!

Этот слишком неравный бой длился не больше минуты. Перро даже не успел прийти на помощь своему господину. Добежав до порога молельни, он увидел одного из телохранителей распростертым на полу; у двух или трех из ран хлестала кровь, но граф был уже обезоружен, связан, и его держали не то пять, не то шесть человек. Перро, которого в суматохе никто не заметил, решил, что ему лучше не попадаться в лапы этих господ. В этом случае он хоть сможет сообщить друзьям о происшедшем или в чем-нибудь помочь своему господину при более благоприятных обстоятельствах. Он бесшумно вернулся на прежнее место и стал ждать удобного момента, чтобы попытаться спасти графа. Кстати, граф не был убит и даже не ранен... Вы сейчас увидите, монсеньор, что моему мужу нельзя было отказать ни в мужестве, ни в отваге. Да и благоразумия у него было не меньше, чем доблести... Покамест же ему оставалось только одно: наблюдать за происходящим и ждать.

Между тем господин де Монтгомери не переставал кричать:

– Говорил же я тебе, Генрих Валуа, что от моей шпаги ты защитишься десятком чужих шпаг и от моего оскорбления – холопским мужеством своих солдат!..

– Вы слышите, господин де Монморанси? – говорил дофин, дрожа всем телом.

– Кляп ему в рот! – приказал Монморанси, не отвечая

принцу. – Я пошлю вам сказать, что с ним делать, – продолжал он, обращаясь к своим людям. – А до тех пор не спускать с него глаз! Вы отвечаете мне за него головой.

И он вышел из молельни, увлекая за собой дофина. Пройдя по коридору, где прятался за портьерой Перро, они вошли в спальню госпожи Дианы.

Тогда Перро перебежал на другую сторону коридора и прижался ухом к замурованной двери.

Все, что он до сих пор видел и слышал, не шло ни в какое сравнение с тем, что ему предстояло услышать теперь.

XXII. Диана предает прошлое

– Господин де Монморанси, – сказал дофин, удрученный и разгневанный, – напрасно вы меня удерживали чуть ли не силой... Я крайне недоволен собою и вами...

– Разрешите вам сказать, монсеньор, – ответил Монморанси, – что так может говорить любой молодой человек, но не сын короля. Ваша жизнь принадлежит не вам, а вашему народу, и у венценосцев совсем не те обязанности, что у прочих людей.

– Отчего же, в таком случае, я гневаюсь на самого себя и испытываю чувство стыда? – спросил принц. – Ах, и вы здесь, герцогиня! – продолжал он, только что заметив Диану.

И так как уязвленное самолюбие на сей раз возобладало над ревнивой любовью, то у него вырвалось:

– У вас в доме и из-за вас меня впервые оскорбили.

– У меня в доме, к несчастью, да. Но не из-за меня, монсеньор, – ответила Диана. – Разве я не пострадала так же, как и вы, и даже больше? Ведь я во всем этом никак не повинна. Разве я этого человека люблю? Разве когда-нибудь любила?

Предав его, она еще и отрекалась от него!

– Я люблю только вас, монсеньор, – продолжала она, – мое сердце и моя жизнь принадлежат всецело вам. Я начала жить с того лишь момента, как вы овладели моим сердцем. Когда-то, впрочем... Я смутно припоминаю, что не со-

всем лишала надежды Монтгомери... Однако никаких определенных обещаний я ему не давала. Но вот явились вы, и все было забыто. И с той благословенной поры, клянусь вам, я принадлежала вам, жила только для вас, монсеньор. Этот человек лжет, этот человек стакнулся с моими врагами, этот человек не имеет никаких прав на меня, Генрих. Я едва знаю его и не только не люблю, а ненавижу его и презираю. Я даже не спросила вас, жив ли он еще или убит. Я думаю только о вас...

– Так ли это? – все еще подозрительно спросил Генрих.

– Проверить это можно легко и быстро, – вставил господин де Монморанси. – Монтгомери жив, герцогиня, но наши люди его связали и обезвредили. Он тяжело оскорбил принца. Однако предать его суду невозможно. Судебное разбирательство такого преступления было бы опаснее самого преступления. С другой стороны, еще менее допустимо, чтобы дофин согласился на поединок с этим негодяем. Каково же ваше мнение на этот счет, герцогиня? Как нам поступить с этим человеком?

Зловещее молчание воцарилось в комнате. Перро затаил дыхание, чтобы лучше расслышать ответ, с которым так медлила герцогиня. По-видимому, госпожа Диана страшилась самой себя и тех слов, которые собиралась произнести.

Но нужно же было в конце концов заговорить, и она произнесла почти твердым голосом:

– Преступление господина Монтгомери называется

оскорблением величества. Господин Монморанси, какую налагают кару на виновных в оскорблении величеств?

– Смерть, – ответил коннетабль.

– Так пусть этот человек умрет, – хладнокровно сказала Диана.

Все вздохнули. В комнате снова стало тихо, и лишь после долгого молчания раздался голос Монморанси:

– Вы, герцогиня, действительно не любите и никогда не любили господина де Монтгомери.

– А я теперь еще решительнее возражаю против смерти Монтгомери, – заявил дофин.

– Я тоже, – ответил Монморанси, – но по другим основаниям. Мнение, подсказанное вам великодушием, монсеньор, я поддерживаю из благоразумия. У графа де Монтгомери есть влиятельные друзья и родственники во Франции и в Англии. При дворе, кроме того, известно, что он должен был с нами встретиться здесь этой ночью. Если завтра у нас громогласно потребуют его возвращения, мы не можем предъявить им лишь его труп. Наша знать не желает, чтоб с ней обращались, как с чернью, и убивали ее без всяких церемоний. Поэтому нам нужно ответить примерно так: «Господин де Монтгомери бежал» или: «Господин де Монтгомери ранен и болен». Ну а если нас припрут к стене, что ж поделаешь! На худой конец мы должны иметь возможность вытащить его из тюрьмы и показать клеветникам. Но я надеюсь, что эта предосторожность окажется излишней. Справ-

латься о Монтгомери люди будут завтра и послезавтра. Но через неделю разговоры о нем утихнут, а через месяц вообще прекратятся. Нет людей забывчивее, чем друзья. Итак, я считаю, что преступник не должен ни умереть, ни жить: он должен исчезнуть!

– Да будет так! – сказал дофин. – Пусть он уедет, пусть покинет Францию. У него есть поместья и родственники в Англии, пусть ищет убежища там.

– Ну нет, монсеньор, – ответил Монморанси. – Смерть – слишком большая кара для него, а изгнание – слишком большая роскошь. Не хотите же вы, – и он понизил голос, – чтоб этот человек рассказывал в Англии о том, как поднял на вас руку.

– О, не напоминайте мне об этом! – вскричал дофин, заскрежетав зубами.

– И все же я должен напомнить вам об этом, дабы удержать вас от неразумного поступка. Надо, повторяю, устроить так, чтобы граф – будь он жив или мертв – не мог ничего разгласить. Наши телохранители – люди надежные, и, кроме того, они не знают, с кем имеют дело. Комендант Шатле – мой друг, к тому же он глух и нем, как его тюрьма. Пусть Монтгомери в эту ночь переведут в Шатле. Завтра станет известно, что он исчез, и мы распространим об этом исчезновении самые разноречивые слухи. Если слухи эти не утихнут сами собой, если друзья графа поднимут слишком сильный шум – в чем я очень сомневаюсь – и доведут тщательное

следствие до конца, то нам для своего оправдания достаточно будет предъявить книгу Шатле, из которой люди увидят, что господин Монтгомери, обвиняемый в оскорблении наследника престола, ждет в тюрьме законного судебного приговора. А затем, по предъявлении такого доказательства, наша ли будет вина, что в тюрьме, месте вообще нездоровом, на господина де Монтгомери слишком сильно подействуют горе и угрызения совести и он скончается прежде, чем сможет предстать перед судом?

– Что вы говорите, Монморанси! – перебил его, содрогнувшись, дофин.

– Будьте спокойны, монсеньор, – продолжал советник принца, – к такой крайней мере нам прибегнуть не придется. Шум, вызванный исчезновением графа, затихнет сам собою. Друзья утешатся и быстро забудут его, и господин де Монтгомери, перестав жить в обществе, сможет сколько угодно жить в тюрьме.

– Но ведь у него есть сын, – возразила госпожа Диана.

– Да, малолетний, и ему скажут, что с отцом его неизвестно что случилось, а когда он подрастет, если только ему суждено подрасти, то у него будут свои интересы, свои страсти, и ему не захочется углубляться в историю пятнадцати- или двадцатилетней давности.

– Все это верно и хорошо придумано, – сказала госпожа де Пуатье. – Ну что ж, склоняюсь, одобряю, восхищаюсь!

– Вы действительно слишком добры, сударыня, – поклон-

нился ей польщенный Монморанси, – и я счастлив заметить, что нам назначено самой судьбой понимать друг друга.

– Но я не одобряю и не восхищаюсь! – воскликнул дофин. – Напротив, порицаю и противлюсь...

– Порицайте, монсеньор, и вы будете правы, – перебил его Монморанси, – порицайте, но не противоречьте; осуждайте, но не препятствуйте. Все это вас ничуть не касается, и я беру на себя всю ответственность перед Богом и людьми за этот шаг.

– Но ведь это преступление свяжет нас! – воскликнул дофин. – Вы отныне будете мне не только друг, но и сообщник!

– О, монсеньор, от таких мыслей я далек, – заверил его коварный советник. – Но, может, нам предоставить разрешение этого вопроса вашему отцу, государю?

– Нет, нет, пусть отец ничего не знает об этом! – живо отозвался дофин.

– Однако мне пришлось бы доложить ему это дело, если бы вы упорствовали в своем ложном убеждении, будто мы все еще живем в рыцарское время, – усмехнулся господин де Монморанси. – Но не будем торопиться, а предоставим времени нас умудрить. Согласны? Только пусть граф будет по-прежнему под арестом. Это необходимо для осуществления последующих наших решений, каковы бы они ни были. Сами же решения эти отложим на некоторое время.

– Быть посему! – поспешно согласился слабовольный дофин. – Дадим время одуматься господину де Монтгомери,

да и у меня тогда будет возможность хорошенько обдумать, как велют мне поступить моя совесть и мое достоинство.

– Возвратимся же в Лувр, монсеньор, – сказал господин Монморанси. – Пусть все общество удостоверится, что мы не здесь. Завтра я вам возвращу принца, – обратился он с улыбкой к госпоже де Пуатье, – так как убедился, что вы его любите истинной любовью.

– Но уверен ли в этом монсеньор дофин? – спросила Диана. – И простил ли он мне эту злополучную, такую для меня неожиданную встречу?

– Да, вы любите меня, и это... страшно, Диана, – ответил задумчиво дофин. – Боль, испытанная мною при мысли, что я вас мог утратить, показала мне с полной очевидностью, что любовь эта необходима для меня, как воздух.

– О, если бы это было правдой! – страстно воскликнула Диана, целуя руку, которую в знак примирения подал ей принц.

– Идемте же, больше медлить нельзя, – сказал Монморанси.

– До свидания, Диана!

– До свидания, мой повелитель, – сказала герцогиня, вложив в эти последние два слова все свое очарование, на какое она была способна.

Пока дофин сходил по лестнице, Монморанси открыл дверь молельни, где лежал связанный господин де Монтгомери, и сказал начальнику стражи:

– Я скоро пришлю к вам своего человека, и он скажет, как поступить с арестантом. А пока следите за каждым его движением и не спускайте с него глаз. Вы мне за него отвечаете своей жизнью.

– Слушаюсь, монсеньор, – ответил стражник.

– Да и я сама за ним присмотрю, – отозвалась госпожа де Пуатье, стоявшая у порога своей спальни.

В доме воцарилось гробовое молчание, и Перро слышал лишь равномерные шаги часового, ходившего взад и вперед у двери молельни.

XXIII. Бесплезная жертва

Воспоминания об этой ужасной катастрофе совершенно выбили из колеи Алоизу. Она говорила с трудом и наконец прервала свой рассказ, чтобы хоть немного отдышаться. Затем, собравшись с духом, она продолжала:

– Когда дофин и его гнусный наставник вышли, пробило час. Перро понял, что ему не спасти своего господина, если он не воспользуется временем, оставшимся до прихода посланца Монморанси. Нужно было действовать. Он заметил, что коннетабль не указал никакого пароля, никакого знака, по которому можно было бы узнать его посланца. Поэтому, прождав около получаса, чтобы сделать правдоподобной свою встречу с коннетаблем, Перро осторожно вышел из укрытия, тихо спустился по лестнице на несколько ступеней, затем уже нарочито твердым шагом поднялся обратно и постучался в дверь молельни.

План, внезапно зародившийся у него в голове, был отчаянно смел, но именно в этой отчаянности заложена была возможность успеха.

– Кто идет? – окликнул часовой.

– Посыльный от монсеньора барона де Монморанси.

– Открой, – сказал часовому начальник стражи.

Дверь отперли, Перро смело, с высоко поднятой головой вошел в молельню и объявил:

– Я конюший господина Шарля де Манфоля, который подчинен, как вы знаете, господину де Монморанси. Мы со своим господином возвращались из караула в Лувре и встретились на Гревской площади с господином де Монморанси. С ним был высокий молодой человек, закутанный в плащ с ног до головы. Узнав господина де Манфоля, господин коннетабль подозвал его. После краткой беседы оба они велели мне отправиться сюда, к госпоже Диане де Пуатье, где должен находиться некий арестант. Насчет него господин де Монморанси отдал мне особый приказ, и я пришел его исполнить. Я попросил у него провожатых, но он мне сказал, что я застану здесь достаточно сильный отряд. И в самом деле, вас тут больше, чем мне нужно для выполнения полученного приказа. Где арестант?.. А, вот он! Выньте-ка кляп у него изо рта, мне надо с ним поговорить.

Несмотря на непринужденный тон Перро, добросовестный начальник стражи все же колебался.

– Нет ли у вас письменного приказа? – спросил он.

– Кто же пишет приказы на Гревской площади в третьем часу ночи? – ответил, пожимая плечами, Перро. – Господин де Монморанси говорил, что вы предупреждены о моем приходе.

– Это верно.

– Так что же вы меня задерживаете, милый человек? Вот что: удалите отсюда всех своих людей, мне нужно сказать этому господину одну секретную вещь. Ну? Да вы что, не

слышите меня, что ли? Отойдите все подальше!

Они и в самом деле отошли, и Перро приблизился к господину Монтгомери, уже освобожденному от кляпа.

– Мой славный Перро, – прошептал граф, уже раньше узнавший своего слугу. – Как ты здесь очутился?

– Потом расскажу, монсеньор. Нам нельзя терять ни секунды. Слушайте меня.

В двух словах он рассказал графу про сцену, только что разыгравшуюся у госпожи Дианы, и про принятое господином де Монморанси решение навеки похоронить страшную тайну оскорбления вместе с оскорбителем. Необходимо было пойти на отчаянный шаг, чтобы спастись от вечного заточения.

– Что же ты намерен сделать, Перро? – спросил господин де Монтгомери. – Ты видишь, что нас двое, а их восемь... И мы здесь в доме не у друзей, – прибавил он с горечью.

– Все равно, – сказал Перро. – Предоставьте мне только действовать и говорить – и вы спасены, вы свободны.

– Для чего мне жизнь и свобода, Перро? – печально спросил граф. – Диана не любит меня! Диана ненавидит и предаст меня!

– Забудьте эту женщину и вспомните о своем ребенке, монсеньор.

– Ты прав, Перро, я совсем забыл своего маленького Габриэля, и за это Бог меня справедливо карает. Итак, ради него я должен, я согласен испытать последнюю возможность

спасения – ту, что ты мне предложил, мой друг. Но прежде всего слушай. Если попытка эта не удастся, я не хочу оставить в наследство сироте плоды моей роковой участи, не хочу, чтобы после моего исчезновения страшная вражда, губящая меня, была перенесена на него. Поклянись же мне, что если я буду похоронен в тюрьме или могиле, а ты меня переживешь, то ты навеки скроешь от Габриэля тайну исчезновения его отца. Ведь если ему откроется эта ужасная тайна, он пожелает в будущем отомстить или спасти меня и тем самым погубит себя. Поклянись мне, Перро, и считай себя свободным от своей клятвы в том лишь случае, если те трое участников этой комедии – дофин, госпожа Диана и Монморанси – умрут раньше меня. Только в таком весьма сомнительном случае пусть он попытается, если пожелает, найти меня и потребовать моего освобождения. Обещаешь ты мне это, Перро? Клянешься ты мне в этом? Только при таком условии препоручу я свою участь твоей отважной и, боюсь, бесполезной преданности.

– Вы этого требуете? Клянусь!

– На кресте своей шпаги поклянись, Перро, что Габриэль от тебя не услышит ничего об этой опасной тайне.

– На кресте своей шпаги клянусь! – сказал Перро, вытянув правую руку.

– Спасибо, друг! Теперь делай что хочешь, верный мой слуга.

– Побольше хладнокровия и уверенности, монсеньор, –

сказал Перро. – Сейчас увидите, что будет.

И, обратившись к начальнику стражи, он объявил:

– Обещания, которые мне дал арестант, вполне удовлетворительны: можете его развязать и отпустить.

– Развязать? Отпустить? – повторил изумленный цербер.

– Ну да! Таков приказ монсеньора Монморанси.

– Монсеньор Монморанси приказал мне, – ответил тот, – стеречь этого господина, не спуская с него глаз, и, уходя, объявил, что мы отвечаем за него собственной жизнью. Как же может господин Монморанси приказать теперь, чтобы мы его освободили?

– Стало быть, вы отказываетесь подчиниться мне, говорящему от его имени? – спросил Перро, нисколько не теряя самообладания.

– Не знаю, как и быть. Послушайте, если бы вы мне приказали зарезать этого господина, или бросить его в Сену, или отвезти в Бастилию, мы бы вас послушались, но отпустить – дело для нас непривычное!

– Пусть так! – ответил, не смущаясь, Перро. – Приказ, полученный мною, я вам передал, а что до прочего, я умываю руки. Вы сами ответите господину Монморанси за подобное непослушание. Мне здесь делать больше нечего, будьте здоровы. – И он отворил дверь, как бы собираясь уйти.

– Эй, погодите, – остановил его начальник стражи, – куда вы торопитесь? Так вы утверждаете, что господин Монморанси желает отпустить арестанта на волю? Вы уверены, что

вас послал сюда не кто иной, как господин Монморанси?

– Олух! – резко ответил Перро. – Иначе откуда бы мне знать, что тут стерегут арестанта?

– Ну ладно, вам развяжут этого человека, – проворчал страж. – Как переменчивы эти вельможи, черт подери!

– Хорошо. Я жду вас, – сказал Перро.

Однако он остановился на лестничной площадке, сжимая в руке обнаженный кинжал. Если бы он увидел поднимающегося по лестнице подлинного посланца Монморанси, тот бы дальше площадки не дошел.

Но он не увидел и не услышал за своей спиной госпожи Дианы, которая, привлеченная громкими голосами, подошла к порогу молельни. Через открытую дверь она увидела, как развязывают графа, и в ужасе завопила:

– Несчастные, что вы делаете?

– Исполняем приказ господина де Монморанси, – ответил цербер, – развязываем арестанта.

– Не может быть! – воскликнула госпожа де Пуатье. – Господин де Монморанси не мог дать такого приказа. Кто вам этот приказ доставил?

Стражи показали на Перро, который, услышав голос Дианы, оторопело повернулся к ним. Свет лампы упал на бледное лицо бедняги. Госпожа Диана узнала его.

– Вот этот человек? – прошипела она. – Да это же конюший арестованного! Смотрите, что вы готовы были натворить!

– Ложь! – крикнул Перро, еще пытаясь маскироваться. – Я конюший господина де Манфоля и прислан сюда господином де Монморанси!

– Кто смеет выдавать себя за посланца господина де Монморанси? – раздался незнакомый голос, голос подлинного посланца коннетабля. – Ребята, этот малый лжет. Вот перстень и печать Монморанси, и вы к тому же должны меня знать – я граф де Монтансье. Как вы осмелились вынуть у арестанта кляп изо рта? Вы развязываете его? Негодяи! Немедленно заткнуть ему рот и связать его еще крепче!

– В добрый час! – сказал начальник стражи. – Вот такие приказы мне понятны!

– Бедный Перро! – только и сказал господин Монтгомери. Он ни словом не упрекнул Диану. Быть может, он боялся также еще больше повредить своему бравому слуге.

Но Перро, к несчастью, повел себя не так рассудительно и обратился к Диане с негодующими словами:

– Отлично, сударыня, в вероломстве вы, по крайней мере, идете до конца. Святой Петр отрекся трижды от Господа своего, но Иуда предал его только один раз. Вы же за час предали трижды графа. Правда, Иуда был всего лишь мужчиной, а вы – женщина и герцогиня!

– Схватить этого человека! – разъярилась госпожа Диана.

– Схватить этого человека! – повторил за нею граф де Монтансье.

– О нет! Я еще постою за себя! – воскликнул Перро и ре-

шился на отчаянную попытку: рванувшись вперед, он подскочил к графу и начал разрезать на нем путы, крича: – Помогайте сами себе, монсеньор, и мы дорого продадим свои жизни!

Но не успел он освободить ему левую руку, как десять шпаг ударили по его шпаге. Отбиваясь от наседавших со всех сторон стражей, он получил наконец сильный удар между лопаток и замертво свалился к ногам своего господина.

XXIV. О том, что пятна крови никогда не отмыть до конца

Что затем произошло, Перро не знал.

Очнулся он от холода. Потом, собравшись, открыл глаза и осмотрелся. Стояла все еще глубокая ночь. Он лежал на сырой земле, рядом с ним валялся чей-то труп. При свете неугасимой лампы, мерцавшей в нише с изваянием Мадонны, он разглядел, что находится на кладбище Невинных Душ. Окоченелый труп принадлежал тому самому стражу, которого убил граф. Очевидно, и Перро сочли убитым.

Он попытался было привстать, но острая боль снова бросила его на землю. Однако с нечеловеческими усилиями он все-таки поднялся и сделал несколько шагов. В эту же минуту свет фонаря озарил глубокий мрак, и Перро увидел двух мужчин, направляющихся в его сторону.

– Говорили – возле статуи Мадонны, – сказал один из них.

– Вот наши молодцы, – ответил тот, заметив труп. – Нет, здесь только один...

– Что ж, поищем и другого!

И могильщики принялись, подсвечивая себе фонарем, шарить вокруг. Но у Перро хватило сил дотащиться до уединенной гробницы и спрятаться за нею.

– Должно быть, второго черт унес, – проговорил один из могильщиков, по-видимому, веселый малый.

– Брось ты его поминать, не к чему и не к месту, – дрожащим голосом ответил другой и перекрестился, поеживаясь от страха.

– Ей-богу, нет никакого второго, – сказал весельчак. – Что же делать-то? Ба, зароем этого и скажем, что его приятель сбежал или, может, господа сами обсчитались.

Они начали рыть яму, и Перро с радостью услышал, как весельчак говорил товарищу:

– Я вот о чем думаю. Если мы признаемся, что нашли только одного и вырыли только одну могилу, то нам заплатят пять пистолей вместо десяти. Не стоит, пожалуй, рассказывать про диковинный побег второго покойничка.

– Верно, – ответил набожный могильщик. – Но лучше просто сказать, что мы, мол, работу кончили. Мы ведь тогда не соврем...

Между тем Перро, то и дело теряя сознание, все же двинулся в путь.

Немало времени понадобилось ему, чтобы добраться до улицы Садов святого Павла. По счастью, в январе ночи долги. Ни с кем не встретившись, около шести утра он был уже дома.

– Несмотря на холод, монсеньор, – продолжала Алоиза, – я в тревоге простояла у открытого окна всю ночь. Едва лишь послышался голос Перро, я помчалась к дверям и впустила его.

– Молчи! Бога ради! – приказал он мне. – Помоги мне

подняться в нашу комнату, но главное – никаких криков, никаких разговоров!

Он шел, опираясь на меня, а я, хотя и видела, что он ранен, не смела расспрашивать его. Только беззвучно плакала. Когда мы поднялись и я сняла с него одежду и оружие, мои руки сразу же окрасились кровью. На теле у Перро зияли глубокие раны. Властным движением руки он предупредил мой крик и повалился на постель, стараясь хоть немного облегчить свои ужасные страдания.

– Позволь же мне сбегать за лекарем... позволь... – рыдала я.

– Не к чему, – ответил он. – Ты знаешь, я кое-что смыслю в хирургии. Любая из этих ран смертельна, но пока я еще жив... Господь Бог, карающий убийц и предателей, продлил мою жизнь на несколько часов... Вскоре начнется новый приступ горячки, и всему настанет конец. Никакой лекарь на свете не может его предотвратить.

Он говорил с мучительными усилиями. Я упростила его немного отдохнуть.

– Ты права, – согласился он, – мне надо поберечь свои последние силы. Дай мне бумагу и перо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.